

Л. А. ГОЛОФАСТ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ОБЛИК ХЕРСОНА В XIII ВЕКЕ

Херсонес, систематическое изучение которого ведется с конца XIX в., представляет огромный интерес для историка, занимающегося проблемами византийского города. В большинстве кварталов, погибших в результате пожара XIII в., сохранилось практически всё, что было в употреблении непосредственно перед катастрофой: из-за внезапности разрушения жители, возможно, успели вынести из домов только наиболее ценное. Позже, в отличие от других византийских городов, остатки которых перекрыты более поздними зданиями, большая часть Херсона не была застроена и сохранила в неприкосновенности весь комплекс вещей и построек, предоставляя возможность реконструировать и лучше понять жизнь провинциального византийского города XIII в.

Оборонительные сооружения. Облик провинциальных византийских городов в значительной степени определялся окружающими их оборонительными сооружениями, которые, согласно одному из основных требований, предъявляемых к обороне города, должны были заключать в себе территорию, которую можно было защитить имеющимся населением. Обычно города имели несколько линий обороны, в том числе ту, которая окружала акрополь (*kastron*), располагавшийся иногда на значительном расстоянии от города [1, р. 639, 642]. Классический пример идеальной городской застройки византийского образца представляет Преслав, основанный в VIII-IX вв. и в периоды с 971 до 986 гг. и с 1000 до 1185 гг. входивший в состав Византийской империи. Город состоял из внутреннего и внешнего города. Первый, располагавшийся на высокой террасе и окруженный оборонительной стеной, служил цитаделью. Здесь размещались главные государственные учреждения: дворец правителя, храм, резиденция болгарского патриарха, различные административные учреждения. Второй, между цитаделью и внешней оборонительной стеной, состоял из нескольких существенно отличавшихся друг от друга районов. Наиболее обширная его часть была заселена ремесленниками (раскопками здесь были открыты кузнечные,

гончарные, ювелирные и др. мастерские), производившими товары для рынка. В другом районе были сосредоточены монастырские комплексы, большие усадьбы и дома. Здесь также были выявлены следы ремесленного производства, носившего, однако, скорее домашний характер и предназначавшегося для удовлетворения собственных нужд. Самую маленькую площадь занимал район, где были открыты Круглая церковь, один из наиболее значимых архитектурных памятников Болгарии, и большой рынок, состоявший из 18 одинаковых торговых помещений, пристроенных к оборонительной стене [2, р. 668-669].

Совсем другую картину представляет Херсонес, который, не предпринимая никаких попыток защитить свою значительно сократившуюся территорию, продолжал использовать старые оборонительные стены, поддерживая их обороноспособность ремонтами и перестройками, самые поздние из которых относятся к XI-XII вв. Именно в это время возводится третий ярус куртины 18 на Юго-восточном участке и проводятся значительные работы, кардинально изменившие линию приморских оборонительных стен в Портовом районе. Последние работы были вызваны уменьшением акватории и глубины Карантинной бухты, что сделало бесполезным дальнейшее использование старой оборонительной стены, которая была перенесена далеко на восток [3, с. 109, 114, 116, 117, 121]. Ко времени после X в. относятся и перестройки в районе башни XII, когда дополнительной кладкой блоков с наружной стороны была усилена куртина и сооружена новая четырехугольная башня XII, более крупная по размерам и с большим выносом за линию стены [4, с. 7].

Кроме того, в XI в. после радикальной реконструкции передовой стены, взявшей на себя роль главного фактора защиты [3, с. 124], военная улица-помериум, шедшая вдоль тыльной стороны основной стены, была застроена жилыми домами, что прослежено не только на юго-восточном отрезке оборонительных стен, но и на так называемом театральном участке. Дома пристраивались вплотную к стене [5, л. 186], а в одном из помещений (помещении 14) в ней даже была пробита полукруглая ниша, вероятно, служившая кладовкой (рис. 1) [6, с. 40, табл. I]. Таким образом, было нарушено одно из основных положений *Strategika*, категорически запрещавшее строить дома вплотную к оборонительным стенам. Справедливости ради следует отметить, что Херсонес не был в этом плане исключением: в средне/позневизантийский период это положение не соблюдалось в большинстве городов византийского мира, иначе не было бы смысла византийскому полководцу XI в. Кекавмену писать: «Каждый день осматривай стены и ворота и изнутри и снаружи. Стены крепости должны быть свободными – пусть дома не примыкают к ним. А если и есть [такой дом], разрушь его и совершенно оголи стены и изнутри и извне, в особенности же ворота, чтобы у тебя была возможность обходить и осматривать их. Если же дом, примыкающий к стене, – старый и дорогой, пусть тебя не смущает его уничтожение, разрушь и его» [7, с. 193-195].

На других участках оборонительных сооружений следов каких-либо перестроек или ремонтов, которые можно было бы отнести к XI-XIII вв., выявить не удалось [8, 67; 3, с. 105], хотя не исключено, что отсутствие таковых объясняется трудностью, а то и невозможностью, их археологического выявления, т.к. трудно представить, что херсонеситы, уделявшие столько внимания безопасности своего порта, не заботились о поддержании в хорошем состоянии остальной части оборонительных стен. Несомненно, и в XI-XIII вв., в период усиливавшейся с каждым годом военной опасности, с одной стороны, и относительного экономического благосостояния, с другой, Херсон должен был заботиться о своей защите и следовать рекомендациям уже упоминавшегося Кекавмена, который писал: «Если ты, охраняя крепость, услышишь, что против тебя идет враг, займись тем, чтобы подготовиться к войне: позаботься о разрушенных стенах, укрепи башни и бастионы, набери камней поверх стен, сплети канаты, выкопай двойные и тройные рвы, как можно более глубокие и широкие, а за рвом – ямы, чтобы спотыкались кони...» [7, с. 193-195]. Вполне возможно, что в поздний период власти города, беспокоясь о надежной его защите, совсем не думали о красоте и монументальности оборонительных сооружений. Во всяком случае, именно так обстояло дело с крепостным строительством в других городах византийского мира. К примеру, в городах Никейской империи оборонительные стены, как правило, были сложены из необработанных камней, ряды которых чередовались с рядами целых или битых кирпичей [9, с. 58]. Не исключено, что так же выглядели и отремонтированные в поздний период участки оборонительных стен Херсона, что, естественно, затрудняет их выявление.

Административный центр города. В средне- и поздневизантийский период функции административного центра византийских городов обычно выполняли церковь, где собирались представители местной аристократии, и резиденция местного правителя, которая включала сокровищницу, архив, помещение для охраны и тюрьму [1, р. 645; 10, р. 196], и, как правило, располагалась на акрополе, в «замке», который в случае опасности должен был служить последней линией обороны и, в связи с этим, обладать соответствующими характеристиками [1, р. 642-643; 11, р. 505].

В Херсоне «административной» церковью, скорее всего, служил кафедральный собор города, т.н. Уваровская базилика. Рядом с базиликой, в квартале V, по-видимому, располагался дом епископа, который занимал довольно обширную территорию (346 м²) и включал двор (65 м²), коридор и жилые комнаты (рис. 2). Время его строительства установить невозможно, а функционировал он, судя по нескольким фрагментам черепицы, в том числе с метками в виде головы лошади, птицы, треугольника и буквами К, ІЄ и Є, обнаруженным в помещениях 1 и 2 [12, с. 162; 13, с. 162], вплоть до пожара XIII в.

Что касается резиденции правителя, то, к сожалению, центральная возвышенная часть города, где, вероятнее всего, она располагалась, была

фактически уничтожена в ходе строительства собора св. Владимира и монастырских зданий во второй половине XIX – начале XX вв. Правда, К.К. Косцюшко-Валюжинич успел раскопать застраивавшиеся участки, но оставленные исследователем краткие описания и схематичные планы открытых строительных остатков не могут быть в полной мере использованы для обоснования каких-то предположений. Все же, несмотря на это, хочется привлечь внимание к фрагментам чрезвычайно интересного и необычного для Херсона здания, открытого на небольшом незастроенном пространстве между монастырскими постройками (старой монастырской трапезной и сараями) (рис. 3). Здание, расположенное прямо напротив городских ворот «римско-византийской эпохи», имело «необычайной толщины стены, сложенные из бутового камня с заливкой известью. Толщина стен колеблется от 2 до 5 м, причем самые толстые (стены Я-5–Я-7) усилены еще и контрфорсными столбами квадратной формы (0,7х0,7 м). Продолжение этих стен было выявлено с западной стороны, за пределами монастырской ограды. В обширных помещениях (Ю-1–Ю-3), составлявших с вышеописанными стенами одно целое, были цементные полы. Кроме того, в комплекс здания входила баня с кальдарием: в одном из помещений (помещение «θ») были обнаружены каменные столбики квадратной формы (0,30х0,30 и 0,65 м), расположенные на расстоянии 0,35 м друг от друга и служившие опорой для цементного пола. С восточной стороны в помещение вела низкая арочная дверь, а при раскопках здесь были найдены 25 квадратных половых кирпичей (0,23х0,23х0,08 м) и 3 гончарные трубы. Водосточный канал, выходящий из большого помещения Ю-3, соединялся с общей сетью городской канализации [14, с. 53-54]. По свидетельству К.К. Косцюшко-Валюжинича, описанные помещения были застроены поздними зданиями. Однако судя по составленному им плану участка, к поздневизантийскому времени относится лишь цистерна 3, открытая в помещении Ю-1, и помещение, частично перекрывавшее помещение Ю-3 [14, табл. IV]. Отсутствие сведений о выявленном в ходе раскопок материале, как и отсутствие плана всего здания, большая часть которого в период раскопок уже была застроена монастырем, не позволяет с уверенностью говорить о его назначении и времени функционирования. Однако расположение в центре города на возвышенном участке, напротив городских ворот, от которых к нему вела улица, а также исключительная мощность стен, неуместная при любом другом назначении, позволяют сделать предположение, что это был т.н. «замок», являвшийся характерной чертой византийских городов рассматриваемого периода. Очевидно, что здание было построено до катастрофы конца X – XI вв., в результате которой, по-видимому, пострадало. В последующий период оно было частично разобрано и застроено, но остальная его часть была восстановлена и продолжала выполнять прежние функции претория. Наличие в здании бани, напоминающей по качеству постройки римские и ран-

невизантийские термы, не противоречит тому факту, что в средневизантийский период хорошие бани почти не строились. Византийская аристократия продолжала и в это время возводить для себя довольно хорошо устроенные и богато декорированные бани, хотя и уступающие по роскоши термам первых веков существования Византийской империи [15, р. 340-341].

Не исключено, что к комплексу зданий административного центра относится, к сожалению, снесенное во время монастырского строительства «очень большое – необычайно большое для Херсонеса здание Г», расположенное недалеко от вышеописанного здания с баней и, возможно, составлявшее с ним один комплекс (рис. 4).

Здание отличалось от окружавших его обычных для позднего Херсона усадеб толстыми, сложенными на извести стенами, которые покоились частично на материковой скале, а частично на стенах древнегреческих построек. Оно пронизано целой сетью водостоков и каменных труб для сбора с крыши дождевой воды, отвесно проходивших через капитальную стену. Судя по множеству найденных здесь плит, пол в здании был каменный, а обломки квадратных кирпичей, связанных прочной цемянкой, указывают на арочное завершение дверных и оконных проемов. С северо-востока здание вплотную подходило к улице византийской эпохи, а с юго-запада имело значительную свободную площадь, обнесенную с трех сторон стеной и занятую лишь «пашенной ямой» и часовней, которые, возможно, входили в комплекс здания Г, составляя с ним одно целое. В северо-западной стене ограды сохранились остатки каменных столбов от ворот.

Предположение о том, что здание Г могло быть замком, в котором размещались правительственные учреждения, высказывал еще К.К. Косцюшко-Валюжинич. По его мнению, здание было построено в римское время, но поддерживалось до окончательного упадка Херсонеса [14, с. 46-47]. В Отчете о раскопках исследователь отмечает находку в водосточном канале «г» 45 черепиц *in situ* с одинаковым клеймом в виде выпуклой буквы В [14, с. 46], которое, согласно А.Л. Якобсону, в Херсонесе встречается начиная с IX-X вв. [16, рис. 58, 121-123]. Не исключено, что эти черепицы были использованы во время ремонта здания в последний период его функционирования.

Здание было разрушено пожаром, о чем свидетельствуют множество горелых остатков балок и досок, а также плиты пола, покрытые копотью и потрескавшиеся от огня. Материал, выявленный в ходе его раскопок, не был описан исследователем, так же, как не даны определения монет, найденных в слое пожара. Упоминаются только «бронзовые монеты византийской эпохи» и девять раздавленных пифосов, которые «находились в наслоениях более позднего времени», без уточнения, к какому именно времени эти поздние наслоения относились [14, с. 48]. Поэтому трудно сказать, сгорело ли здание в результате пожара, который уничтожил большую часть города в XIII в., или оно было заброшено после какой-то более ранней катастрофы. Единственная

упомянутая К.К. Косцюшко-Валюжиничем находка, позволяющая, по крайней мере, не исключать возможность функционирования здания вплоть до пожара XIII в., – это сосуд с остатками носика (рис. 5), аналогичный сосудам, которые в Херсонесе обычно находят в слое пожара XIII в. Тогда «верхние лачужки со следами пожара», развалины которых перекрывали здание Г, могли принадлежать застройке, появившейся в этой части города уже после катастрофы XIII в.

Таковыми же «лачужками» был перекрыт и храм, расположенный в ограде здания Г. Аналогичные небольшие храмы в форме простого четырехугольника с выступающей алтарной апсидой строились по всему Причерноморью, в Византии и Греции, главным образом, после X в. [17, с. 310; 18, с. 291]. К этому же времени относится их массовое строительство в Херсонесе. Во всяком случае, в городе пока выявлен единственный одноапсидный храм, предположительно относящийся к более раннему времени (т.н. храм 1958 года). Данных, позволяющих определить время строительства храма из комплекса здания Г, нет, но пока это единственный в Херсонесе храм подобного рода, застроенный более поздними сооружениями. Возможно, это указывает на то, что храм, скорее всего, построенный, как и множество других аналогичных храмов города, после X в., был разрушен одновременно со зданием Г в XIII в. и затем застроен в ходе частичного восстановления города, когда большая его часть оставалась лежать в развалинах и никогда более не восстанавливалась.

К сожалению, оставленные К.К. Косцюшко-Валюжиничем отчеты о раскопках, в которых нет описания кладок, стратиграфии, нет послойной фиксации материала и многого другого, предоставляют широкие возможности для интерпретации результатов его исследований. И все же расположение описанных зданий в центре, на самом возвышенном участке городской территории, их разительное отличие от окружавшей византийской застройки указывают на то, что именно здесь мог располагаться административный центр, «замок» византийского Херсона. Кроме того, только эти здания более или менее соответствуют описанию «царского дворца», оставленному послом польского короля Стефана Батория Мартином Броневским, который посетил Херсонес в 1576 году: «Царский дворец с огромными стенами, башнями и великолепными воротами виден в той же части перешейка. Но прекрасные колонны из мрамора и серпантина, места которых и теперь еще видны изнутри, и огромные камни были взяты турками и перевезены за море для их собственных домов и публичных зданий» [19, с. 342].

Еще одним претендентом на роль административного центра (претория) города является, по мнению С.Б. Сорочана, монументальный комплекс, расположенный в северной половине каре, образуемого 18-21 куртинами оборонительных стен. В него входили два однотипных здания, каждое площадью около 200 м², с четырьмя внутренними помещениями и трехнефная, почти квадратная в плане (9,0x8,7 м) базилика, роскошно украшенная мрамором и мозаикой.

Здания размещались вокруг большого центрального двора (23,5x12 м), в который можно было попасть через украшенный колоннадным портиком вход, располагавшийся в его западной части [20, с. 109]. *Terminus post quem* комплекса определяет материал из колодца, засыпанного, по-видимому, в ходе нивелировки площади перед его строительством. Самые поздние монеты из его заполнения относятся ко времени правления Василия I (867-886). На расстоянии 13,2 м от описанного комплекса и параллельно ему располагалось еще одно крупное общественное здание, которое, судя по стратиграфии, было возведено в то же время и тоже могло служить для нужд администрации [20, с. 117].

Комплекс просуществовал до начала XII в., о чем свидетельствуют находки в слое его разрушения обломков керамики XII в. и монет Романа IV (1067-1071). Здания комплекса были разобраны, базилика – перекрыта земляной насыпью с могилами XII в. [20, с. 115], а на месте северного крыла возникла небольшая трехкамерная постройка, в которой оказался клад из 40 монет рубежа XI-XII вв., что также указывает на время, к которому здание претория было уже заброшено [20, с. 110].

Планировка Херсона. Период «темных веков» кардинально изменил жизнь византийского общества. На смену открытому, обращенному к внешнему миру существованию ранневизантийского города, требовавшему больших открытых пространств, просторных храмов и общественных сооружений, пришел совершенно иной жизненный уклад: общество стало более закрытым, византийцы сосредоточились на частной домашней жизни, доминантой стали дом и семья. Это не могло не сказаться на архитектурном облике византийских городов: исчезли большие площади и общественные здания. На смену им пришли маленькие внутриквартальные свободные от застройки пространства, невзрачные жилые дома, не представляющие какого-либо архитектурного интереса, а общественная архитектура была сведена почти исключительно до небольших приходских церквей [10, р. 193].

Кроме того, к интересующему нас времени имевшиеся в каждом ранневизантийском городе службы, в обязанности которых входило составление проекта городской застройки и надзор за его соблюдением [21, р. 98], были упразднены, и большинство городов застраивалось спонтанно, без какого-либо плана, представляя скопление хаотично расположенных домов [1, р. 638-639; 22; 10, р. 195]. Единственным формообразующим фактором, сказывавшемся на планировке некоторых городов, были руины наиболее значительных зданий предшествующих периодов, часто определявших направление дорог, улиц и даже структуру некоторых домов [23, р. 55-56]. Херсон, наряду с Никеей, Фессалониками, Родосом и Синопом [11, р. 509], в основном сохранившими античную сетку кварталов, выигрышно выделялся на таком фоне. Как и в античное время, костяк его застройки составляли пересекающиеся под прямым углом продольные и поперечные улицы, и единственным изменением, которое

иногда вносили в древнюю планировку средневековые строители, было объединение двух или даже нескольких античных кварталов в один путем застройки разделявших их улиц. Примерами подобного объединения могут служить квартал Ха в Северном районе, появившийся на месте двух эллинистических кварталов [24, с. 290], и огромный квартал между IX и X поперечными улицами в Северном прибрежном районе, который занял площадь шести кварталов эллинистического времени (XIII-XVIII) [25, с. 123].

Улицы. Улицы Херсона, за редкими исключениями (например, на юго-восточном склоне Центрального холма), были довольно широки и благодаря этому доступны для колесного транспорта. Обычная их ширина составляла 3,0-4,7 м [26, с. 56; 24, с. 290], хотя некоторые были значительно шире. Так, ширина поперечной улицы между XXII и XIX кварталами Северного прибрежного района была 7 м [27, с. 265], а ширина Главной продольной улицы колебалась от 5,2 м в районе водохранилища [28, с. 198] до 7 м в северо-восточной ее части. Это выгодно отличало Херсон от других средне- и поздневизантийских городов, застраивавшихся чрезвычайно тесно. Так, в Серрах ширина боковых улиц едва достигала двух метров, и даже в таком крупном и благоустроенном городе, как Мистра, самая широкая улица была всего 3 метра [29, с. 190-191; 1, р. 632].

Уровень улиц, как правило, не выравнивался, а следовал за рельефом местности [30, л. 4]. На слишком крутом юго-восточном склоне Центрального холма некоторые улицы были снабжены лестницами. Одна из них выявлена в районе северо-восточного участка Прибрежной оборонительной стены: она соединяла восточную поперечную улицу с небольшим проулком, расположенным к северо-западу от 26-27 куртин и упирающимся в стену, сложенную у поднимающейся здесь скалы [14, с. 38]. Большая часть улиц имела крепко утрамбованную земляную подошву, и лишь некоторые – вымостку из гравия, мелких черепков или гальки, положенную на насыпь из мелких черепков и камней [25, с. 135; 31, с. 100].

Весь город пронизывала сеть **водостоков**, состоявших из поставленных на ребро плит, перекрытых горизонтальными плитами. В проходившие вдоль улиц магистральные водостоки входили рукава, выводившие воду из усадеб. Магистральные каналы, как правило, доходили до моря, хотя иногда встречаются и поглощатели. Один из них обнаружен на улице в северо-восточной стороне квартала XXV в Северном прибрежном районе [32, с. 235]. Чтобы водостоки не забивались крупным мусором, в начале каналов иногда ставили каменные решетки [26, с. 57; 33, л. 18]. В Портовом районе возле башни XXII удалось выявить значительное расширение уличного водостока, сделанное для беспрепятственного прохода увеличивавшихся к концу объемов воды [34, с. 35]. Скорее всего, такая конструктивная особенность была характерна для водостоков всего города.

Если в античное и ранневизантийское время улицы, в первую очередь, играли роль транспортных артерий, то в описываемый период они стали средо-

точием торговли, которая велась по всему городу в лавках, расположенных вдоль улиц и часто смежных или даже совмещенных с производственными помещениями. Каких-либо признаков функциональной дифференциации улиц в Херсонесе не выявлено, так же, как нет признаков наличия особых торговых улиц.

Соответственно **центральная площадь** (агора), на которой в античное время была сосредоточена вся городская торговля, теряет значение торгового центра и застраивается церквями (открыто 8 храмов) и жилыми кварталами, не отличающимися ни качеством строительства, ни размером, ни инвентарем от застройки других районов [35, с. 30-31; 14, табл. II; 34, табл. I]. Аналогичные изменения происходят с центральными площадями и в других городах Византийской империи [23, р. 56]. В Коринфе в IX-X вв. агора застраивается церквями, лавками и мастерскими, а в XII в. на ней возникают два монастыря [36, р. 19]. Церкви и жилые кварталы появляются на месте древней агоры Афин [37, р. 11; 38, р. 642].

Отсутствие в византийском градостроительстве концепции, предусматривающей выделение под общественные нужды особых территорий [21, р. 98], приводит к окончательному исчезновению в средневизантийский период характерных для античных городов общегородских площадей. Им на смену приходят небольшие внутриквартальные площади, которые становятся средоточием общественной жизни квартала. На них часто располагаются общий колодец и обязательная составляющая каждого квартала – небольшой приходской храм. С ограничивающими кварталы улицами такие площади сообщаются посредством небольших незастроенных проулков. Так, на площадь в квартале I Северо-восточного района вели три прохода: два с главной улицы и один со II поперечной [39, с. 55].

Храмы и монастыри. Приходские храмы оживляли довольно убогую и однообразную картину городской застройки, хотя и были довольно незамысловаты и примитивны: как правило, это небольшие прямоугольные в плане сооружения с одной апсидой и двускатной крышей. Судя по архитектурным деталям, находимым при их раскопках, конха апсиды имела сводчатое перекрытие, а окна – арочное завершение. По мнению ряда исследователей, подобные храмы перекрывались полуцилиндрическим сводом, обычным в такого рода небольших храмах Кавказа, Малой Азии и Крыма [17, с. 309-310]. Техника кладки (трехслойная – облицовка с забутовкой) ничем не отличалась от кладки обычных жилых домов, хотя встречаются редкие исключения. Так, храм, открытый в квартале IX, сложен из тесаных камней [40, л. 3].

Как правило, стены таких храмов были просто оштукатурены или покрыты глиняной обмазкой, хотя в некоторых находят куски штукатурки с остатками росписи простой орнаментации [41, л. 16]. Изредка встречаются и довольно сложные композиции: многочисленные фрагменты штукатурки с росписью желтого и темно-синего цвета, с красными полосами по белому фону, с белыми

кружками по желтому и красному фону и др. были найдены в апсиде храма, возникшего на месте базилики 1932 года [27, с. 241]; небольшие фрагменты штукатурки, расписанной белой, красной, черной и желтой краской, обнаружены в храме 1972 года на т.н. театральном участке [42, л. 30].

Пол выкладывали каменными плитами или черепицей. Иконостасы, судя по редким находкам их обуглившимся фрагментам, были деревянными. Рядом с остатками одного из них, обнаруженными в храме, открытом в 1891 году в Северо-восточном районе недалеко от приморской оборонительной стены, лежала широкая бронзовая полоса с отогнутыми краями и 20-ю трапециевидными выступами, на которых стояли бронзовые подсвечники, 17 из которых были обнаружены здесь же [43, с. 11]. Остатки еще одного деревянного иконостаса открыты в храме в квартале XXV Северного прибрежного района [44, с. 67, рис. 52].

Редкие храмы подобного рода отличались от остальных какими-то особенностями. Так, с наружной стороны апсиды одной из семейных усыпальниц в XXV квартале Северного прибрежного района найдены кирпичи с треугольным верхом длиной в среднем около 17 см, шириной около 10 см и толщиной около 4 см, которые, возможно, использовались для декоративного оформления абсиды [44, с. 66-67]. В западном конце храма, расположенного в квартале XVI того же района, найдены фрагменты терракотовых столбиков, украшенных рельефным орнаментом в виде плетенки [31, с. 101]. Церковь, открытая в квартале I Северо-восточного района, выделяется наличием наружной облицовки из сравнительно тонких гладко тесаных плит, выложенных правильными рядами. Тщательность, с которой был построен храм, по видимому, объясняется его расположением на одной из наиболее важных площадей города, оформлявшей восточный конец главной улицы Херсонеса.

Из общего ряда выбивается также храм, пристроенный к 19 куртине, которая служит его западной стеной. В средней грани выступающей пятигранной снаружи апсиды храма было устроено окно, а на двух смежных – неглубокие филенки. Наружная сторона стен и апсиды облицована правильно чередующимися рядами отлично отесанных плит инкерманского известняка. С внутренней стороны бутовая кладка стен сглажена штукатуркой и расписана фресками, краткое описание которых составлено М. Скубетовым вскоре после открытия храма: «Храмик весь внутри оштукатурен известью, следы которой уцелели на стенах; апсида внутри также была оштукатурена и побелена, а по ней была расписана фреска, следы которой хорошо видны: уцелела часть широкой красной полосы от пола алтаря на 26 вершков, ширина полосы 1 вершок... и там же следы серой полосы. Следы красной полосы уцелели в средней части храмика на той же высоте от пола. Из всего видно, что красная полоса шла на одной высоте от пола по всем стенам храма» [17, с. 301-303].

Уникальная находка была обнаружена в храме, расположенном в западном районе города в центре квартала 45. Храм принадлежал, по мнению А.Л. Бертье-Делагарда, одной семье и одновременно служил местом погребения ее членов. Причем погребения совершались как в основном храме, в котором были обнаружены две усыпальницы-костницы с аркосолиями, так и в небольшом храме, позже пристроенном к южной стене первого. Апсида большего храма была покрыта сводом, который украшало фресковое, скорее всего, поясное, изображение Богородицы, т.к. судя по фрагменту, сохранившемуся на одном из камней (сохранилась правая часть головы), все изображение было гораздо больше натуры. Вдоль стен храма, включая его алтарную часть, были каменные скамьи [45, с. 36-37].

В редких случаях в квартале возводилось два или даже большее количество храмов: в квартале XXV Северного прибрежного района на ничем не огражденной от улицы площади были открыты четыре расположенных рядом храма с небольшим кладбищем при одном из них [27, с. 218-252, табл. II].

Наряду с небольшими приходскими церквями в городе продолжают функционировать и несколько храмов ранневизантийского времени, восстановленных после катастрофы конца X – XI вв. В Уваровской, Восточной и Северной базиликах, базилике на центральной площади, а также в базилике Крузе, расположенных в восточной части Херсонеса, закладывают колоннады, а изолированные таким образом боковые нефы отводят под многочисленные захоронения [46, с. 87-88]. Судя по отсутствию перекрывавших храм поздних строений, после X в. продолжает функционировать базилика 26 на центральной площади города [13, с. 168]. К ряду восстановленных базилик (Восточной, Северной, № 28 на центральной площади) пристраивают часовни. Еще позже некоторые из них все же были заброшены, и на их месте возводят небольшие храмы. Так, апсида одного из них открыта над центральной апсидой и апсидой часовни в южном нефе Северной базилики [47, с. 314].

Несколько другая судьба постигла базилики 1932 и 1935 года, на месте которых строят небольшие приходские храмы, а в центральном нефе разрушенной большой базилики, открытой в 1889 году, появляется базилика значительно меньших размеров, при возведении которой активно используют фундаменты и строительный материал (камень и архитектурные детали) раннего сооружения. Факт возведения нового храма именно после X в. подтверждается материалом X-XIII вв., выявленным в кладке храма в ходе его исследования [48, л. 4].

Кроме небольших приходских храмов-часовен и восстановленных и перестроенных ранневизантийских базилик, в городе появляются новые храмы: в первые десятилетия XI в. в VII квартале Северо-восточного района – храм, определяемый автором раскопок как базилика [18], в кварталах XLI, Va, XXVII и XCI в XI-XII вв. – крестовокупольные храмы (соответственно 9, 34, 21 и 6).

Продолжают функционировать крестовокупольные храмы, построенные, по мнению А.Л. Якобсона, в IX-X вв. [39, с. 230-231]: храм № 29 на центральной площади города¹ и пятиапсидный храм.

Еще два небольших храма (32 и 33), один из которых (33), скорее всего, также относится к типу крестовокупольных, были открыты к северо-западу от храма 27. Крестовокупольный храм (25) с тремя апсидами, мозаичным полом и сводом на четырех колоннах располагался через две поперечные улицы от того же храма 27 («с западной стороны Херсонесской площади, впереди нового собора» [50, с. 33]). Надпись на известняковых плитах арки, обрамлявшей, по-видимому, вход в усыпальницу на нижнем этаже «Упокоился во блаженной памяти и раб Божий Петроний, иеромонах и клирик, и благодетель святой церкви месяца ноября в день... индикта 2, лета 6692», что соответствует 1183 году, позволяет отнести его строительство к концу XII в. [50, с. 33-34; 13, с. 169].

Функционируют в описываемое время и крестообразные храмы (храм у Восточной базилики, храм 27 на центральной площади города, храм с ковчегом)².

Возрождаются и храмы, расположенные в западной части херсонесского городища. Возводится базилика меньших размеров в центральном нефе «базилики на холме». Появляется часовня над Западным загородным крестообразным храмом [53, с. 169-170]. Прослежены попытки как-то приспособить к дальнейшему использованию полуразрушенный четырехапсидный храм [54, с. 161]. Окончательно была заброшена только Западная базилика: на разрушенном мозаичном полу ее южного и северного нефов были произведены 3 индивидуальных захоронения [55, л. 169].

Что касается монастырей, то вычлнить их в ткани города чрезвычайно трудно. Особенно сложно, если вообще возможно, выделить мелкие монастыри, имевшие от трех до десяти монахов [56, с. 85]. Такие монастыри, во множестве появившиеся в провинциальных городах в период оживленного монастырского строительства XI-XII вв. [57, с. 65], практически ничем не отличались от обычной городской усадьбы, и попытки выделить «совокупность признаков..., которые позволили бы выделить монастырь из городской жилой застройки Херсона» [58, с. 199], на наш взгляд, обречены на неудачу³.

¹ С.Б. Сорочан на основании косвенных данных склонен датировать храм VIII-IX вв. [49, с. 95].

² Близость модулей херсонесских крестообразных храмов и Мангупского храма, построенного в IX-X вв., позволила Ю.Г. Лосяцкому сделать предположение об их строительстве в IX-XII вв. [51, с. 35]. IX-X вв. датировал херсонесские крестообразные храмы и А.И. Комеч [52, с. 30].

³ Такая попытка недавно предпринята Т.Ю. Яшаевой, которая к главным признакам, по которым можно археологически выделить монастырь, относит «наличие ограды, храма, погребений, келий, трапезной, кухни, кладовой, двора», а к второстепенным – «источник воды, эргастерий, различные хозяйственные и благотворительные постройки, библиотеки и другие помещения, а также набор находок «монастырского» характера», к которым исследовательница относит «кожаные пояса и шнуры для крестов-тельников» [58, с. 199].

Несмотря на это, исследователями все же предпринимаются попытки выявить комплексы, которые можно, хотя и весьма предположительно, причислить к разряду монастырей. Так, на основе анализа местоположения построек, связи кладок различных помещений между собой, инвентаря помещений и т.д. А.И. Романчук предполагает наличие в юго-восточной части квартала XXV Северного прибрежного района небольшого городского монастыря, в комплекс которого входили два храма [59, с. 159-160]. Однако Т.Ю. Яшаева считает неприемлемым для монастыря отсутствие ограды в условиях городской жизни, и она видит в XXV квартале «одну из единиц городской церковно-монастырской структуры, осуществляющей благотворительные функции» [58, с. 211].

Еще один монастырь, по предположению А.И. Романчук, располагался недалеко от башни XVI в Портовом квартале I. В его состав входили несколько одинаково ориентированных помещений (помещения 1-5), примыкавших к углу, образованному куртинами 17 и 18, и небольшой храм (храм Е) [13, с. 149], построенный, по-видимому, в XI в., с небольшим кладбищем, устроенным вокруг него (рис. 6). В XII в. кладбище было частично застроено помещениями усадьбы 10, в одной из стен которой был найден керамический штамп с монограммой, обозначающей имя «Феодор», во имя которого, возможно, был освящен храм Е [13, с. 148-149].

Как небольшой монастырь-меморий определяют комплекс, расположенный в восточном углу квартала III Северо-восточного района и состоящий из подземного храма с наземной церковью над ним и двух небольших помещений (рис. 7) [58, с. 207-209].

200]. Однако все перечисленные Т.Ю. Яшаевой признаки не могут «работать» в городе, застроенном жилыми усадьбами, представляющими собой замкнутые, отгороженные от внешнего мира комплексы, обязательными составляющими которых были двор, кухня, кладовая, жилые и хозяйственные помещения, а также колодец или цистерна для сбора дождевой воды и почти всегда мелкое ремесленное производство. Изучение инвентаря открытых усадеб города показало, что в исследуемое время практически все хозяйства носили замкнутый характер и имели слабые связи с городским рынком, что, соответственно, не позволяет использовать данный критерий для выделения «автономных церковно-хозяйственных структур». Наличие храма и погребений также не может служить доказательством принадлежности того или иного комплекса к числу монастырей, т.к. таковые имелись и при обычных жилых усадьбах. Выделить же благотворительные постройки удается в крайне редких случаях (в Херсоне XIII в. по наличию захоронений с патологически измененными костяками выявлено только одно заведение подобного рода), тем более что благотворительные заведения не обязательно учреждались монастырями и входили в их состав; часто они основывались частными лицами и существовали самостоятельно. Непонятно, почему к числу находок, по которым можно выделить монастырский комплекс, были причислены библиотеки, а также кожаные пояса и шнуры для крестов-тельников: библиотеки, как известно, имелись не только в монастырях, но и в частных домах, а кожаные пояса и шнуры для крестов-тельников археологически сохраняются в крайне редких случаях, а в крымской почве не сохраняются вообще. Кроме того, последние никак нельзя причислить к числу вещей, которые могли принадлежать исключительно монахам.

Еще один монастырь, по мнению Т.Ю. Яшаевой, располагался на склоне и дне т.н. театральной балки [58, с. 203-207]. В его состав исследовательница включает три храма (Храм с ковчегом, храм 1958 года, предположительно храм 1970 года), дом 1970 года, дом 1972 года и два помещения дома 1964 года. Дом 1970 года на основании находок в нем пифоса, амфор, «фрагментов простых и поливных кувшинов, кухонных горшков, столовой поливной посуды» и наличия в нем подвала интерпретируется исследовательницей как трапезно-хозяйственный блок. «Изолированность расположения, малая площадь, простота интерьера и характер археологических находок (скромный ассортимент тары, бронзовый тельник)» однокомнатного дома 1972 года позволили исследовательнице определить его как монашескую келью. Кельями она считает и два западных помещения дома 1964 года. Правда, состав находок в помещениях, включающих, помимо очага, скопление костей домашних животных, обломки амфор и поливной керамики, плохо соотносится с наличием довольно большого трапезно-хозяйственного блока. Кроме того, описываемые помещения дверными проемами были соединены с двумя помещениями, о которых исследовательница почему-то не упоминает, хотя они примыкают к первым двум с восточной стороны, и, судя по материалу, найденному под полами, были построены одновременно с ними в XII в. [60]. Найденные в восточной половине дома 1964 года два энколпиона, куски фигурной медной цепи от паникадила (под нижним полом) и бронзовая кацея с изображением Христа (над верхним полом в завале) [61, л. 10] косвенно указывают на связь дома с рядом расположенным Храмом с ковчегом⁴.

Как видим, кроме перечисления находок в каждой из частей описываемого комплекса, состав которых ничем не отличается от находок в любой другой усадьбе города описываемого времени, каких-либо серьезных аргументов в пользу их объединения в единый монастырский комплекс исследовательница не приводит, и, на наш взгляд, видеть здесь монастырь достаточных оснований нет. Тем более, что в состав монастыря исследовательница включила разновременные, по мнению авторов раскопок, постройки. Так, дом 1972 года был построен уже после разрушения домов 1964 и 1970 годов [63, л. 40].

Кладбища. Еще одним важным изменением в облике византийских городов было появление в черте города небольших кладбищ [29, с. 124], демонстрирующее полное игнорирование санитарных норм [21, р. 98; 30, л. 29-30]. До VII в. захоронения производились только на некрополе за пределами оборонительных стен, позже в городах появляется масса индивидуальных могил.

⁴ Здесь следует отметить весьма любопытную находку на полу одного из западных помещений дома черепицы с процарапанным по глине рисунком: три вписанных друг в друга прямоугольника, перечеркнутых проходящими через их центры параллельными сторонам линиями (доска для игры в мельницу) [62, л. 42].

Одна из таких могил была открыта среди жилых домов вне связи с часовнями в квартале XVIII Северного прибрежного района [64, с. 29], что позволяет предположить, что подобные захоронения могли производить и в средневизантийский период, хотя в то время такие случаи были единичны, т.к. тогда хоронили уже на кладбищах, устраиваемых на месте заброшенных монастырей или разрушенных церквей. Одно из таких кладбищ было открыто при церкви, полностью поместившейся в апсиде разрушенной ранневизантийской базилики (так называемой базилики 1932 года). 34 могилы кладбища с большим количеством костяков почти в каждой из них располагались во всех нефках, нартексе и апсиде ранней базилики. Кроме того, в ее среднем нефе была сооружена кладбищенская сторожка, а весь комплекс был окружен оградой, основанной на стенах базилики (рис. 8) [27, с. 243; 30, л. 29-30]. Еще одно небольшое кладбище располагалось при церкви, появившейся на месте соседней базилики 1935 года [65, с. 129-132]. Причем в ходе строительства обеих часовен были разрушены более ранние могилы: большое количество человеческих костей было сброшено в яму, открытую в XXII квартале [66, с. 34].

Усыпальницами служили и сами приходские церкви, в которых хоронили умерших жителей квартала. Могилы устраивали под полом и перекрывали плитами. В четырех храмах (один открыт в 1963 году в Портовом районе [67, л. 134], второй – в квартале X-Б в Северном районе [41, л. 17], третий – на холме в западной части города, «возле древнегреческой улицы» [68; 69, с. 9-11] и четвертый – в центре квартала 45 [45, с. 36-37]) могилы были устроены в стенах храма и перекрыты аркосолиями, которые несли на себе верхнюю половину наружной стены храма. Небольшое отверстие над серединой могилы тщательно закрывалось плитой, задвигавшейся в специальные пазы по сторонам отверстия, что свидетельствует о том, что в них могли складывать только одни кости.

Возможно, наряду с приходскими церквями, служившими одновременно и усыпальницами, имелись усыпальницы в чистом виде. К их числу, по мнению автора раскопок Г.Д. Белова, следует отнести храм в XXVIII квартале Северного прибрежного района. В пользу этого предположения говорят небрежная кладка, неровная длина стен и заплечий, а также пол на разных уровнях и отсутствие вымостки [70, с. 89].

Внутриквартальная застройка. Несмотря на сохранившуюся в городе регулярную планировку, кварталы правильной прямоугольной формы застраивались без какого-либо предварительного плана помещениями неправильной формы с острыми и тупыми углами, неравными противоположными сторонами и т.д. Часто новые хозяева просто пристраивали «свою» стену к стене соседей [39, с. 93]. В результате такого беспорядочного строительства появляются характерные для средневековых городов переулки, часто заканчивающиеся тупиками. Один из таких тупиков отмечен, например, в III квартале Северо-восточного района [39, с. 76], а в квартале XXV Северного

прибрежного района выявлен переулок, ширина которого в северо-западном конце была 2,0 м, в середине – достигала 3,0 м, а в юго-восточном конце переулок заканчивался тупиком шириной 1,0 м [27, с. 209]. Интересное исключение представляет Портовый квартал 2, особенностью которого является наличие нескольких «внутриквартальных улиц», которые разделяли квартал на блоки жилых построек. Причем ширина одной из внутриквартальных улиц колеблется от 1,4 до 2,5 м [71, с. 48-49].

Какой-либо разницы в размерах поздневизантийских усадеб, расположенных в разных районах города, в целом, не наблюдается: площадь основной их массы колеблется от 90 до 150-160 м². Гораздо реже встречаются усадьбы площадью меньших или больших размеров. В редких случаях в одном квартале соседствуют усадьбы, значительно отличающиеся друг от друга по занимаемой площади. Так, в квартале ХХХ Северного прибрежного района рядом располагались две усадьбы площадью 46 и 203 м² [59, с. 158], а квартал ХХV занимали три усадьбы площадью соответственно 140, 300 и 500 м² [44, с. 30, 56, 62]. Правда, следует учитывать, что часто отнесение того или иного помещения к той или иной усадьбе представляет определенные трудности и во многом зависит от субъективного видения исследователя⁵. Поэтому приводимые площади усадеб, как правило, достаточно условны.

Усадьбы обычно состояли из 5-7 небольших помещений, включая двор, который был обязательной составляющей и средоточием жизни обитателей усадьбы: через двор, как правило, сообщались друг с другом различные помещения, там часто готовили еду, хранили инвентарь (рыболовный, сельскохозяйственный), налаживали какое-то мелкое домашнее производство, держали скот.

Размеры дворов, которые легко определяются по отсутствию завала черепицы, обычно превышали размеры остальных помещений. Непременной их частью являлся крытый черепицей навес, служивший, как показали раскопки, местом хранения инвентаря: в каждом дворе в той или иной его части удастся выявить скопление обломков черепицы, сажу и угля от сгоревшего перекрытия. Вымостку двора обычно заменял плотно утрамбованный земляной пол, хотя иногда встречается вымостка из камней [44, с. 27; 72, л. 25] или мелкой гальки и мелкодробленой керамики, глубоко втопанной в поверхность (усадьба 1 в Портовом квартале I [73, л. 48]).

Учитывая использование территории дворов для производственной деятельности, А.И. Романчук выводит зависимость их размеров от вида хозяйственной деятельности владельца усадьбы. Так, в усадьбах хлебопек, которым требовалась дополнительная площадь для хранения топлива (усадь-

⁵ Например, приведенные в тексте площади усадеб, рассчитанные Г.Д. Беловым, частично пересмотрены А.И. Романчук [13, с. 81-91].

ба 2 в квартале XXII, усадьбы 1, 3, 6 в квартале XXVIII), дворы занимали 30-38% площади усадеб, несколько меньшую площадь занимали дворы в усадьбах с массовым рыболовным инвентарем – 22-26% (усадьба 5 в квартале XIII-XVIII, 5 в квартале XXII, 4 – в квартале XXVIII и усадьба 4 в квартале XXIX) [74, с. 113-115]. Однако, на наш взгляд, такой показатель, как соотношение площади двора к площади усадьбы, зависел от многих факторов и в ряде случаев вообще мог носить случайный характер. Поэтому выявить здесь какую-то закономерность вряд ли возможно. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить усадьбы Северного прибрежного и Северо-восточного районов с массовым рыболовным инвентарем. Если в первом этот показатель, как уже упоминалось, составляет 22-26%, то в Северо-восточном – 33,6 и 38,8% (усадьбы 4 и 7 квартала I) [74, с. 116]. Кроме того, следует повторить, что разделить квартал на усадьбы бывает довольно трудно, и иногда один и тот же квартал делится на усадьбы разными исследователями по-разному. В большинстве случаев практически невозможно определить и приоритетное занятие обитателей усадьбы. В качестве примера можно взять любое хозяйство города. Так, в усадьбе 5, открытой в квартале XXVIII Северного прибрежного района, были найдены два жернова, ступа для размола зерна и большая печь, разнообразные рыболовные принадлежности (23 крючка, очевидно, для перемета, 13 свинцовых кольцевидных грузил, железная острога и железная драга для добывания устриц), железный гребень для чесания шерсти, 3 прясла и иглы, железная зубатка для обработки камня, 2 куса пемзы, мраморная ступка и бронзовые чашечки весов [32, с. 239].

Назначение внутренних помещений усадеб определяется лишь в единичных случаях, что можно объяснить их многофункциональностью: одно и то же помещение могло одновременно служить жилой комнатой, кладовой и даже кухней [22; 23, р. 57]. Кроме того, вещи могли быть перемещены хозяевами усадеб в попытке вынести имущество из горящих домов, что, естественно, также затрудняет определение назначения помещений. Единственное исключение составляют, пожалуй, кладовые, довольно хорошо определяющиеся археологически по наличию большого количества амфор и пифосов с остатками зерна, рыбы и прочего.

Хотя в Херсоне, как и в других византийских городах, не придерживались какой-то одной жесткой схемы внутриусадебной застройки, для большинства усадеб рассматриваемого времени было характерно расположение дворов в центре усадьбы, как бы внутри дома: вокруг него концентрировались остальные помещения, а с улицей он соединялся через проходное помещение или узкий коридор [75, р. 8-9]. Другая схема предполагала размещение двора на краю усадьбы, но в центре квартала, и тогда несколько усадеб имели как бы единое дворовое пространство, которое разграничивалось невысокими бутовыми стенками. В этом случае с улицей двор соединялся переулком. Такой

общий двор был у жителей нескольких усадеб в ХСVII квартале Северо-восточного района города [76, с. 285], в квартале X-A Северного района [24, с. 300], в квартале XXV в Северном прибрежном районе [32, с. 235]. Аналогичную внутриквартальную планировку имеют также кварталы, расположенные слева от главной улицы в Северо-восточном районе города. Здесь дома расположены вдоль четырех сторон квартала, оставляя внутри небольшую площадь, на которую выходят расположенные позади домов дворы. В I и III кварталах на внутриквартальной площади располагались общественные сооружения: цистерна в квартале I и баня в квартале III [39, с. 88]. Иногда двор соседствовал непосредственно с улицей, как в одной из усадеб квартала XX [77, л. 9], усадьбе 2 квартала XXVIII в Северном прибрежном районе [78, л. 14] или усадьбе 4 в Портовом квартале 1 [73, л. 43]. В Портовом квартале 1 все помещения усадьбы 2, включая двор, были расположены вдоль продольной и поперечной улиц [73, л. 54]. А помещения одного из домов квартала XXV Северного прибрежного района были вытянуты в одну линию от XII до XIII улицы, образуя длинную анфиладу с выходами на обе улицы. Дом был построен рядом с базиликой 1932 года, стена которой была включена в его кладку [26, с. 57].

Застройка была преимущественно одноэтажной с изредка встречающимися двухэтажными усадьбами. Причем следует отметить, что двухэтажными были не все, а лишь некоторые помещения дома, не более двух, редко трех, поэтому такие усадьбы представляли собой асимметричные комплексы, состоящие из прилепившихся друг к другу помещений разной высоты.

Несколько большим количеством двухэтажных построек, по-видимому, отличались кварталы Северо-восточного района, где площадь, которую могли занимать вторые этажи, составляет 30%, тогда как в кварталах Северного прибрежного района она составляет всего 11,8% [59, с. 165]. В некоторых усадьбах Северо-восточного района, судя по объему вынутаго камня, второй этаж был каменным [76, с. 281], однако большая часть вторых этажей, скорее всего, была деревянной. Об этом свидетельствует наличие в некоторых помещениях, сохранившихся на достаточную высоту, хорошо выровненной верхней постели стен (например, в помещениях 21 и 26 в квартале III и помещении 44 в квартале II), предназначенной для возведения над ней конструкции из иного материала, по всей видимости, дерева, которое требовало в качестве своего основания ровной площадки. Деревянным был и второй этаж в помещении E в квартале II, о чем свидетельствует находка железных гвоздей с кусками приставшей глины, косвенно указывающих на наличие деревянных стен. Об этом же говорит и обнаруженный в некоторых помещениях «густой слой пепла» толщиной 15-20 см, который не мог образоваться от нескольких балок перекрытия [39, с. 60, 68, 87].

Что касается кварталов Северного района, то их исследователь С.Г. Рыжов отмечает отсутствие там каких-либо признаков наличия вторых этажей:

практически все вещи найдены непосредственно на полу помещений, а не в завале камней, как это бывает при падении вещей со второго этажа; завал черепицы от рухнувших крыш располагался непосредственно на полах помещений над слоем золы от сгоревших балок перекрытия. Об одноэтажном характере застройки говорят и неглубокая закладка фундаментов, довольно тонкие стены первых этажей, характер кладки и небольшой объем выявленного строительного материала. Единственным комплексом, предположительно включавшим несколько двухэтажных помещений, была одна из усадеб в квартале X-A, интерпретируемая автором раскопок как постоянный двор. В пользу этого предположения говорит отсутствие в некоторых помещениях дверей. Очевидно, в них попадали по деревянным лестницам, пристроенным к стенам помещений со стороны двора или расположенным внутри помещений [24, с. 300].

Составляющие усадьбы жилые, производственные и подсобные помещения строились, перестраивались и достраивались по мере необходимости. Примером постепенной пристройки новых помещений может служить усадьба, расположенная в южной части квартала XX, три помещения которой отделялись от 11 поперечной улицы стеной, состоящей из трех последовательно примыкающих друг к другу отрезков (11 а, б, в) [79, л. 2]. В одной из усадеб в квартале XXIX двор был пристроен позже строительства самих помещений [80, л. 3] и т.д. Естественно, что часто в уже построенной усадьбе делались какие-то перестройки, вызванные изменением потребностей ее обитателей. Иногда одна большая усадьба делилась на две. Два подобных примера выявлены в квартале II Северо-восточного района города. Один большой дом, по-видимому, первоначально составляли две усадьбы, расположенные вдоль II поперечной улицы. Об этом свидетельствует наличие сплошной общей стены и расположение дворов, образовавшихся в результате деления двора первоначальной большой усадьбы. Один жилой комплекс первоначально составляли две усадьбы того же квартала, выходящие на II поперечную и Главную продольную улицу, что подтверждается наличием одной непрерывно идущей стены, охватывающей обе усадьбы, и заложенного широкого прохода между ними [39, с. 61]. Аналогичные примеры деления одной большой усадьбы на две имеются в квартале III (комплекс 1) того же района [39, с. 66-67] и в квартале X-A Северного района (усадьбы 4 и 5) [24, с. 310].

Подвалы. Большинство усадеб имело по одному – два подвала, в которых хранили, главным образом, различные съестные припасы. Как правило, подвалы имеют выступающие на 0,6-0,7 м внутренние стены, сложенные из бута и полуобработанных блоков известняка, на которых держались балки деревянного перекрытия, одновременно являвшегося деревянным полом верхнего помещения. В стенах подвальных помещений на высоте 0,6-1,25 м от уровня пола часто имеются ниши высотой около 0,45-0,5, шириной 0,35-0,4 и глубиной около 0,45 м, служившие, по-видимому, для установки

осветительных приборов, что подтверждается следами копоти, выявленными на стенках некоторых из них⁶.

Попасть в подвал можно было с верхнего этажа по каменной лестнице; при отсутствии таковой применялись деревянные. Например, в углу подвала (помещение 44) усадьбы 4 в Портовом квартале 1 найдено большое количество обуглившихся деревянных плах и досок, указывающих на наличие в этом месте деревянной лестницы [73, л. 26].

Дно подвалов, как правило, представляет собой скалу, чаще выровненную, но иногда оставленную без изменений, в связи с чем глубина подвалов варьируется в зависимости от ее перепадов. Так, в XX квартале Северного прибрежного района глубина подвала в усадьбе, расположенной в его южной части, колебалась от 1,26 до 1,78 м [79, л. 4]. Полы были либо земляные утрамбованные, либо покрытые глиняной обмазкой. Следы такой обмазки толщиной около 1 см удалось выявить и на стенах некоторых подвалов [79, л. 5].

Стены. Толщина стен жилых усадеб в среднем не превышала 0,5-0,7 м. Стены, расположенные по периметру жилых комплексов, обычно закладывали на глубину 0,8-0,9 м, внутренние стены помещений и ограды ставили прямо на поверхность земли, на уровне пола [32, с. 232]. Иногда в качестве фундамента использовалась кладка более ранних построек, что особенно характерно для Центрального и Северо-восточного районов города. Кладка стен – трехслойная, состоящая из двух лицевых стенок из небольших бутовых камней с забутовкой мелким камнем и обломками черепиц на грязевом растворе, возможно с незначительным количеством извести. С лицевой стороны камни слегка скалывались, а для выравнивания рядов наружной кладки часто употреблялись черепицы [32, с. 232].

В целях укрепления кладки на высоте 0,5-1,2 м от дневной поверхности в нее закладывали деревянные балки толщиной 0,1-0,15 м, от которых обычно сохраняются горизонтальные пазы и местами обуглившиеся остатки дерева. Иногда в пазах видны следы глиняной обмазки. Балки, которые обыкновенно закладывали с обеих сторон стены, связывали в углах соседние стены, как бы охватывая поясом все здание в нижней его части, тем самым придавая

⁶ Здесь следует отметить, что домашние осветительные приборы, датирующиеся временем после VII века, при раскопках византийских городов встречаются чрезвычайно редко. Херсон не был в этом смысле исключением. Так, в квартале X Северного района был найден лишь один светильник на все усадьбы [81, с. 198, рис. 6,10]. К. Манго, специально занимавшийся проблемой освещения в Византии, пришел к выводу, что исчезновение светильников из быта простых византийцев после VII в. связано с сокращением импорта масла из Африки и Сиро-Палестинского региона. Дорогие жировые и восковые свечи, которые заменили масляные осветительные приборы, были по карману только состоятельным людям и использовались, главным образом, во время богослужения в церквях и монастырях. Таким образом, из-за отсутствия освещения в жилищах основная масса византийцев с наступлением темноты просто ложилась спать [82, р. 255-256].

ему большую прочность. В 1955 году в кладке стены усадьбы II в XXV квартале между внутренними и внешними пазами удалось заметить два распложенные наискось углубления, в которых, по-видимому, находились деревянные связи, скреплявшиеся с балками в пазах [44, с. 27]. Судя по тем помещениям, в которых стены сохранились на достаточную высоту, в верхней части стен было еще два или даже три подобных пояса. Такая кладка считается достаточно прочной, т.к. земля между рядами и опоясывающие здание балки могли играть антисейсмическую роль [44, с. 27; 24, с. 292].

С внутренней стороны стены помещений, как правило, были оштукатурены местами сохранившимся известковым раствором или известковой штукатуркой, наложенной слоем толщиной не более 0,5-1,0 см [79, л. 5; 83, л. 29]. Некоторые помещения имели глиняную или даже грязевую обмазку [32, с. 233; 44, с. 27, 57, 58; 84, л. 3]. В некоторых усадьбах найдены куски известковой штукатурки со следами красной краски [25, с. 149; 85, л. 20], но такие случаи единичны.

Новые дома, скорее всего, целиком строились из камня, добытого на развалинах старых, а архитектурные детали разрушенных базилик либо использовали в качестве порогов, скамеек, разного рода подпорок, даже кормушек для скота, либо просто включали в кладку стен. Только в одном квартале X Северного района были выявлены следующие архитектурные детали вторичного использования, т.н. *сполии*: мраморный порог в часовне, мраморная колонна, найденная у входа в часовню, две колонны, приспособленные в качестве подставки под жернова, небольшая мраморная импостная капитель, фрагменты мраморной алтарной преграды [81, с. 223-224, рис. 27, 1,2,4]. Причем, как правило, вторично использованные архитектурные детали приспособлявали к новым зданиям в том виде, в каком находили, без дополнительной обработки.

Практика использования споллий, главное преимущество которых, вне зависимости от их исторической и художественной ценности, заключалось в легкости и дешевизне их применения, была характерна для всей Византийской империи, полностью построенной на руинах древнего мира. Споллии, включая самые простые строительные материалы, использовали даже тогда, когда строительство заказывали люди самого высокого ранга, включая императорскую семью: при сооружении императорского домового храма Богородицы Форосской в ход пошли распиленные императорские саркофаги, а в константинопольской церкви Христа Пантократора – скульптуры из разрушенной церкви св. Полиевкта [11, р. 510]. Часто отделочный материал снимали с еще исправных зданий. Так, Иоанн I Цимисхий, не жалевший средств на постройку церкви Спасителя у ворот Халки в 971 году, добывал все необходимые материалы, разрушив бани Ойкономейон в Большом Дворце. Никита Хониат отмечает, что император Исаак Ангел (1185-1195), который «кроме всего прочего ... очень стремился строить невероятные здания», снял мраморные плиты пола и облицовку стен Большого Дворца, пустив их на реконструкцию

церкви св. Михаила в районе Анаплос [86, с. 153, 155]. Широкое использование споллий навело Р. Оустерхаута на мысль о возможности существования в те времена чего-либо подобного современным магазинам «секонд хэнд» для продажи материалов вторичного использования [86, с. 155, 157]. Споллии, считавшиеся ценными объектами, упоминаются среди товаров, военных трофеев, залогов при займах, приданого и пожертвований [87, р. 552-553].

Двери. Дверные проемы, ширина которых варьирует от 0,8 до 1,2 м, в большинстве помещений обрамлены тесаными камнями. Незначительная ширина и углубления, сохранившиеся в каменных порогах, указывают на то, что двери были одностворчатыми [32, с. 233], хотя в редких случаях встречаются проемы шириной до 1,4-1,8 м [83, л. 29]. По наблюдениям Г.Д. Белова, дверные проемы жилых помещений, как правило, обращены к югу, что было вызвано необходимостью защитить жилье от холодного северного ветра [44, с. 63].

Окна. Сохранность стен не позволяет делать какие-либо предположения о расположении, форме и размерах окон⁷. По находкам отдельных трапециевидных блоков с легкой вогнутостью на широкой торцевой стороне можно предположить, что, несмотря на убогость кладки, в ряде случаев оконные и дверные проемы имели арочное завершение. Причем клинья арок держались не на грязевом растворе, как кладка стен, а на растворе из чистой извести [27, с. 248]. Длина большинства арочных камней совпадает с обычной шириной стен – 0,65 м. Внутренний радиус кривизны арок составляет в среднем 0,34 м. Лицевая поверхность некоторых арочных камней снабжена по внутреннему ободу прямоугольным вырезом (0,03 м) [79, л. 5], а на некоторых оконных блоках сохранились вбитые железные штыри, на которых, по-видимому, держались ставни [85, л. 20; 89, с. 156].

На фрагментах арок и карнизов часто удается выявить следы известковой штукатурки [79, л. 5] или врезного линейного орнамента [31, с. 91]. Некоторые детали оконного и дверного обрамления были украшены росписью, как правило, красной краской. Так, в ходе раскопок завала на II продольной улице обнаружено 14 арочных камней с остатками росписи в виде плетенки, выполненной красной краской [83, л. 18]. «Много песчаниковых камней, особенно от арок, несколько угловых со следами красной краски» обнаружено в помещениях 14 и 15, принадлежавших двум соседним усадьбам в квартале III [12, с. 80]. В квартале XXV Северного прибрежного района было найдено обрамление арочного окна, окрашенное в красный цвет и украшенное гравированным орнаментом в виде плетенки [27, с. 245, рис. 73]. Орнаментом в виде прочерченных полос и волнообразных линий, подчеркнутым красной краской (на некоторых блоках

⁷ Мне известен только один частично сохранившийся оконный проем, открытый в одном из помещений в XXVIII квартале Северного прибрежного района. Окно выходило в переулоч. Ширина проема – всего 0,22 м [88, л. 18].

сохранились ее следы), были украшены арки, которые оформляли проемы окон и дверей усадьбы 8 в Портовом квартале 1 [13, с. 131]. Значительное количество арочных камней с остатками штукатурки, в одном случае с росписью красной краской в виде косых полос, найдено в одном из помещений усадьбы 4 в Портовом квартале 1 [73, л. 24]. В той же усадьбе было найдено заполнение арочной части полуциркульного оконного проема – тимпан из евпаторийского ракушечника с прямоугольными вырезами в нижней части для укрепления в проеме и сквозным круглым отверстием диаметром 11 см в центре. С обеих сторон тимпан покрыт штукатуркой и расписан [73, л. 41-42, рис. 71-72].

В оконные проемы вставлялись рамы, скорее всего, деревянные, т.к. следов каменных или гипсовых, также используемых в Византии, в Херсонесе не выявлено. Поверхность самого окна делилась, как правило, на два световых ряда [86, с. 169], состоявших из круглых или прямоугольных вырезов, в которые вставляли небольшие стекла прямоугольной или, чаще, круглой формы (*oculi*). Правда, Г.Д. Белов, раскопавший большую часть Северного района, отмечает незначительное количество кусков оконного стекла, что, по его мнению, свидетельствует о том, что в окна вставлялись какие-то иные материалы [32, с. 233]. Причем следует отметить, что оконные стекла относятся в описываемое время к числу редких находок не только в Херсонесе, но и в других византийских центрах, включая Константинополь [86, с. 164]. Однако вне зависимости от того, какие материалы использовались, ясно, что оконные проемы существенно (иногда втрое) были больше поверхности, которая могла быть застеклена [86, с. 164].

Полы в помещениях чаще всего были земляные, хорошо утрамбованные. Глиняная обмазка встречается редко, но и она не сплошная, а наложена небольшими участками. Вымостка из камней и каменных плит встречается еще реже, и тоже не сплошная, а частичная, обычно в центре помещений [32, с. 234]. Помещения, расположенные над подвалами, имели деревянные полы, которые держались на внутренних стенах подвалов.

Уровень полов в усадьбах, как правило, был на 0,3-0,75 м ниже уровня улиц, поэтому с улицы в усадьбу можно было попасть по лестнице из одной-двух, редко трех ступеней [27, с. 210]. Часто полы помещений, принадлежавших одной усадьбе, также располагались на разном уровне. Перепад между ними иногда составлял до 0,5 м. В качестве примера можно привести помещения 7 и 2-4, 8 в одной из усадеб в XX квартале Северного прибрежного района [84, л. 4], а в усадьбе 2 квартала XXV полы в помещениях в соответствии с рельефом местности значительно понижаются к морю [26, с. 57].

Крыши. Конструкцию крыш из-за пожара и последующего падения стен реконструировать трудно. Мы можем только предполагать использование перекрытия по деревянным стропилам, о наличии которых свидетельствуют находки в некоторых помещениях большого количества (до 100 и более)

железных гвоздей длиной до 11 см, золы и угля от рухнувших балок. В одном из помещений Северного района под слоем черепицы найдены обгорелый брус шириной 18 см и высотой 7 см и железные гвозди с широкой шляпкой [25, с. 136, 140]. В т.н. доме 1970 года, открытом в районе Храма с ковчегом, найдены остатки обуглившейся дощатой обрешетки, поддерживавшей черепицу [90, л. 26; 91, с. 302]. Обильный слой сажи и масса кусков угля указывают на то, что в жилых зданиях, возможно, были и потолки [27, с. 266].

Судя по незначительной ширине большинства помещений, а также по тому, что слой обломков черепиц обычно располагается возле одной из стен здания, крыши чаще строились на один скат [32, с. 233]. Черепицу (керамиды) укладывали перекрывающимися друг друга рядами, возможно на слой земли; по коньку на штукатурку укладывали калиптеры, которые обычно составляют 5-7% от общего количества черепицы [92, с. 349]. Под слоем черепицы иногда удается выявить золу сгоревшего камыша или камки (морская трава) [69, с. 11; 81, с. 184], которые укладывали под черепицу для утепления кровли.

По наблюдениям исследователей Северного прибрежного района, при строительстве усадеб хозяева приобретали черепицу преимущественно в одной мастерской, на что указывает преобладание в кровле черепиц с какой-то одной меткой. Позже, уже в другой мастерской, в незначительном количестве приобретались черепицы для ремонта. Так, в одной из усадеб в квартале XVIII выявлены черепицы почти исключительно с именем «Γεωργ[ιος]», в другой – с изображением животного и т.д. [93, с. 228].

В некоторых домах имелись стоки для дождевой воды в виде заложенной в стене гончарной трубы [94, л. 64]. В стене одного из помещений, выходящих на II продольную улицу напротив квартала XVII, выявлен вертикальный заложенный в стене водосток. В качестве желоба для стока воды на улицу был использован поставленный наклонно калиптер, под которым оказалась горизонтально лежащая плоская черепица [25, с. 135, рис. 27]. Еще одно приспособление для стока воды в виде каменной трубы со стоком в уличную канализацию было обнаружено в северном углу коридора, через который попадали во двор усадьбы 1 квартала X-A [95, л. 2]. Из-за общей плохой сохранности кладок домов трудно сказать, были ли подобные приспособления в Херсонесе редкостью или обычным делом.

Как можно заключить из всего вышесказанного, Херсон, как и другие византийские провинциальные города рассматриваемого времени, был полностью лишен монументальности и претензий художественного характера. Херсонеситы спокойно жили среди руин больших ранневизантийских базилик, включали их стены в кладку собственных домов или, как уже отмечалось, попросту добывали в них строительный материал. Неправильной формы помещения, разной ширины улицы, дешевые строительные приемы, бесформенный план усадеб – все это характерные черты застройки Херсона

позднего периода. Единственным украшением, которое хоть как-то оживляло глухие фасады домов, был простой карниз с полочкой и выкружкой [27, с. 209; 64, с. 91; 72, л. 5; 96, с. 165]. Реже над входом в усадьбы или над окнами помещали камни с рельефными изображениями плетеных, простых и процветших крестов, которые, как правило, раскрашивались красной краской [81, с. 223, рис. 27,3; 27, с. 209, рис. 12; 135; 136, рис. 26; 31, с. 91; 97, л. 45]. Такие рельефы не только украшали усадьбы, но и служили оберегом. Встречаются и какие-то эксклюзивные приемы орнаментации фасадов. Так, в Северном районе на II продольной улице найдено 32 кирпича размером 20х6х3 см, возможно, предназначенных для декоративной кладки [97, л. 46].

Очаги и печи. Неприятательным был и быт жителей города. Отопление в подавляющем большинстве жилых помещений производилось посредством небольших очагов, которые, по-видимому, использовались и для приготовления пищи. Устройство их различно, но всегда довольно примитивно. Чаще огонь разводился в углублении между плитами на земляном полу [78, л. 20] или просто на глиняной обмазке диаметром 0,35-0,5 м с углублением в середине [27, с. 231, 214; 98, л. 14]. Иногда очагами служили большие вымощенные черепицами площадки, обложенные по краям плитами и лежащие на (сверху вниз) слое глины, гравия и мелких камней [27, с. 212-213]. В некоторых помещениях о наличии очагов свидетельствует скопление костей и золы в углу или у стены [27, с. 210, 266]. Причем в этом случае стену над очагом, как правило, обмазывали глиной [27, с. 262]. В усадьбе 2 в XXVIII квартале очаг был устроен в узком промежутке между двумя помещениями, где была обнаружена вымостка из черепиц без стенок. Таким образом, узкий закуток был приспособлен для устройства кухни [78, л. 19].

Для приготовления пищи использовали разнообразные приспособления. Углубления, выявленные на противоположных плитах одного из очагов в квартале XXII, возможно, предназначались для вертела [27, с. 259]. Не исключено, что вертелом служил найденный в том же квартале обломок обуглившейся деревянной палки с поперечными углублениями, по-видимому, образовавшимися при длительном вращении [27, с. 214]. В качестве подставки над очагом, скорее всего, использовали найденный в квартале XVII железный предмет, состоящий из трех концентрических толстых прутьев (шириной 3 см), соединенных по диаметру прямым стержнем [25, с. 140], массивное кольцо с несколькими небольшими ножками из квартала XXVIII [99, л. 13] и плоский железный круг на ножках из квартала XXII [27, с. 214].

Устраивались также и настоящие печи со стенами и сводом, сложенными из кирпичей и обломков черепиц на глине. Основание такого рода печей делали из камней, под выкладывали черепицами или каменными плитами, положенными на подсыпку из гальки и гравия, стены внутри обмазывали глиной. Печи в зависимости от потребностей хозяев и назначения строили

самых разных размеров. Например, в помещении 5 квартала XXV были открыты две печи диаметром 0,7 и 1,4 м. Главным назначением таких печей, скорее всего, была выпечка хлеба, хотя их могли использовать, как предполагает А.Л. Якобсон, и для обжига мелкой посуды [39, с. 163].

Большая часть печей топилась, по-видимому, по-черному, хотя в некоторых помещениях с очагами и печами находят черепицы с отверстием для дымохода [27, с. 258, рис. 96; 30, л. 16].

В усадьбах, в которых не было очагов, а печи располагались во дворах (к примеру, усадьбы 8 и 4 в портовом квартале 1 [13, с. 137; 73, л. 45]) или вообще отсутствовали, для приготовления пищи и отопления, по-видимому, использовали традиционные для Византии жаровни с углями, что было более характерно для византийских домов, в которых печей, как правило, не было, а пищу готовили во дворе [56, с. 70; 23, р. 58]. Правда, следует отметить, что в отчетах о раскопках Херсонеса выявлено только три упоминания о жаровнях, под которыми автор раскопок подразумевал глиняные сосуды с крупными отверстиями на дне и стенках [27, с. 214, 243]. Лишь однажды упоминается медная жаровня, найденная в усадьбе 4 квартала XVII [25, с. 154].

Туалеты, располагавшиеся во дворах, редко археологически четко выражены, хотя не исключено, что мусорные ямы, которые имелись практически в каждом дворе, служили и выгребной ямой туалетов [23, р. 59]. В редких случаях удается выявить поглотитель в виде обложенной бутовым камнем ямы, перекрытой плитами. На дне поглотителя, обнаруженного во дворе 12 в квартале XXII, выявлен слой морского песка и ракушек. С его северо-западной стороны сохранилось несколько положенных в один ряд камней, служивших, вероятно, фундаментом забора или деревянной стенки, отделявшей уборную от остальной части двора [27, с. 264, рис. 107]. Возможно, туалетом служило открытое в Портовом квартале 1 маленькое сложной конфигурации помещение 22, у которого начинался водосток. Два туалета было выявлено в Северном районе Херсонеса. Один располагался в западном углу двора усадьбы 1 в квартале X-A Северного района. От него сохранился камень с вырубкой для стока нечистот в канал, соединяющий туалет с уличной канализацией, проложенной по VIII поперечной улице [100, с. 169]. От туалета, открытого в помещении 15 квартала X-B, сохранились два ряда кирпичей размером 18х36х9 см, сформованных из земляного раствора, и известняковый блок размером 110х80х40 см с круглым углублением диаметром 23 см и отходившим от него сливом для нечистот [101, л. 4-5].

Особый интерес всегда вызывают, к сожалению, редко выявляемые во время раскопок предметы, связанные с такими каждодневными действиями горожан, как стирка, мытье посуды и т.д. Возможно, для мытья посуды, умывания и прочего была приспособлена прямоугольная плита-корыто с четырьмя круглыми отверстиями на дне для слива воды, обнаруженная во дворе

усадыбы 2 в XXVIII квартале Северного прибрежного района. Вода из него уходила в канал водостока, который был ответвлением канала, выходящего на Продольную улицу [78, л. 15]. Еще одно большое корыто с отверстием на дне было найдено в XIX квартале. Оно также располагалось над каналом, соединенным с магистральным водостоком [102, с. 281]. Раковиной для воды, вероятно, служила найденная во дворе одной из усадеб XXII квартала плита с большой выемкой с отверстием на одном конце и выступом на противоположном [27, с. 256]. Своеобразный «мусоропровод» был выявлен в квартале X-A Северного района: через «трубу», сделанную из каменного блока высотой 1,1 м и выходящую в канал водостока, соединенного в свою очередь с уличной канализацией, из усадьбы удаляли бытовые жидкие нечистоты [100, с. 169].

Водоснабжение. Отсутствие централизованного водоснабжения заставляло жителей города решать проблему самостоятельно, в большинстве случаев путем совместного строительства колодцев и водосборных цистерн, которые потом находились в общем пользовании. Такие колодцы открыты в квартале XXV Северного прибрежного района: один расположен между двумя дворами на линии разделяющего их каменного забора [32, с. 235]; второй – на пустыре между двумя жилыми домами [33, л. 18]. Одним колодцем, к тому же, скорее всего, расположенным на общем дворе, пользовались жители двух усадеб в XXVIII квартале того же района [103, л. 9]. Два общественных резервуара для сбора воды обнаружены в квартале I Северо-восточного района. Один располагался в центре небольшого двора (помещения 8а), имевшего выход на II поперечную улицу и обслуживавшего три соседние усадьбы, не входя в состав ни одной из них [39, с. 53], второй – на внутриквартальной площади [39, с. 55].

В редких случаях встречаются колодцы, находившиеся в единоличном пользовании жителей одной усадьбы, как например, в двух усадьбах XXVIII квартала [78, л. 14; 72, л. 9] и двух усадьбах XXII квартала Северного прибрежного района [104, л. 33, 34].

Большинство колодцев использовали в течение длительного времени и по мере накопления толщи культурного слоя наращивали кладку горловины и, соответственно, поднимали вымостку вокруг них [105, л. 25]. Так, например, в квартале XIII-XVIII Северного прибрежного района в XIII в. продолжали функционировать два колодца еще эллинистического времени [59, с. 148].

Жители большинства византийских городов позднего периода совместно решали не только проблему водоснабжения [1, р. 643], но и банный вопрос: если в VII-VIII вв. термы функционировали, в основном, при церквях, домах епископов и монастырях, то, начиная с IX в., возрождается строительство общественных бань [29, с. 123].

Бани. Хорошо известно, что в период античности обязательной частью повседневной жизни горожан, почти ритуалом, было посещение терм, куда ходили не только мыться, но и встречаться с друзьями, обсуждать дела,

устроить пикники, слушать литературные декламации и т.д. Подобному назначению соответствовали интерьеры этих учреждений, которые пышно украшались мозаикой, мрамором, скульптурой и т.д. Функции «клуба» бани сохраняют вплоть до VI-VII вв., и, несмотря на осуждение со стороны отдельных отцов церкви и отшельников, их регулярно посещали многие представители духовенства, а последователи св. Иоанна Хризостома даже устраивали в банях пасхальные богослужения и совершали обряд крещения [15, р. 338-339]. Поэтому в ранневизантийский период в столице империи было большое количество общественных терм, и некоторые из них были не хуже терм Диоклетиана и Константина в Риме. Однако к IX в. большая их часть была заброшена. Так, после VIII в. более не встречаются упоминания о бане *Constantinae*, которая функционировала еще в середине VIII в., хотя утратила к тому времени многие из своих великолепных скульптур; к IX в. были заброшены бани *Dagistheus* [15, р. 339]; бани Зевксиппа еще функционировали в 713 году, когда их посетил император Филиппик, но некоторое время спустя в них были размещены казармы и тюрьма [15, р. 340]. Таким образом, на примере Константинополя становится ясно, что большие общественные бани ранневизантийского времени в период темных веков прекращают функционирование. В это время меняются представления византийцев о чистоте, и после IX в. в период оживления городской жизни бани строятся в крайне ограниченных количествах. К тому времени они уже перестали быть нормальным и обязательным элементом быта и расценивались, скорее, как лечебное средство: врачи рекомендовали больным мыться два раза в неделю. Как часто пользовались баней здоровые византийцы, сказать трудно. Монастырские уставы XI-XII вв. сообщают разные цифры: от мытья дважды в месяц до использования бани три раза в год, на большие церковные праздники. Наиболее часто встречаемая цифра – ежемесячно. Однако эти предписания часто не соблюдались. Так, Продром смеется над монахом, не посещавшим баню от Пасхи до Пасхи, а близкий к высшему обществу известный византийский книжник Цец не стесняется признаваться, что моется в бане два или три раза в год [57, с. 96, 155]. Николай Мистик считал, что ходить с грязным лицом позорно, но грязь на других частях тела, видна она или нет, его уже не смущает [57, с. 95]. Более того, посещение бань часто вызывало осуждение, особенно со стороны аскетов [29, с. 123].

Соответственно, при таком подходе к чистоплотности, культивировавшемся даже в Константинополе и даже некоторыми интеллектуалами, в провинциальных городах бани были еще большей редкостью, чем в столице [29, с. 123] и часто отличались крайней убогостью⁸. Так, по свидетельству Кекавмена,

⁸ Следует отметить, что из этого правила были и исключения. Из письменных источников известно, например, что многочисленные бани в это время имелись в городах Никейской империи [9, с. 58].

в Сервии в начале XI в. баня имелась только за городскими стенами, на горной круче. Михаила Хониата поразил убогий вид сельской топившейся по-черному бани, дверь которой не закрывалась, и моющиеся одновременно страдали от дыма и жара и дрогли от проникавшего внутрь холодного воздуха, а местный епископ, боясь простудиться, даже не снимал шапку. Любопытные детали функционирования сельской бани содержатся в уставе одного из монастырей: рядом с небольшой баней находилось помещение для отдыха купающихся; женщины мылись по средам и пятницам, остальные дни принадлежали мужчинам [57, с. 95]. Однако и в поздневизантийский период в некоторых городах имелись бани, которые продолжали, хотя и в сильно урезанном виде, римскую традицию. Такие бани открыты в Фессалониках, Лакедемонии, Фебах и при некоторых монастырях [1, р. 622, 624-625, 643-644]. Однако открытые к настоящему времени три общественные и одна частная бани Херсонеса к таковым явно не относились. Это были простые по конструкции небольшие сооружения, лишенные каких-либо декоративных элементов и, по видимому, с очень ограниченным запасом воды. Хорошая сохранность херсонесских бань позволяет реконструировать их структуру, отопительную систему и принцип функционирования. Как правило, они состояли из трех помещений – помещения с топкой, собственно бани и раздевалки. Огонь, разведившийся в топке, нагревал расположенный над ней чан с водой, который представлял собой резервуар со сплошным дном, покрытым несколькими слоями водонепроницаемого раствора. Из чана горячую воду черпали через отверстия в стене, отделяющей помещение с водой от бани. Теплый воздух, а частью и дым, поступая из топки в расположенные под полом каналы, обогревал каменный пол, а при наличии вертикальных каналов и стены основного помещения⁹.

Все открытые в городе бани располагались в гуще жилых кварталов, и правило располагать их на расстоянии 20-30 шагов от соседних строений, которого придерживались в более раннее время [29, с. 199], не соблюдалось. Одна из бань открыта в 1912 году в III квартале Северо-восточного района (рис. 9)¹⁰. Судя по расположению на внутриквартальной площади, на которую выходило большинство жилых усадеб квартала, баня была общественной [39, с. 78], а ведущие к ней с главной и III поперечной улиц проулки свидетельствуют о том, что предназначена она была не только для жителей III квартала.

Время строительства бани установить трудно, т.к. строители, расчищая площадку под ее строительство, убрали практически все предшествовавшие слои до скалы, на которой и стоят ее фундаменты. Только одна из стен кочеварки была впущена в толщу 2-го слоя, где были найдены фрагменты

⁹ Аналогичные бани XII-XIII вв. известны в Закавказье, Киликии и Греции [39, с. 81-86].

¹⁰ К большому сожалению, в целях изучения более ранних слоев она была снесена в 80-х годах XX в.

поливной посуды с рельефными украшениями и монета Василия I (867-886) [12, с. 97; 39, с. 86]. Кроме того, в ходе исследования бани в 1988 году в нивелировочном слое под вымосткой двора, устроенного, скорее всего, одновременно с баней, было найдено несколько десятков фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и белоглиняных поливных тарелок. Монеты, найденные в субструкции вымостки двора и между ее плит, относятся ко времени не позднее первой половины X в. [106, л. 14-15]. Таким образом, можно сделать вывод, что баня была построена в X в., и предположение С.Б. Сорочана, который на основании характера кладки нескольких нижних рядов, сложенных из больших камней на известковом растворе с добавлением морского песка и мелко толченой керамики, датировал ее ранневизантийским временем [107, с. 948], противоречит выявленным в ходе раскопок материалам¹¹.

Отсутствие на месте бани более поздних построек свидетельствует о том, что после разгрома города в конце X в. она была отремонтирована и продолжала активно использоваться вплоть до гибели города в XIII в. О длительном ее использовании говорят также следы неоднократных ремонтов вымостки: крупные известняковые плиты, которыми первоначально был вымощен двор, по мере изнашивания заменялись небольшими плитками, а порою и просто бутовым камнем, подогнанным один к другому [106, л. 15]. В какой-то позднейший момент к бане начали пристраивать мелкие лачуги [39, с. 86].

Что касается самого здания бани, то сложено оно из относительно крупных подтесанных с лицевой стороны блоков камня, уложенных правильными рядами на толстом слое известкового раствора с добавлением морского песка. Раствор нескольких нижних рядов кладки, как уже упоминалось, содержал примесь мелко толченой керамики [106, л. 6-7]. Основная часть бани представляет собой удлиненный прямоугольник размером 6,8x4,0 м, ориентированный по оси ЮВ–СЗ, к которому с северо-западной стороны примыкает небольшое прямоугольное помещение размером 3,0x1,6 м. В последнем располагалась топка, имеющая вид немного суживающегося к собственно бане канала, перекрытого плитами. У основного канала топки, по-видимому, имелись боковые ответвления, направлявшие часть нагретого воздуха и дыма в боковые отверстия, которые сохранились по сторонам центрального входного отверстия, соединявшего топку с собственно баней. С северо-восточной стороны к топке примыкала несколько заглубленная квадратная в плане кочегарка, в которой хранилось топливо. У ее северо-восточной стены располагался колодец, из которого брали воду для бани.

Собственно баня состояла из двух частей: помещения для мытья и раздевалки, стены которых были покрыты штукатуркой. Первое имело камен-

¹¹ В Херсонесе известно множество примеров включения более ранних кладок в кладку более поздних строений или использования первых в качестве фундаментов.

ный пол из тонких плит, опиравшихся на многочисленные каменные столбики. Нагретый воздух, шедший из топки, заполнял подпольное пространство между столбиками, затем, миновав столбики, через два широких и низких сводчатых прохода уходил дальше, под помещение раздевалки, откуда через отверстия в нижней части юго-западной стены выходил наружу [39, с. 79]. В северо-западной части купальни, по сторонам боковых входных отверстий, располагались две выступающие наружу прямоугольные хорошо оштукатуренные ниши для ванн шириной соответственно 1,13 и 1,09 м и глубиной около 1 м.

По мнению А.Л. Якобсона, тщательная кладка бани на прочном известковом растворе, а также наличие сводчатых перекрытий в подпольной части предполагают наличие сводчатого перекрытия (скорее всего, в виде полуциркульного свода) самой бани [39, с. 81].

Перед входом в раздевалку имелся заслон, который состоял из стенки, параллельной северо-восточной стене бани и соединенной с ее юго-восточной стеной. К бане вел узкий проход-коридор, вымощенный мраморными и известняковыми плитами и обрамленный с обеих сторон подставленными на ребро камнями. Коридор шел параллельно северо-восточной стене бани и затем своим юго-восточным концом поворачивал на юго-запад и выходил в проулок, ведущий к бане с главной улицы.

Аналогичное устройство имела и небольшая частная баня, открытая во дворе жилой усадьбы 1 в квартале XV Северного прибрежного района (помещения 5 и 6) (рис. 10; 12). Наружная длина бани вместе с предбанником – 6,5 м, ширина – 1,3 м. Здание было сложено на грязи из не крупного бутового камня со слабой подтеской лицевой поверхности и оштукатурено смесью извести с песком. Углы и дверные проемы были оформлены крупными тесаными плитами. Помещение собственно бани построено впритык к предбаннику, а предбанник, в свою очередь, пристроен впритык к одному из помещений усадьбы (помещению 1). Раздевалка, немного более широкая, чем сама баня (1,55x3,0 м), вымощена небольшими каменными плитами, а вдоль ее юго-восточной и северо-восточной стен сложена каменная лавка. Лавка, как и стены предбанника, внутри оштукатурена раствором извести с песком. Собственно баня представляет собой узкое прямоугольное помещение размером 1,73x2,57 м. В юго-западной стене, ниже пола находится печь, топка которой длиной 1,55 м была вымощена тонкими плитками и, судя по наклонным стенкам ее нижней части, имела сводчатое перекрытие. Арочное устье топки шириной около 0,6 м выходило во двор. Над топкой сохранился довольно большой кусок многослойного (до 14 слоев) цемянкового пола (толщиной 0,14 м) с вогнутой поверхностью, который, несомненно, был обмазкой резервуара для воды, расположенного над топкой и отделенного от основного помещения бани тонкой стенкой. От печи вдоль бани под полом идет канал, сложенный на известковом растворе из поставленных на ребро плит и перекрытый двумя плитами,

положенными одна на другую. Канал шел между двумя парами устоев, попарно соединенных толстыми плитами и поддерживающих пол из больших и сравнительно тонких (6-8 см) мергелевых плит. От продольного канала в обе стороны ответвляются по три поперечных канала, которые продолжаютя внутри стен небольшими вертикальными каналами, расположенными на расстоянии 0,58 м друг от друга и поднимающимися на высоту 0,72 м от пола. На этой высоте они были перекрыты каменными плитами и отделены от бани плоскими кирпичами. Каналы перекрывались узкими (0,2 м) и низкими (0,32-0,35 м) каменными скамьями, шедшими вдоль стен. Каналы со стороны, обращенной внутрь бани, имеют заслоны из черепиц – как внизу до верха скамьи, так и выше скамьи. В верхней части располагалось отверстие для теплого воздуха. Пол, скамьи и стены бани были тщательно оштукатурены. Пол имеет заметный наклон в сторону печи.

Описанная баня, благодаря своей относительно хорошей сохранности, дает возможность ознакомиться с системой отопления: горячий воздух из печи шел по среднему каналу, затем в поперечные, а из последних по вертикальным каналам поступал в баню и обогревал ее. Тонкие стенки и перекрытия каналов способствовали нагреванию пола, скамеек и стен бани. Кроме того, тепло шло от самой печи и котла, благодаря чему достигалось вполне достаточное и равномерное обогревание бани [31, с. 93-94].

Еще одна баня, открытая в 1897 году, была пристроена к наружной стороне протейхизмы близ башни XVIII (рис. 11). Автор раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинич относил ее строительство к римскому времени [108, с. 94]. Однако А.Л. Якобсон датирует строительство бани временем после XI в., когда стена уже утратила свое боевое значение [39, с. 86]. Баня состояла из трех помещений. Небольшое (3,55x2,5 м) помещение «г» с узкой дверью служило предбанником, откуда вторая дверь вела собственно в баню (помещение «в» размером 5,35x4,6 м), оборудованную низкими каменными скамейками шириной 0,62 м, расположенными по трем ее сторонам. Внизу была проложена гончарная труба, сообщающаяся с крайним северным помещением «б» (4,25x1,77 м), пол которого, так же, как и стены, был покрыт цемянкой и устроен выше полов двух первых помещений. В юго-западном углу помещения тремя поставленными на ребро плитами отгорожен во всю ширину узкий ящик, над которым в стене проложена вторая гончарная труба, проходящая через стену наружу и служившая, вероятно, для проведения воды в бассейн (помещение «б») [108, с. 94].

Баня, расположенная в квартале IX Северного района, рядом с IX поперечной улицей, которая вела на центральную городскую площадь, была открыта в 1893 году К.К. Косцюшко-Валюжиничем, определившим ее как «большое здание с террасой со следами мраморной облицовки» [109, с. 54]. В ходе исследований, предпринятых в 1982 году С.Г. Рыжовым, выяснилось, что здание в форме вытянутого прямоугольника размером 16,0x6,75 м состояло

из 4 анфиладно расположенных помещений размерами соответственно 2,25x5,0, 3,65x5,0, 4,0x5,0 и 2,5x5,0 м (рис. 13). Его довольно толстые стены сложены из крупных бутовых камней на известковом растворе с добавлением толченой керамики. Между помещениями 2 и 3, 3 и 4 сохранились столбы от внутренних стен, в которых были устроены три канала для прохождения теплого воздуха. Подошва пола всех помещений бани расположена на разном уровне, понижаясь уступами в сторону входа в баню, расположенного с восточной стороны здания. В южной стене бани, в помещениях 2, 3 и 4 выявлены дверные проемы, которые вели в пристроенные к стене ванны, снаружи имевшие вид прямоугольных объемов размером 2,25x3,0 м. В хорошо сохранившейся ванной при помещении 4 возле двери вместо порога устроена лежанка шириной 0,35 м. Пол ее первоначально был вымощен белыми мраморными плитами, которые позже во время одного из ремонтов были перекрыты плинфой. О сводчатом перекрытии бани свидетельствуют обнаруженные при раскопках арочные камни [110, л. 33]. В крайнем западном помещении еще К.К. Косцюшко-Валюжиничем была обнаружена круглая кирпичная печь.

Время строительства бани можно определить только предположительно¹², т.к. в ходе нивелировки поверхности перед ее строительством практически все предшествующие ей слои, вплоть до эллинистического, были сняты на большой площади. Так, под фундаментом западной стены бани были найдены чернолаковый канфар и фрагмент терракоты [110, л. 9-10], а заложенный в помещении 2 шурф показал, что баня стоит на глинистом слое, содержащем керамику IV-III вв. до н.э. [110, л. 32]. Возможно, она была построена одновременно с расположенной рядом Северной базиликой. Косвенным, хотя и очень зыбким, подтверждением тому служит идентичность раствора (известь с добавлением толченой керамики), использованного в обоих сооружениях. С.Б. Сорочан в качестве аргумента приводит еще и использование в базилике и бане в качестве вымостки ваннных одинаковой плинфы (30x30x3 см) [107, с. 947], что, однако, скорее свидетельствует в пользу более ранней даты строительства бани, т.к. вымостка ваннных плинфой, как уже отмечалось, является результатом ремонта.

Прекращение функционирования бани обычно относят ко времени не ранее середины XI в. [59, с. 135-136; 107, с. 946]. В качестве аргумента в пользу такой даты используют обнаруженные К.К. Косцюшко-Валюжиничем «во втором с запада помещении» бани 192 скученные на полу «бронзовые херсонесские монеты императора Романа I средней величины, одного типа» [109, с. 54-55], которые, к сожалению, не сохранились и после пересмотра хронологии монет с монограммой «ро» в качестве неоспоримого аргумента использованы быть не могут.

¹² Автор раскопок С.Г. Рыжов предположительно датировал строительство бани концом V – началом VI вв., хотя не исключал и более поздней даты [110, л. 32].

На наш взгляд, баня функционировала вплоть до пожара XIII в., уничтожившего все окружавшие баню постройки. В пользу такого предположения, прежде всего, говорит тот факт, что на прилегавшем к бане участке, кроме Северной базилики, не сохранилось никаких других сооружений, несомненно, имевшихся здесь до катастрофы конца X в.: все предшествующие строительству поздних усадеб слои и постройки на рассматриваемом участке, как и практически по всей территории херсонесского городища, были снесены в ходе нивелировки поверхности, и фундаменты поздних помещений были либо впущены в слои, содержащие керамику римского времени [110, л. 22], либо стояли на наскальном слое толщиной 10-15 см, состоявшем из глины с мелкими фрагментами чернолаковой посуды и амфорных ручек (Херсонес, Гераклея, Фасос) [110, л. 17]. Было бы странно, если бы херсонеситы, разобравшие все ранние постройки с целью использования добытого таким образом материала в новом строительстве, оставили в неприкосновенности руины бани, к тому же расположенные рядом с частично восстановленной базиликой. Однако здание бани даже на момент ее доследования в 1982 году сохранилось на высоту 3-5 рядов кладки [110, л. 12], и можно предположить, что на момент открытия К.К. Косцюшко-Валюжиничем ее сохранность была значительно лучше.

Кроме того, К.К. Косцюшко-Валюжинич в отчете не упоминает ни о каких перекрывавших баню постройках [109, с. 54-55]. Окружавшие баню поздние усадьбы были лишь пристроены к ней, что напоминает ситуацию с баней в Северо-восточном районе, к которой в последний период ее функционирования также были пристроены какие-то, по выражению А.Л. Якобсона, «лачуги». Так, к восточному углу примыкала стена, сложенная из бутового камня на грязевом растворе и принадлежавшая дому, построенному здесь в XII-XIII вв. [110, л. 5]. Между ваннами 1 и 2 выявлен отрезок стены, оставшейся от дома XII-XIII вв., к которому относятся также остатки двух помещений, занимавших южную половину участка [110, л. 7]. Еще два помещения (помещения 7 и 8), принадлежавшие другому дому этого же времени, открыты с западной стороны.

Все это позволяет сделать предположение, что баня в IX квартале, как и баня в Северо-восточном районе, была восстановлена после пожара конца X в. и продолжала функционировать, хотя и в несколько урезанном виде. В данном случае имеется в виду засыпанная материалом второй половины X в. цистерна, открытая рядом с ванной 2 и, по-видимому, служившая для хранения запаса необходимой для бани воды, и ванны, перекрытые слоем с поздним материалом [110, л. 10].

Таким образом, пока известно четыре бани, действовавшие в городе в описываемый период. Две из них были построены до катастрофы конца X в., после которой были отремонтированы и продолжали использоваться в более позднее время, а две, в том числе одна частная, были построены в XII-XIII вв.

Средневековая застройка Херсона не была столь скучна и однообразна, как может показаться на первый взгляд, и состояла не только из жилых уса-

деб, организованных в кварталы, оживляемые храмами, кладбищами и изредка небольшими монастырями и общественными сооружениями типа описанных выше бань. На самом деле город представлял собой живой и довольно сложный организм, который выполнял множество самых разнообразных функций. Его жизнь разнообразили многочисленные лавки, небольшие рынки, кабаки, постоянные дворы, больницы, различные богоугодные заведения типа домов для престарелых и т.д. Все они археологически практически никак не отличаются от обычных жилых усадеб, и лишь иногда по каким-то признакам можно с большой долей осторожности предполагать наличие того или иного учреждения в том или ином помещении или комплексе. Тем не менее, без всех этих обязательных для каждого провинциального города «деталей» невозможно в полном объеме представить и понять жизнь Херсона XII-XIII вв.

При крайней скудости письменных источников, касающихся этого периода истории города, мы вынуждены обращаться к сохранившимся свидетельствам о жизни других провинциальных городов империи, а иногда из-за неравномерного освещения источниками различных сторон византийской жизни нарушать принцип историзма и ссылаться на более поздние или более ранние периоды.

Лавки. В отличие от античных и ранневизантийских городов с их единым торговым центром – агорой, в городах средне- и поздневизантийского периодов торговля была рассредоточена по всей территории. К сожалению, лавки, как правило, расположенные в жилых усадьбах, археологически выделить чрезвычайно трудно. Еще трудней, а в большинстве случаев практически невозможно, выявить их специализацию, но, несомненно, самыми многочисленными были мелочные лавки или лавки салдамариев, торговавшими всевозможными товарами широкого потребления, в том числе продуктами. Такие лавки обычно были разбросаны по всему городу, располагаясь в непосредственной близости к потребителю [111, р. 461]. Согласно Книге Эпарха, своду уставов константинопольских ремесленных и купеческих коллегий, датирующемуся самым началом X в., «салдамарии могут открывать свои эргастерии по всему городу, на площадях и улицах, чтобы можно было легко найти необходимые для жизни предметы потребления. Они могут продавать солонину, копченую рыбу, колбасу, сыр, мед, растительное масло, всякого рода бобовые, овощи, смолу сухую и жидкую, кедровое масло, веревки, льняные нитки, гипс, глиняную посуду, бутылки, гвозди и также всевозможные прочие товары, которые продаются при посредстве кампанов, но не зигий» [112, с. 63]¹³. Возможно, к числу наиболее многочисленных

¹³ Зигии – это двучашечные весы или, если использовать термин нашего времени, аптекарские весы, в противоположность кампану – безмену, предназначенному для взвешивания тяжестей. Именно кампан использовали салдамарии, тогда как зигии должны были исполь-

относились и лавки мясников-макелериев, представлявшие собой небольшую лавочку, в которой у прилавка висели куски мяса [112, с. 222, 229].

Лавки часто совмещались с ремесленными мастерскими. Недаром помещение для торговли называлось так же, как и мастерская – эргастерий [113, с. 259]. В Книге Эпарха константинопольские мастера постоянно выступают в роли купцов, торгующих собственными товарами: свечники сами покупали сырье на рынке и продавали свечи (XI, 3, 1), мыловары сами торговали произведенным ими мылом (XII, 9), что зафиксировано в самом названии мыловаров – σαπωνοπράται, т.е. мылоторговцы. Только уже упоминавшиеся салдамарии, торговавшие самыми разнообразными предметами, закупали товар у мастеров на рынке и затем перепродавали в своей лавке [113, с. 256].

Рынки. Помимо постоянно функционировавших лавок в каждом районе имелись постоянные маленькие рынки и крытые галереи. К сожалению, археологические и письменные свидетельства, позволяющие определить местоположение подобных рынков и галерей в различных городах, чрезвычайно скудны. Известно, что в Фессалониках рынок располагался около ворот на юго-восточной стороне города, хотя не исключено, что торговая зона была и на его юго-западной стороне у гавани. На Родосе центральной торговой артерией города (*mese*) служил древний *decumanus*, в месте пересечения которого с *cardo* располагались городские ворота с открытым пространством, также предназначенным для торговли. В Пергаме небольшие лавки располагались вдоль главной улицы, во всяком случае, в ее раскопанной части. Торговая галерея с легкой аркадой на фасаде была открыта в Коринфе. Наиболее полную картину того, как выглядели торговые улицы в интересующее нас время, предоставляет Преслав, где ведутся систематические раскопки коммерческого центра города [11, р. 512-513].

Рынки и крытые галереи были не только местом, где можно было приобрести необходимые товары, но и довольно притягательным центром общения горожан. Недаром Евстатий Фессалоникийский упрекал некоторых монахов за то, что они проводят на рынках больше времени, нежели в церквях [11, р. 512].

Места в галереях, которые, как правило, располагались возле крупных храмов и по сторонам главной улицы, сдавали торговцам за плату, взимавшуюся в пользу города. Полученные средства обычно шли на ремонт общественных зданий и городское освещение.

В Херсонесе торговая галерея была открыта возле малой базилики, появившейся на месте большого ранневизантийского храма после X в. (т.н. базилика 1889 года, известная также под условным названием «базилика в базилике» или базилика 15). Судя по обнаруженному в стенах материалу,

звать мировары – торговцы другим важным товаром – благовониями, т.е. парфюмерией, пряностями, красителями и некоторыми лекарственными веществами [112, с. 208, 202].

галерея была построена одновременно с храмом [48, л. 4], и помещения, с ним связанные, были пристроены непосредственно к северной стене его северного нефа (рис. 14). Сама галерея выходила на I продольную улицу и, выступая на ее проезжую часть, частично закрывала ее, что, по мнению открывшего ее С.Г. Рыжова, свидетельствует о наличии с этой стороны базилики большого двора или площади [48, л. 16-18].

Черепичная крыша галереи опиралась на пилястры, являющиеся продолжением торцовых стен и выступающие на 1,6 м на улицу. Кроме пилястров, крышу поддерживали 6 столбов, которые стояли на расстоянии 3,35 м друг от друга. Основания четырех из них (2 обломка мраморных колонн, известняковый столб и известняковая дорическая капитель) были найдены *in situ*¹⁴. Расположенные за галереей помещения, скорее всего, выполняли складские функции. В одном из них, по-видимому, стояли деревянные полки, которые, судя по следам от 6 ям в полу, опирались на столбы [48, л. 4].

Помимо подобных основательных торговых помещений торговали и с простых столов, на специальных ларях (πρατήρια или αράκια), в палатках, под тентами, где обычно размещались денежные менялы, бакалейщики, торговцы готовой едой и прочие [114, р. 470; 113, с. 259]. На небольших рынках, которые были вплетены в городскую структуру и археологически никак не выделяются, обычно продавали свежие овощи, фрукты и зелень, составлявшие важную часть ежедневного рациона византийцев. Обычно их выращивали на крохотных участках при городских усадьбах или на наделах, расположенных в ближайших окрестностях города, т.е. в непосредственной близости к рынку сбыта [115, р. 143-144]. Кроме того, в византийских городах велась бойкая торговля вразнос наиболее употребительными мелкими товарами. Письменные источники рассказывают о том, как византийские женщины, высовываясь из окон, зывали мелких уличных торговцев и покупали у них все, что им было нужно из продовольственных продуктов и предметов домашнего обихода [116, с. 173].

Очень оживляли жизнь городов большие торговые дни и ярмарки, которые, как правило, были приурочены к какому-либо празднику или ко дню какого-то особо почитаемого в городе святого. Среди подобных ярмарок наиболее известными и важными были ярмарки в Фессалониках, Эфесе, Хонах и Трапезунде [11, р. 512-515]. Обычно они проводились за пределами городских стен, часто при загородных монастырях [116, с. 173; 10, р. 195]. Делалось это, во-первых, в целях безопасности, а, во-вторых, за городом легче было найти свободное пространство, необходимое для организации подобных мероприятий. В Херсонесе наиболее подходящим местом для такой ярмарки была территория вокруг загородного монастыря Марии Влахернской.

¹⁴ Столбы, стоявшие в средней части галереи, были уничтожены окопом во время войны 1941-1945 гг.

Кекавмен (XI в.) упоминает о ярмарках в провинциальных центрах, устраиваемых по предложению соседних народов для обмена товарами [113, с. 354]. Такие временные торжища также организовывались вне городских стен. Косвенным свидетельством тому, что происходили они и у стен Херсона, служит рассказ Анны Комнины в «Алексиаде» о бегстве Лже-Диогена из Херсона: «...он стал по ночам подниматься на городскую стену и, высунувшись, заводил беседы с куманами, которые обычно приходили туда торговать и покупать нужные им товары. Обменявшись с ними клятвами, однажды ночью он обвязал себя веревкой и спустился по стене вниз. Куманы вместе с ним отправились оттуда в свою страну» [117, с. 266, Кн. X, 2].

Любопытный рассказ об одной из ярмарок, проходившей в 1042 году в Константинополе, принадлежит Пселлу: по его словам, за короткий период между стенами Константина и Феодосия возник целый город из торговых палаток [11, р. 512-515]. Описание огромной ярмарки, разместившейся за западной оборонительной стеной Фессалоник во временных палатках, расположенных правильными рядами, содержится в византийской сатире XII в. «Тимарион» [11, р. 509].

Постоялые дворы и гостиницы. Для приезжих, в первую очередь для купцов, во всех византийских городах устраивались постоянные дворы или митаты, в которых имелись складские помещения, жилые комнаты и оптовый магазин для распродажи [112, с. 155-158]. К примеру, комнаты, складские помещения и конюшни имелись в известном по письменным источникам огромном «странноприимном доме» в Константинополе, построенном в X в. Романом Лакапином. Владельцы постоянных дворов получали особые прибыли от сдачи комнат приезжим [112, с. 157]. В Херсоне один из таких постоянных дворов, возможно, располагался в квартале X-A Северного района [24, с. 300].

Обязательной принадлежностью каждого византийского города были корчмы или кабаки¹⁵, приюты для деклассированных элементов, нищих, больных, сирот, калек, богадельни, «сиротопиталища», дома призрения, дома для умалишенных. Приюты обычно учреждались государством и церковью и хорошо известны по письменным источникам, хотя до сих пор ни один из них археологически нигде выявлен не был [56, с. 71; 1, р. 647]. К числу археологически никак невыраженных учреждений относятся и больницы, которые также имелись в каждом более или менее крупном городе¹⁶.

¹⁵ Византия славилась своим пьянством, а Константинополь пользовался славой «пьяного города». «В Византию кто ни придет – пьян будет, там по целым ночам пьянствуют», – писал византиец Никита Хониат, а китайский путешественник, побывавший в Византии, отмечает: «Там в течение семи дней отдыхают один день, в который не выходят торговать, а пьют до глубокой ночи...» [118, с. 331].

¹⁶ Сохранилось очень подробное описание больницы XII в. при богатом константинопольском монастыре Пантократора. Эта больница была рассчитана на 50 мест и состояла из

История застройки и краткая характеристика районов города

По топографии и степени изученности Херсонесское городище, площадь которого в пределах оборонительных стен составляет 339 тыс. м² [119, с. 154], условно делится на несколько районов: *Портовый*, расположенный на ровном, пониженном участке, ограниченном Карантинной бухтой, оборонительными стенами и естественной возвышенностью; *Центральный*, включающий центральную площадь города, территорию, расположенную к западу от нее и ныне практически полностью занятую монастырскими постройками, и район античного театра (юго-восточный участок); *Северо-восточный*, в состав которого входят кварталы вдоль Главной продольной улицы к востоку от Центральной площади и район Уваровской базилики; *Северный*, расположенный на возвышенном участке вдоль северного обрывистого берега городища (кварталы VIII-ХБ); *Северный прибрежный*, расположенный на пониженном участке северного берега; *Западный*, включающий всю западную половину города.

Как показали раскопки, после пожара конца X – начала XI вв., уничтожившего почти всю городскую застройку, Херсон был отстроен практически заново¹⁷. Однако, сначала сильно сократившееся население занимало, по-видимому, только небольшую часть городской территории. При этом город свободно развивался в пределах старых оборонительных стен, не предпринимая никаких попыток защитить свою значительно уменьшившуюся территорию. Такая же картина наблюдается, к примеру, в Коринфе и Афинах [1, р. 649].

Восстановление в Херсоне, обладавшем в то время достаточной жизнеспособностью, шло, по-видимому, довольно быстро. В значительной степени этому способствовал процесс возрождения и активизации городской жизни, который после периода упадка и застоя VIII – первой половины IX вв. охватил сначала район Константинополя и узкую полосу вдоль побережья Эгейского

пяти отделений. Хирургическая палата имела 10 коек, палата для больных глазами, желудочных и других страдающих острыми заболеваниями – 8, женское отделение – 12. Кроме того, в каждой палате имелось по одной резервной кровати на случай экстренной надобности. Каждая койка должна была иметь коврик, войлочный тюфяк, подушку и покрывало, а на зиму – два одеяла. Больница была снабжена хитонами-рубашками и плащами-гиматиями, так что больных переодевали в казенную одежду, а их собственные вещи стирали и возвращали после выздоровления чистыми. Персонал больницы был весьма многочислен. В каждом мужском отделении числилось два врача, три штатных помощника-«фельдшера», два дополнительных (сверхштатных) помощника и два служителя-санитара, т.е. всего 36 человек на 38 коек. Такое же соотношение было и в женском отделении, где 12 мест обслуживали 11 или 12 человек. Кроме того, имелись врачи, хирурги и терапевты, принимавшие амбулаторных больных. При больнице имелись аптека и ряд служб, где работали прачки, повара, конюх, привратник и т.д. [57, с. 211]. Это, конечно, лучшая из известных византийских больниц. Другие были гораздо хуже. Так, провинциальный Богородичный монастырь Спасительницы мира имел госпиталь на 36 коек, которые обслуживал один врач и восемь служителей, а все больные размещались в одной палате [57, с. 211].

¹⁷ А.В. Сазанов датирует генеральную реконструкцию города концом XI в. [120, с. 376, 380].

моря, а с XI в., несмотря на внешнеполитические трудности, большую часть Византийской империи [1, р. 616; 121, р. 31-39].

По мнению А.Л. Якобсона, в среднем строили приблизительно по 4 усадьбы в год, что означает, что за полстолетия такого строительства могло быть восстановлено не менее 15 новых жилых кварталов. Однако следует учитывать, что темпы строительства, скорее всего, были неравномерны: в отдельные периоды домов строилось больше, в другие – меньше [39, с. 152]. Пик строительной активности пришелся, скорее всего, на XII век. Запустение большей части территории города в предыдущем столетии объясняется не только сокращением численности населения в результате событий конца X в., но и демографическим спадом, который в середине XI в. переживает вся Византийская империя [57, с. 28].

Систематические археологические исследования, проводившиеся только в восточной части Херсонеса, показали, что эта часть городища была застроена довольно плотно. Сплошная жилая застройка, прослеженная вплоть до основания западной возвышенности, а вдоль главной улицы – до водохранилища, прерывалась лишь центральной площадью с 8 храмами и комплексом кафедрального собора, занимавшим два квартала. Возможно, отсутствовала она и на территории порта. Что касается западной части городища, то, к сожалению, исследования здесь до сих пор сосредоточены на изучении расположенных там христианских храмов. Поэтому мы вынуждены ограничиться фиксацией выявленных в ходе таких раскопок поздних материалов и строительных остатков и на их основе пытаться составить какую-то более или менее целостную картину. Пока в указанном районе выявлено лишь несколько зданий, несколько храмов и несколько больших кладбищ, функционировавших в описываемый период.

Портовый район

Трудно определить, в какой последовательности отстраивались различные участки городской территории, но логично предположить, что в силу особой важности восстановление города должно было начаться с Портового района, где перерыва в застройке, по всей видимости, вообще не было. Подтверждением тому служит кардинальная перестройка защищавших порт оборонительных сооружений в X-XI вв., когда, по-видимому, был засыпан рукав Карантинной бухты, который до этого времени огибал оборонительные стены, и новая линия обороны была вынесена далеко к востоку (рис. 15). Реконструированная И.А. Антоновой история фортификационного строительства в Портовом районе после X в. выглядит следующим образом: перестраивается башня XXII, к юго-восточному углу которой пристраивается новая стена с вспомогательной полукруглой башней XXV; далее стена идет на юг вдоль берега Карантинной бухты, а затем в 90 м от башни XXII поворачивает на запад и, делая плавный поворот, подходит к северо-западному углу башни XX^I; учас-

ток между воротами и башней XX¹ дополнительно укрепляется несколькими небольшими и незначительно выступающими по фронту башенками; у поворота стены возводятся «морские» ворота, укрепленные двумя однотипными прямоугольными башнями размером 7,5х6,0 м; позже к внутренней стороне обеих башен добавляют прямоугольные пристройки размером 3,5х3,3 м, возможно, служившие дополнительными укреплениями; одновременно с возведением описанной линии обороны для защиты подступа к воротам усиливают специальным утолщением башню XXIII [123, с. 116; 4, с. 5].

Некоторое время спустя, но не позже конца XI – начала XII вв. вся вновь выстроенная приморская линия перестраивается от нижних рядов лицевой кладки предшествующего строительства. Одновременно с этими работами исправляется допущенная инженерная ошибка, и северный фланг приморской линии (куртина 37) пристраивается не к юго-восточному, а к юго-западному наружному углу XXII башни, возвращая ей возможность активного участия в обороне. До основания разбирается полукруглая башня XXV, на месте которой возводится новая прямоугольная башня. Направление куртины 38 остается прежним, но она все равно по непонятным причинам разбирается до нижнего ряда и используется как основание для возведения новой стены. Однако и эта перестройка не была последней в строительной биографии оборонительных сооружений Портового района. 39 куртина была вновь сnivelирована под дневную поверхность примыкающих городских кварталов и перенесена еще дальше к берегу бухты. Остатки башни, несомненно, входившей в состав этой новой, на этот раз последней, линии обороны были обнаружены в ходе подводных исследований на глубине 2 м на расстоянии 15 м от современного уреза воды к востоку от башни XX [123, с. 107-113; 4, с. 5].

Большая часть территории между старой и новой линиями обороны систематическим исследованиям не подвергалась [124, с. 92], но фрагменты поздней застройки открыты на небольшом пространстве около башни XXII между ранней куртиной 25 и куртиной 37 [34, табл. II] и между последней и предпоследней линиями обороны на участке, расположенном между башней XVIII и площадью у склада древностей. В ходе раскопок выяснилось, что по мере переноса оборонительной стены все дальше и дальше к востоку присоединенное к городу пространство постепенно заполнялось постройками, часто пристраивавшимися к потерявшим свое значение куртинам и башням. Несколько помещений (помещения 9-12, 13-15) было пристроено к внешней стороне куртин 26 и 27 (рис. 16) [125, с. 54-55]; «разные лавочки и склады» «прилепились» к разобранным почти до основания куртинам 22-25 ранней оборонительной стены [125, с. 53].

Кварталы, прилегающие непосредственно к порту и расположенные с внутренней стороны древней приморской оборонительной стены, были раскопаны К.К. Косцюшко-Валюжиничем в конце XIX – начале XX вв. с присущим тому времени небрежением к средневековью, без детальной фиксации открытых

строительных остатков и найденного материала. Положение усугубляется еще и тем, что значительная часть поздневизантийских построек в Портовом районе была разобрана сразу после раскопок. Однако, судя по кратким описаниям открытых кварталов, застройка прилегающей к порту территории мало чем отличалась от застройки остальной части города. Здесь, как и в других районах, строители учитывали, скорее всего, еще античную планировку кварталов, что подтверждает направление трех параллельных улиц, ведущих с верхней части городища к порту (рис. 17). По мнению исследователя, участок был застроен «одновременно, наскоро, но по строго определенному плану после полного разгрома старого города». «Улицы проведены параллельно и их легко проследить через все городище до самого моря». Промежутки между улицами, судя по его плану, были застроены помещениями (всего открыто 90), часть которых служила складами, а в двух выявлены кирпичные печи [125, с. 90].

Античная планировка была соблюдена и на участке, расположенном к северо-западу от куртин 26-27 (рис. 18-19). Только если в ранний период улица доходила здесь только до оборонительной башни, то в поздний – потерявшая свое значение башня была разобрана, и улица продолжена до бухты [14, с. 38-39].

Появились в районе и обычные для позднего Херсона небольшие одноапсидные церкви. Одна из них была открыта в ходе раскопок 1895 года с тыльной стороны 26 куртины и XXI башни (рис. 17). Какой-то храм располагался, по-видимому, в прямоугольной «нише», образованной тремя изгибами оборонительной стены возле древней башни 8, что косвенно подтверждают находки на указанном участке в 1902-1904 гг. многочисленных церковных древностей и двух усыпальниц. Сам храм, по-видимому, был снесен в 1901 году во время строительства каземата военного ведомства [34, с. 39]. Небольшая часовня «щ» «базиличной формы в один неф с прямоугольными плечиками и полукруглой апсидой с синтроном в одну ступеньку и боковыми выемами – скамьями» была открыта на участке, расположенном в районе башни XVIII [14, с. 39; 34, с. 39, табл. II; 123, с. 112].

Как и в других кварталах города, кладка домов Портового района представляла картину полного хаоса. Здесь «...в уличных стенах рядом с обычным бутовым камнем уложены облицовочные плиты с рустами, карнизы и водосточные желоба древнейшего периода, заложены двери зданий первого города и засыпаны и застроены за ненадобностью колодцы, вырубленные в скале» [34, с. 35]. Правда, в отличие от остальной территории Херсона, где наблюдается перерыв в застройке, и здания, разрушенные в конце X в., использовались в качестве источника строительного материала, здесь довольно хорошо сохранившиеся стены предшествующего периода инкорпорировались в кладку вновь строящихся домов или использовались в качестве фундамента. Например, вдоль улиц, которые шли от калитки в куртине 26 и вели с берега Карантинной улицы в город, располагались помещения, при строи-

тельстве которых были использованы уцелевшие на значительную высоту стены, скорее всего, ранневизантийского времени, сложенные из кубовидных камней на прочном известковом растворе с прокладкой кирпичей в 4 ряда в каждом поясе (кладка *opus mixtum*). Эти стены исправлялись и дополнялись бутовым камнем на грязи [14, с. 38-39].

Соседство с портом диктовало потребность в значительно большем по сравнению с другими районами количестве складских помещений и лавок, которые неоднократно упоминаются в отчетах К.К. Косцюшко-Валюжинича. По мнению исследователя, складами служили несколько помещений, пристроенных к куртине 24. В двух из них были выявлены врытые в землю пифосы, в третьем – остатки каменной винтовой лестницы с уцелевшими шестью ступеньками [124, с. 89-90]. Лавки и склады располагались вдоль двух улиц, которые шли от калитки в куртине 26 и вели с берега Карантинной бухты в город. Одна из них шла к востоку вдоль оборонительной стены Г, вторая – к северу вверх по склону. Из 8 открытых вдоль улиц помещений неправильной формы три, с выходом непосредственно на улицу, скорее всего, служили лавками, а остальные, без дверных проемов, являлись, по всей видимости, подвалами, служившими торговыми и хозяйственными складами, в которые можно было попасть через люки в деревянных полах (рис. 18) [14, с. 38-39]. Эти же функции, по-видимому, выполняли пять пристроенных к башне XXII и куртине 26 помещений (помещения 3-7) «без окон, с низко опущенными полами, из коих два, в помещениях 5 и 6, кирпичные» (рис. 16) [125, с. 54]. Торговыми складами были и 6 помещений, открытых между куртиной 27 приморской оборонительной стены и базиликой Крузе. В пяти из них были подвалы глубиной в 2,12 м, а двери верхних помещений выходили непосредственно на узкую улицу [108, с. 95]. Еще три торговых склада были пристроены к куртине 27 ближе к башне XXIII (помещения 16-18). Интересно отметить, что в помещении 18 наряду с 7 большими пифосами найдены большое количество разнообразной церковной утвари (икона «Св. Георгий и Св. Димитрий», железный крест, обтянутый серебряной пластиной, бронзовая кацея, наконечник пастырского посоха, нательный крестик), скорее всего, упавшей со второго этажа сгоревшего здания [125, с. 56, рис. 74-76].

Как показали исследования, поздневизантийская застройка существовала и на территории соседствующей с Портом **цитадели** [126, с. 393]. Здесь были открыты «помещения с мощеным двором, скорее всего, усадьба XII-XIII вв.», в состав которой входило помещение с вымосткой и небольшим тарапаном, служившее, по-видимому, небольшой домашней давяльней [127, с. 284], и одноапсидный храм с небольшим кладбищем при нем [17].

Что же касается Портовых кварталов 1 и 2, то археологическая ситуация здесь отличается чрезвычайной сложностью, связанной с тем, что здесь возрождается жизнь после пожара XIII в., окончательно погубившего остальную

часть города. Только здесь были выявлены следы нивелировки поверхности и остатки построек двух строительных периодов, а также материалы XIV-XV вв. [128, с. 13, 26; 129, с. 93-94; 130, с. 7; 59, с. 184; 131, с. 235].

Портовый квартал 1, в состав которого, помимо жилых комплексов, входили две церкви (т.н. храм 1963 года и храм Е), ограничивали 15-я поперечная и продольная улицы, а также 16, 17 и 18 куртины. Раскопки его были начаты в 1899 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, открывшим небольшую церковь Е и 25 помещений вдоль 16 и 17 куртин. Исследования были продолжены А.И. Романчук, которая реконструировала историю застройки участка. Ранний этап строительства здесь в рамках средневизантийского периода исследовательница относит к середине/концу XI – началу XII вв. [13, с. 123; 71, с. 55] и выделяет в Портовом квартале 1 11 усадеб, относящихся к двум строительным периодам. По ее наблюдениям, как и на других участках Портового района, в Портовом квартале 1 стены ранних помещений чаще всего достраивали в последующий строительный период, при этом сохраняя план и размеры зданий, т.е. стены, возведенные в предшествующий строительный период, включались в постройку конца XI – первой половины XII вв. [13, с. 132; 132, с. 329].

Другая картина наблюдается в **Портовом квартале 2**, расположенном к северо-востоку от квартала 1 и отделенным от него 15-й поперечной улицей (рис. 20). Здесь стены более ранних помещений в последующий период жизни использовались редко: в каждый новый строительный период размещение и план зданий менялись, хотя единая ориентация с юго-запада на северо-восток сохранялась [133, с. 378; 132, с. 329]. Однако, несмотря на изменение плана и расположения помещений, здесь также не было перерыва в застройке. Доказательством тому служит отсутствие слоев, которые могли образоваться в период между гибелью одних зданий и строительством новых [71, с. 49-50].

Внутриквартальными улицами квартал 2 был разбит на блоки жилых построек, из которых пока раскопаны только три [71, с. 48]. Площадь усадеб составляла от 80 до 120 м² [131, с. 235]. Здесь выявлены следы, как минимум, трех мастерских. Большой производственный комплекс по обработке металла, датирующийся XII в., открыт на юго-восточном участке [134, с. 307]. Еще одна мастерская размещалась в помещении 2 блока жилых построек 2, в котором было обнаружено значительное скопление особой глины (кила), используемой в гигиенических целях. По мнению А.И. Романчук, в усадьбе имелось либо какое-то производство моющих средств, либо прачечная [59, с. 113]. В усадьбе 9, где были найдены десять железных замков вкупе с кузнечными клещами, возможно, располагалась кузница, в которой делали или чинили замки. В этой же усадьбе, состоявшей из расположенного вдоль улицы двухэтажного дома и большого разделенного на две части двора, по-видимому, имелась лавка, размещавшаяся в одном из помещений с выходом непосредственно на улицу. Дом принадлежал довольно состоятельному семейству:

в момент пожара там в общей сложности было около 50 сосудов (амфор, пифосов и больших тарных сосудов) с запасами продовольствия [13, с. 145].

Вдоль второй внутриквартальной улицы открыты выходящие на улицу полуподвальные помещения близких размеров (помещения 33-38, входящие в блок жилых построек 2), в которых, по-видимому, располагались торговые лавки [71, с. 53].

На небольшой площади, расположенной с юго-восточной стороны квартала, скорее всего, одновременно с общей застройкой квартала был построен небольшой внутриквартальный храм-усыпальница, отгороженный от площади каменной стеной [13, с. 145]. Несколько дальше, на расстоянии 3,55 м от башни XVI в XI в. был построен еще один небольшой храм Е, который вместе с помещениями 1-5, примыкающими к углу, образованному куртинами 17 и 18, составлял единый комплекс, определяемый А.И. Романчук как монастырь [13, с. 149].

В районе прослеживаются два пожара. После первого, когда погибла большая часть города, восстановление произошло довольно быстро: была произведена нивелировка некоторых участков квартала и построен ряд новых усадеб [71, с. 50-52], которые были еще заселены во второй половине XIV в., о чем свидетельствуют находки в них золотоордынских монет этого времени [131, с. 235; 71, с. 49]. От более позднего времени сохранились только разрозненные кладки, никак не складывающиеся в целостные постройки. Однако, вкупе с единичными находками монет XV в., они говорят о том, что и в это время какая-то жизнь в Портовом районе все же была [131, с. 235].

Центральный район

К сожалению, раскопки в этой наиболее интересной части Херсонесского городища велись в спешном порядке перед строительством собора св. Владимира и зданий монастыря, которыми большая часть открытой площади и была застроена. Остальное, за редким исключением, было засыпано в ходе обустройства монастырской территории. Положение усугубляется еще и тем, что проводивший здесь раскопки К.К. Косцюшко-Валюжинич в отчетах, охарактеризовав позднюю застройку как «жалкие лачуги», ограничился описанием лишь более ранних строительных остатков. И все же по составленным исследователем планам видно, что центральная площадь в рассматриваемое время была застроена храмами (одновременно здесь функционировало 6 церквей) и жилыми кварталами, ничем не отличающимися от кварталов остальной части города. Фрагмент жилой застройки, граничащей с северной стороны с главной улицей Херсонеса, был открыт в юго-восточной части монастырской площади, к юго-востоку от современного собора (рис. 21). Два раскопанных (один частично) квартала были застроены помещениями, насколько можно судить по плану, правильной прямоугольной формы. Правда, «правильность» изображенных на плане помещений начинает вызывать сомнения после сравнения двух планов – современного

и составленного К.К. Косцюшко-Валюжиничем – одного и того же участка жилой застройки, открытого с внутренней стороны 16 и 17 куртин юго-восточного отрезка оборонительных сооружений. Если на современном плане стены пристроенных к оборонительной стене помещений, соответствуя их фактическому расположению, изображены наискось к стене, то на плане К.К. Косцюшко-Валюжинича стены тех же помещений изображены строго перпендикулярно к ней. Т.е. исследователь больше заботился о геометрической «правильности» плана, чем об истинном расположении объектов.

Кварталы отделялись друг от друга и от соседних нераскопанных кварталов прямыми поперечными улицами, шедшими под прямым углом от главной улицы вниз к бухте. Одна из улиц, шириной около 2,8 м, была вымощена каменными плитами, под которыми проходил водосточный канал [135, с. 168, рис. 536]. В одном из кварталов выявлен обычный для позднего времени небольшой храм с тремя усыпальницами.

Как и в других районах города, здесь строители также следовали античной планировке. Об этом свидетельствуют обнаруженные под помещениями XIII в. остатки двух эллинистических зданий, сложенных из больших хорошо обработанных с обеих сторон и плотно пригнанных друг к другу плит, положенных без связующего раствора: северная граница поздних кварталов совпадает с границей древних помещений, выходящих на главную улицу, а некоторые древние стены послужили фундаментом для стен ряда поздних помещений (1-6, 8, 11) [135, с. 168-169, рис. 536].

Совпадение поздневизантийской планировки с планировкой древнего города прослежено и на другом участке Центрального района, ныне полностью занятом монастырскими постройками. Здесь сохранилась улица, проложенная еще в самом начале истории Херсонеса вдоль древнейшей оборонительной стены, разобранный в конце IV – начале III вв. до н.э. [14, с. 54, 55, табл. IV].

Юго-восточный или театральный участок Центрального района города занимает, как можно видеть из его названия, территорию античного театра и прилегающее к нему пространство, заключенное между главной улицей Херсонеса с северной стороны и оборонительной стеной с южной. С запада участок ограничивает асфальтированная дорога от т.н. «черных ворот» бывшего монастыря во двор, с восточной – аллея, ведущая к главным воротам заповедника.

Участок оказался чрезвычайно трудным для понимания, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, расположением на местности с резким падением рельефа к Карантинной бухте и наличием оврага, который занимает середину участка и врезается в мергелистый склон и выступающую на него известняковую скалу. Во-вторых, интенсивной строительной деятельностью не только в древности, но и в конце XIX – начале XX вв., которая чрезвычайно осложнила исследование средневековых слоев, а на некоторых участках сделала его вообще невозможным. При выравнивании пло-

щадки под монастырское строительство в некоторых местах были удалены культурные слои средневекового времени, и сразу под дерновым слоем лежал мощный слой с фрагментами керамики IV в. до н.э. [42, л. 7]. Кроме того, с целью уменьшения крутизны склона с верхней террасы были удалены остатки всех средневековых и позднеантичных сооружений, а земля и мелкий камень смещены на нижнюю террасу и выровнены [42, л. 3].

Однако в результате систематических раскопок, проводившихся здесь экспедицией под руководством О.И. Домбровского, все же удалось реконструировать историю застройки участка, которая выглядит следующим образом. Первоначально нижняя часть оврага служила местом свалки мусора. Позже, после присоединения его к территории города, выходы скалы, дугообразно охватывающие верховья оврага, определили выбор этого места для строительства театра: для устройства площадки под оркестру и сцене нижнюю часть оврага засыпают поверх свалки до середины тальвега, а в верхней его части вырубает кругообразные террасы для установки каменных скамей театрона [42, л. 2].

После прекращения в середине IV в. функционирования театра и разборки его на камень окружавшая театрон анфилема была использована в качестве подпорной стенки, а пристроенная в первых вв. н.э. к северо-западной части театрального ограждения дополнительная площадка для зрителей низшего ранга была застроена, как и вся площадь оркестры, просцениума и театрона. В период с V по XIII вв. в результате бесконечных нивелировок и перестроек овраг был полностью сnivelирован, и на театральном участке постепенно образовались как бы две террасы, имевшие довольно ощутимый уклон в сторону Карантинной бухты: одна расположена непосредственно над анфилемой, а вторая – под ней [42, л. 3], и толщина культурного слоя здесь местами достигала 6 м [136, л. 5-6].

Сложная структура культурных напластований привела к бесконечным спорам по поводу даты строительства несомненной архитектурной доминанты участка – крестообразного храма, получившего по найденному под его престолом серебряному ковчегу с частицами мощей условное название «Храм с ковчегом».

Раскопки храма были начаты в 1897 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, который открыл только внутреннее пространство храма до уровня пола и расчистил до скалы его южное крыло, хотя в отчете об этом не упомянул. В связи с этим особое значение приобрело изучение слоев, залегающих под полом храма в нераскопанных частях храма – жертвеннике и подкупольном пространстве, а также на окружающей храм территории. В ходе работ было установлено, что в северном крыле, алтаре, помещении между алтарем и северным крылом и частично в центральной части храма и западном крыле мраморные полы лежали непосредственно на скале, а в южной половине западного крыла, южном крыле, а также в помещении между алтарем и южным крылом –

на толстом (до 3 м) слое засыпи, исследование которой позволило восстановить историю застройки участка (рис. 22). Нижняя часть засыпи состояла из слоистых позднеантичных и раннесредневековых отложений (IV-VI вв.), которые полностью перекрывали оркестру театра и образовались при разрушении театрона, что дало приблизительную дату прекращения функционирования театра – около середины IV в. В это время театр был превращен в каменоломню, а участок – в пустырь с рядом построек [137, л. 15; 61, л. 8, 9], уничтоженных, скорее всего, во время катастрофы конца X в., после которой чашеобразное углубление, образовавшееся на месте оркестры, было выровнено мощным слоем мусора и грунта, свезённым из других районов города и содержащим разновременный материал (вплоть до античного) [137, л. 14]. Время засыпи определяют фрагменты белоглиняной поливной керамики, кувшинов с плоскими ручками, монеты Романа I и др. [137, л. 14; 139, с. 37], причем здесь важно отметить, что фрагменты белоглиняной поливной керамики были найдены преимущественно в нижнем ярусе засыпи, что говорит в пользу того, что они оказались под полом храма не в результате подсыпки в ходе какого-то ремонта, а в результате единовременной засыпи участка, в которую первым попадал мусор, лежавший сверху [137, л. 14].

По мнению О.И. Домбровского и Е.А. Паршиной, засыпь была сделана не в связи со строительством храма, а в связи с оживлением строительной деятельности в городе, захватившей и театральный участок [139, с. 37]. Основанием для такого предположения послужило отсутствие в насыпном грунте как внутри, так и снаружи храма каменных отесов, которые, несомненно, должны были образоваться в больших количествах при вырубании обширных выемок под северо-западное крыло, жертвенник и алтарь храма в поднимающейся к северу скале. Это, на взгляд исследователей, свидетельствует о том, что строительный мусор был удален, как и засыпь, которая предшествовала закладке фундамента храма [137, л. 16].

Наличие перерыва между засыпью углубления оркестры и строительством храма подтверждается также двумя кладками, обнаруженными у южного угла юго-западной ветви храма и оставшимися от каких-то незначительных по размерам построек, предшествовавших ему. Нижняя кладка принадлежала водостоку, который был упразднен в связи с верхней постройкой и содержал фрагменты керамики, аналогичной керамике из нивелировочной насыпи, в толще которой пролегал. Верхняя кладка по уровню залегания находилась между засыпью оркестры театра и прослойкой, фиксирующей время возведения храма. Между водостоком и верхней кладкой также была найдена керамика, аналогичная керамике из нивелировочной засыпи, хотя и отличающаяся от нее некоторыми особенностями, по которым автор раскопок предположительно отнес ее к несколько более позднему времени [137, л. 16].

Наконец, на участке возводят храм, фундаменты которого были забутованы в траншеи, вырытые в засыпи IX-X вв. и глубже нее сквозь более ранние

отложения до материка. То, что фундаменты стен храма были забутованы в траншеи, прорытые сквозь насыпной грунт, доказывают следующие обстоятельства: во-первых, в обрезах шурфов ясно были видны очертания траншеи; во-вторых, фундаменты храма расширяются кверху, что могло получиться лишь от забутовки камня в траншею, прорытую в рыхлом сыпучем грунте и вследствие этого вверху более широкую, чем внизу; в-третьих, на кладке фундамента имеются обильные и весьма характерные натёки жидкого раствора, к которым при его затвердевании пристали кости и черепки. Все это свидетельства того, что фундаменты не клались, как стены, а именно забучивались в траншею. Ни в коем случае тут нельзя предположить, чтобы фундаменты храма могли быть сначала сложены наподобие стен в широком открытом котловане, а затем засыпаны [137, л. 15-16].

Поздней дате сооружения храма соответствует также его бутовая кладка, выполненная без соблюдения порядовки с включением разнородных деталей более ранних сооружений. Поверхность кладки неровная, пригодная только под штукатурку.

Ранней датировке храма противоречат и монеты из могил под полом внутри храма, наиболее ранние из которых, по данным К.К. Косцюшко-Валюжинича, относятся ко времени Романа I (920-944) [108, с. 100, 101], таким образом, «если принять раннюю дату памятника, то надо полагать, что в течение четырех или пяти столетий в храме не производилось погребений – случай единственный в своем роде» [137, л. 8].

На наш взгляд, предложенная О.И. Домбровским система доказательств, основанная на изучении стратиграфии участка и свидетельствующая в пользу строительства храма после X в., точнее, в конце XI – XII вв., выглядит вполне убедительно, и утверждение С.Б. Сорочана о том, что она «строилась, на основании относительно поздней поливной керамики, монет Василия I и монет с «ро» второй половины XI – XIII вв.», «найденных в засыпи, покрывавшей храм, а также в кладке и под основанием некоторых внутренних стен», не соответствует действительности [107, с. 867]. То же можно сказать и по поводу ссылки исследователя на Д.В. Айналова, который, якобы, писал о том, что «остальные части храма (имеются в виду все части храма, кроме северного помещения крещальни и северной части алтаря) лежали в траншеях на глубоких фундаментах, впущенных в нивелировочные засыпи с материалом ранневизантийского времени, перекрывавшие оркестру античного театра и соответствовавшие рельефу» [107, с. 867, ссылка 733]. На указанной С.Б. Сорочаном странице Д.В. Айналов пишет лишь о том, что «северное помещение и северная часть алтаря лежат на фундаментах, выдолбленных в материковой скале» [140, с. 73]. Нет у него упоминания о ранневизантийской нивелировочной засыпи и на других страницах, посвященных описываемому храму [140, с. 73-78], да и не могло быть, т.к. открывший храм К.К. Косцюшко-Валюжинич,

на отчет которого Д.Б. Айналов ссылается, хотя и раскопал до скалы южное крыло храма, ничего об этом не пишет.

Неубедительно звучит и аргумент С.Б. Сорочана о том, что ограда храма прошла над рыбозасолочной цистерной с засыпью первых вв. н.э., и о том, что на участке была открыта еще одна рыбозасолочная цистерна, засыпанная, по мнению автора, не ранее конца VI в. «в связи с планировкой участка под предстоящее строительство», который исследователь использует в качестве доказательства датировки храма ранневизантийским временем. Хорошо известно, что огромное число поздних стен и помещений стоит на цистернах с ранневизантийской засыпью, из чего, однако, не следует, что они были построены сразу после их засыпи. К слову сказать, странно звучит предложенное исследователем обоснование датировки засыпи второй цистерны временем не ранее конца VI в. наличием в ней «94 ножек стеклянных рюмкообразных сосудов» [107, с. 867], что само по себе, вне комплекса, в качестве аргумента использовано быть не может. Здесь стоит упомянуть и тот факт, что рыбозасолочные цистерны в ранневизантийское время засыпались не только в районе строительства христианских храмов, а по всему городу, и засыпались они не только в ранневизантийское время, но и значительно позже, в частности на театральном участке, к востоку от храма были открыты еще две цистерны и колодец, в заполнении которых найден материал, аналогичный материалу из засыпи под храмом (обломки амфор с мелким зональным рифлением, кувшинов с плоскими ручками и поливной белоглиняной посуды с глазурью оливкового цвета [141, л. 20]), т.е. они были засыпаны одновременно с общей нивелировкой участка, произведенной, по мнению О.И. Домбровского, до строительства храма.

Дата, полученная в результате изучения стратиграфии участка, в общем подтверждает датировку А.Л. Бертье-Делагарда, который по историко-архитектурным соображениям также относил данный памятник к XI-XII вв. [137, л. 18-19]. К сожалению, подробная аргументация А.Л. Бертье-Делагарда, изложенная им в частной переписке с К.К. Косцюшко-Валюжиничем [45, с. 40], в настоящее время недоступна из-за ветхости писем, но одним из аргументов, несомненно, была схожесть планов храма с ковчегом и храма на центральной площади с планом построенной в XI-XII вв. церкви св. Петра и Марка в Константинополе¹⁸.

Этим же временем датирует храм Ю.Г. Лосицкий, по замечанию которого, «все территориально близкие к Крыму аналогии, а именно: церкви в селах Бобошево и Сепарева Баня (Болгария), храм в Нине (Югославия), Сентинс-

¹⁸ Правда, в работе 1907 г. «О Херсонесе» исследователь, ориентируясь на дату рельефа на бассейне и найденного под престолом серебряного ковчега, дает другую дату строительства рассматриваемого храма – VII-VIII вв. [142, с. 68], но, как уже неоднократно отмечалось, эти находки в качестве обоснования даты строительства храма использованы быть не могут.

кий храм (Карачаево-Черкессия) и другие относятся именно к XI-XII вв. Этим же временем датируется крестообразный храм, открытый в 1981 году в Крыму на южном склоне Мангупа» [51, с. 29].

На каком-то этапе храм претерпел значительную перестройку, после которой он продолжал функционировать, хотя и в сильно урезанном виде: были заложены окна в западном крыле, сооружены бутовые стены, отделившие западную и южную ветви креста от центральной части храма, с которой они сообщались через дверные проемы; заложены двери, ведущие в помещение с бассейном из северной ветви креста и со стороны алтаря, заложена дверь, ведущая на улицу из северного крыла храма (рис. 23). После всех перечисленных перестроек центральная часть храма получила Г-образную форму, и в него теперь можно было войти либо через центральный вход, пройдя через западную ветвь креста, отделенную от собственно храма бутовой стеной с дверным проемом, либо через дверь в западной стене южной ветви креста, которая, по-видимому, теперь служила притвором храма, а затем через дверь в его северной стене – в центральную часть храма, а через дверь в восточной – в помещение справа от алтаря.

Трудно сказать, были ли совершены все эти перестройки одновременно или в разное время. На наш взгляд, дверные проемы, отделявшие помещение слева от алтаря и западную ветвь от центральной части храма, были заложены после того, когда там стали производить захоронения прямо на полу: огромное количество костей лежало в беспорядке в обоих помещениях, а в помещении слева от алтаря кости были скучены даже внутри и сверху бассейна [108, с. 104].

Исследователи, датирующие строительство храма ранневизантийским временем [143, с. 200; 107, с. 857-875; 58, с. 204], относят эту перестройку ко времени после пожара конца X в., во время которого храм, как и весь город, значительно пострадал, но был восстановлен. Однако, на наш взгляд, более вероятно, что храм был сильно поврежден во время пожара XIII в., после которого он был восстановлен для проведения в нем богослужения, т.к. какая-то жизнь в городе все же продолжалась, о чем говорят письменные источники, разрозненные поздние находки и некоторые, хотя и весьма жалкие постройки, в частности дом 1972 года (см. ниже). Такому варианту, кстати, более соответствует характер уже описанных погребений в западной ветви храма и в помещении с бассейном. Трудно представить, чтобы жители города в довольно благополучное время, которое Херсон переживал в XI-XII вв., могли позволить такие небрежные захоронения. А вот после пожара XIII в., после которого город практически прекратил свое существование, такое было возможно. Аналогичные массовые захоронения погибших во время этого пожара были зафиксированы в некоторых приходских храмах Северного района города. К примеру, одно из них было обнаружено в храме, расположенном в квартале X-A в центре усадьбы б: внутри него на полу сплошным слоем толщиной 0,7 м

лежали костяки, среди которых было много детских. На некоторых были следы горения. После погребения дверь храма просто заложили [144, л. 22, 24].

Окончательно храм, по свидетельству К.К. Косцюшко-Валюжинича, сгорел также во время очень сильного пожара, когда пострадали все части храма, хотя несколько меньше огонь повредил боковые помещения и описанную общую усыпальницу у главного входа [108, с. 104], что произошло благодаря заложенным дверям II, III и IV и поперечным стенам, отделявшим южную и западную ветви креста¹⁹. В центральной части храма «пласт, лежащий сверху пола, между последним и остатками обрушившихся стен, представлял собой волнообразные наслоения горелой извести и мелкого угля» [108, с. 100].

Территория вокруг Храма с ковчегом. После возведения Храма с ковчегом утрачивает прежнее значение небольшой одноапсидный храм, т.н. храм 1958 года, строительство которого авторы раскопок относили приблизительно к VIII в.²⁰ В пользу такой датировки, по их мнению, свидетельствуют ориентация храма на северо–северо-восток, совпадающая с планировкой ранневизантийского квартала, и нивелировочная засыпь, датирующаяся V-VII вв. [145, л. 37; 146, л. 9-10, 13]. В любом случае храм 1958 года появился ранее Храма с ковчегом, о чем свидетельствует частичное разрушение фундаментами последнего ряда могил, связанных, судя по одинаковой ориентации, с храмом 1958 года [139, с. 40].

Храм претерпел перестройку, которую авторы раскопок относят ко второй половине IX – XI вв.²¹: был сильно повышен уровень пола (засыпь, подстилавшая плиты пола и перекрытия могил внутри храма и повысившая уровень дневной поверхности снаружи, содержала фрагменты белоглиняной поливной керамики и кувшинов с плоскими ручками [145, л. 38]). Не исключено, что в какой-то момент храм в качестве семейной усыпальницы был включен в примыкавший к нему с западной стороны жилой комплекс, возведенный в X в. Одно из помещений комплекса, имевшее, по-видимому, хозяйственное назначение, имело два выхода: один на площадку перед храмом, второй – через лестницу в пять ступенек – на северо-западную сторону дома. Пол помещения, на котором были найдены обломки кувшинов с плоскими

¹⁹ При этом следует отметить, что мраморный пол храма как в центральной части, так и в южной и северной ветвях пострадал одинаково: от него остались одни обломки, а во многих местах – «лишь обгорелое бетонное основание, на котором были положены плиты», что, возможно, объясняется тем, что сразу после катастрофы начала XIII в., до того, как началось восстановление храма, более или менее сохранившиеся мраморные плиты пола просто были сняты для каких-то других восстановительных работ.

²⁰ Хотя храмы подобного типа строились в основном после X в., в Крыму известны однефные храмы, построенные в VIII-IX вв. [18, с. 292].

²¹ С мнением авторов раскопок не согласна А.И. Романчук, которая к этому времени относит не перестройку храма, а его строительство [см. 13, с. 170].

ручками, белоглиняных поливных тарелок, фигурный замок в виде собаки и пифос с остатками соленой рыбы, был перекрыт полом нового помещения, стены которого, частично совпадающие со стенами более раннего, были пристроены к храму 1958 года. Возможно, в это же время до уровня пола нового помещения был поднят порог храма [139, с. 40].

Судя по находкам в строительном завале большого количества фрагментов поливной посуды, которые авторы раскопок датировали XIII-XIV вв., функционировал храм до конца жизни города [139, с. 37, 39].

Пространство вокруг Храма с ковчегом в течение какого-то времени не застраивалось и служило более или менее широкой площадью, отделенной от жилой застройки, расположенной к северу от нее, оградой, под которую были использованы остатки частично перестроенной анфилемы античного театра. Кроме того, была открыта стена, параллельная юго-восточным стенам храма, также, по-видимому, служившая его оградой [138, л. 11; 147, л. 2]. С ограничивающей квартал с северо-восточной стороны поперечной улицы к нему можно было попасть по небольшому проулку.

В поздний период пространство вокруг Храма с ковчегом начинает застраиваться домами, ориентированными не на храм 1958 года, а на Храм с ковчегом, в результате чего ориентировка всего участка сместилась почти на 45 градусов [138, л. 10; 139, с. 39]. К востоку от апсиды открыт угол здания XIII в., большая часть которого была, по всей видимости, разрушена при раскопках К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1903 г. [141, л. 18]. В слое разрушения здания найдены фрагменты поливной красноглиняной керамики с врезным орнаментом [148, л. 25]. Скорее всего, в сильном пожаре XIII в. погибли дом 1976 года [149, л. 16-17, 19] и помещение с выложенным плиткой полом, обнаруженные к юго-востоку от храма 1958 года: керамический материал, как в слоях, соответствующих дневной поверхности времени жизни зданий, так и в слоях ниже уровня полов, датируется XII-XIV вв.

Еще одно здание (дом 1970 года) с подвалом под одним из его двух помещений было открыто к юго-востоку от входа в Храм с ковчегом. Судя по «позднесредневековой» керамике и черепице, найденной в яме, в которую были впущены фундаменты одного из его помещений, дом, возможно, был построен одновременно с Храмом с ковчегом или несколько позже, а погиб, судя по материалу из слоя пожара, в XIII в. [141, л. 22, 23, рис. 23а, б, в, 24, 25; 150, л. 22; 151; 150, л. 16-21, рис. 103-112].

В XII в. был построен и дом, открытый напротив главного входа в Храм с ковчегом (дом 1964 года). Он состоял из трех помещений и двора, в котором обнаружены остатки очага и небольшой пифос [61, л. 10; 60]. В доме выявлено два пола, указывающие на два периода его жизни. Находки (под нижним полом найдены два энколпиона и куски фигурной медной цепи от паникадила, над верхним в завале – бронзовая кацея с изображением Христа [61, л. 10])

указывают на то, что в нем мог жить священник, служивший в Храме с ковчегом. Южной своей стороной дом выходит на площадь перед небольшим одноапсидным храмом (храм 1970 года), фундамент которого был впущен в слой, датируемый авторами раскопок XII в. [141, л. 24; 90, л. 27, 86; 152, л. 51].

Кроме того, в ходе исследований были выявлены и некоторые другие разрозненные кладки, которые можно датировать XII-XIII вв.: восточнее алтаря [138, л. 11; 153, л. 13], к юго-востоку и югу от Храма с ковчегом [90, л. 25-26; 136, л. 52], у восточной стены храма 1958 года [154, л. 4] и т.д.

Территория за пределами ограды храма (к северо-западу, северу, северо-востоку, востоку и юго-востоку от него), северо-западной своей стороной выходящая на главную улицу Херсонеса, была раскопана К.К. Косцюшко-Валюжиничем [14, с. 44]. Судя по плану (рис. 4) и описанию участка, усадьбы, прилегающие к главной улице, были построены с учетом ее направления, а фундаментами некоторых помещений служили стены «римско-византийской эпохи». Квартал, расположенный далее к югу от Храма с ковчегом и также относимый раскопавшим их К.К. Косцюшко-Валюжиничем к поздневизантийской эпохе, был построен под углом к нему и к поздним постройкам, открытым на прилегающей к храму территории [14, табл. II]. Возможно, частично такую разную ориентацию усадеб можно объяснить террасированием этой части городища и расположением одновременных жилых построек на разных уровнях [155, с. 392].

Не исключено, что застройка театрального участка, наряду с кварталами Портового района, была частично восстановлена после разгрома Херсонеса в XIII в. Об этом свидетельствует засыпь цистерны 2, открытой в северо-восточном секторе участка К.К. Косцюшко-Валюжиничем. В ходе исследования цистерны в 1996 году И.А. Барановым в ее заполнении были выявлены обломки амфор XII-XIII вв., в том числе с дуговидными ручками, и красноглиняной поливной посуды с орнаментом граффити, равномерно представленные по всей толще ее заполнения. Одновременно с засыпкой цистерны в нее были впущены кладки поздневизантийских построек [156, л. 4-5].

Подтверждением тому, что какое-то строительство здесь велось и в XIII в., служит материал из открытой на участке к востоку от апсиды Храма с ковчегом небольшой цистерны, содержавшей фрагменты амфор с дуговидными ручками, а также набор разновесов, состоящий из пяти плоских входящих одна в другую чашечек и чашечки маленьких рычажных весов [141, л. 20].

На этом же участке открыты остатки сооружений, которые, судя по стратиграфии, можно отнести к последнему периоду существования города. Здесь были выявлены две кладки, залегавшие на разной глубине. Нижняя, погруженная в слой с поливной керамикой XII-XIII вв. и подошвой фундамента касавшаяся насыпного слоя IX-X вв., была перекрыта мощным слоем с обломками поливной керамики XIII-XIV вв. (датировка авторов раско-

пок), на котором, в свою очередь, покоилась подошва самой поздней кладки на данном участке, от которой сохранился лишь небольшой обрывок [61, л. 11].

Еще одна постройка, по всей видимости, относящаяся к последнему периоду жизни Херсонеса, была открыта к юго-востоку от восточной стены храма 1958 года на расстоянии 2,5 м от его южного угла. Керамический материал, как в слоях, соответствующих дневной поверхности времени жизни здания, так и в слоях ниже его пола и даже фундамента, датируется XII-XIV вв. [154, л. 1-2]. К северо-востоку от храма 1958 года была выявлена кладка несохранившегося дома, относящегося, по мнению авторов раскопок, ко времени более позднему, чем перекрытый ею дом 1975-1976 годов [149, л. 4].

Следы застройки, которую авторы раскопок отнесли ко времени после катастрофы XIII в., выявлены и на участке, непосредственно прилежавшем к оборонительной стене [63, л. 38-40]. В позднейший период здесь вплотную к оборонительной стене в нарушение требований, предъявляемых к обороне города, построили небольшой дом (т.н. «дом 1972 года») [136, л. 4], состоявший из одного помещения, одной из стен которого служила оборонительная стена [63, л. 38].

В заключение следует отметить, что в театральном районе раскопки на протяжении многих лет велись не широкими площадями, а небольшими расположенными в разных местах участками, к которым в разные годы делались небольшие прирезки. Ранее раскопанные объекты периодически доследовались, помещения одного и того же здания раскапывались в разные годы, иногда даже с перерывом в несколько лет и т.д. В результате информация даже об одной постройке часто разбросана по разным отчетам, причем одни и те же помещения и кладки иногда идут с разными обозначениями. Все это привело к тому, что понять стратиграфию описываемого района чрезвычайно трудно. Кроме того, приведенные датировки керамики и, соответственно, открытых построек требуют уточнения на основе последних разработок, что должно стать объектом специального исследования.

Северо-восточный район

Северо-восточный район составляют кварталы, расположенные к северо-востоку от центральной площади города по обе стороны его главной улицы, включая два квартала (кварталы IV и V), занятые комплексом кафедрального собора, т.н. Уваровской базилики. Исследование района было начато в 80-х годах XIX в. Одесским обществом истории и древностей, раскопавшим несколько помещений. Однако большая его часть была раскопана в 1908-1913 гг. Р.Х. Лепером, который открыл 9 кварталов, расположенных на северной стороне главной улицы. К сожалению, кроме дневников, планов и описей находок какой-либо подробной документации о проведенных раскопках исследователь не оставил. Кроме того, возвращаясь к раскопкам отдельных помещений, Р.Х. Лепер каждый раз менял их нумерацию, а открытые им постройки, сложенные из бута и грязи, к настоящему времени сильно разрушились

и далеко не всегда дают возможность восстановить первоначальный план помещений. Тщательную работу по восстановлению планировки кварталов I-III и интерпретации выявленных там поздних строительных остатков выполнил А.Л. Якобсон [39, с. 48-100], исследование которого мы использовали при описании района. В 1956 г. И.А. Антоновой был раскопан участок застройки к югу от главной улицы между III и IV поперечными улицами [85]. Наконец, в конце XX – начале XXI вв. начались раскопки кварталов, расположенных в районе Восточной базилики. Такова вкратце история изучения Северо-восточного района Херсонеса.

Логично предположить, что описываемый район, занимавший выгодное положение рядом с комплексом кафедрального собора, центральной площадью и портом, начал отстраиваться после катастрофы конца X в. одним из первых. Однако дату строительства усадеб удалось определить только в нескольких случаях. Отчасти это связано с тем, что горожане, выравнивая поверхность перед возведением новых построек, почти всегда снимали до скалы строительные остатки и слои предшествующих периодов, не оставляя ничего, что могло бы помочь в датировке нового строительства. Кроме того, ситуация осложняется еще и тем, что большая часть района была раскопана без должной фиксации материала, и описание слоя, подстилающего полы поздних помещений, встречается крайне редко.

Усадьбы, время строительства которых удалось установить, были построены в разное время. Скорее всего, сразу после пожара конца X в. был отстроен участок к югу от главной улицы между III и IV поперечными улицами. В ходе строительства были использованы стены, сложенные вперевязь из крупных хорошо обработанных блоков размером 55x65x85 см и сохранившиеся, по всей видимости, от какой-то более ранней постройки. К ним впритык были пристроены стены, сложенные уже в обычной для позднего города технике из мелкого бутового камня без подтески со скрепляющими кладку деревянными балками [85, л. 12-13]. Возможно, вскоре после пожара конца X в. был построен комплекс VI в квартале I, состоявший из помещений 9а-12а (рис. 24). Одно из помещений комплекса (10а) было построено на развалинах более раннего, разрушенного в конце X в.: юго-восточная стена «стоит на завале из черепиц, отчасти камня», а «в юго-восточной части в мягкой земле обнаружены обломки черепицы и простых сосудов, поливные доньшки с рельефным узором, внизу остатки стены». Если исходить из того, что в ходе восстановления города были разобраны на строительный материал все кладки разрушенных в конце X в. построек, то можно предположить, что усадьба, построенная на руинах более раннего здания, возникла вскоре после катастрофы, хотя, конечно, бесспорным доказательством это служить не может.

Возможно, сразу после катастрофы конца X в. появляется и комплекс 2 в квартале III (рис. 25). Северо-западная стена помещения 15 усадьбы,

сложенная правильными рядами из довольно правильных блоков камня на цемянке, относится к более раннему времени и в ходе строительства поздневизантийского комплекса была дополнена до нужной высоты обычной для поздневизантийского времени бутовой кладкой на грязи [39, с. 69].

То же можно сказать и о времени появления квартала ХСVII, непосредственно под подошвой которого были открыты строительные остатки и напластования культурного слоя, который авторами раскопок был широко датирован второй половиной/концом IX – началом/первой половиной XI вв. В слое выявлены фрагменты кувшинов с плоскими ручками, а в помещении 7 – клад из 548 монет, основная масса которых относится к IX-X вв. [76, с. 280, 283-284]. Правда, по мнению авторов раскопок, впрочем, никак не аргументированному, планировка квартала полностью изменилась в начале XII в.²², когда квартал приобрел тот вид, который сохранял до пожара XIII в. [76, с. 285].

Разные даты строительства усадеб на участках, прилегающих к главной улице, свидетельствуют о том, что восстановление города даже в его центральной части происходило крайне неравномерно. В первую очередь застраивали наиболее удобные или важные по каким-то причинам участки, и на ранних этапах район, скорее всего, представлял собой пустырь с развалинами домов, разрушенных в конце X в. и активно разбиравшихся на строительный материал. Сначала на пустыре появлялись отдельно стоящие усадьбы, пространство между которыми постепенно заполнялось по мере застройки района. Ярким примером «встройки» новой усадьбы между уже существующими является комплекс VI (помещения 30, 31, 32, 36 и еще три помещения без номеров) в квартале III (рис. 25), который занял узкую полосу между двумя усадьбами, что определило его вытянутую вглубь квартала форму и неправильную форму двора, сужающегося к юго-восточному краю и переходящего в узкий коридор-закоулок [39, с. 76]. Еще один интересный пример постепенной застройки выявлен в квартале II (рис. 26), где сначала оставленный незастроенным сквозной проход между II и III поперечными улицами позже был частично застроен и превращен в жилой дом, для чего его северо-восточную часть разделили на три части стенами, сложенными из бутового камня насухо, впритык к основным стенам [39, с. 61].

Постепенно застраивался, судя по всему, и квартал I (рис. 24), где сначала, по мнению А.Л. Яковсона, была построена усадьба, состоящая из помещений 12-15, 27 (комплекс III), к которой несколько позже была пристроена усадьба, состоящая из помещений 6-10 (комплекс II), о чем свидетельствует притык стен последнего к стенам комплекса III [39, с. 50-51]. Однако, на наш взгляд, более логично предположить, что раньше построили комплекс II,

²² В более ранней работе авторы раскопок датировали строительство дома более поздним временем – концом XII – началом XIII вв. [157, с. 182].

оставляя небольшую площадь перед храмом свободной. Но дальше предположений из-за отсутствия каких-либо археологических данных мы в данном случае идти не можем. Не подлежит сомнению только тот факт, что усадьбы были построены в разное время.

Аналогичный характер застройки после катастрофы конца X в. наблюдается по всему городу, что свидетельствует об отсутствии какого-то генерального градостроительного плана. Город застраивался постепенно: сначала усадьбы возводились там, где было удобнее и выгоднее, а позже там, где было место. Однако следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на отсутствие единого плана застройки, усадьбы строились, хотя и в разное время, но строго в рамках кварталов предшествующих периодов.

Как уже упоминалось, несмотря на весьма привлекательное и выгодное расположение района, он ничем качественно не отличался от остальных районов города. Единственное возможное отличие – это большее количество двухэтажных помещений. А.Л. Якобсон наличие вторых этажей определяет по наличию уступов на стенах, служивших опорой деревянного перекрытия, являвшегося полом верхнего помещения, и по отсутствию дверных проемов в стенах помещений, в которые, таким образом, можно было попасть только по лестнице с верхнего этажа. Так, в квартале I (рис. 24) вторые этажи, по мнению А.Л. Якобсона, имели три (помещения 6, 8, 7) из четырех крытых помещений комплекса II; все три помещения, входящие в состав усадьбы IV; одно (помещение 7) из шести помещений усадьбы V (об остальных помещениях, раскопанных ООИД, сказать что-либо определенное нельзя за недостатком сведений); три (помещения N, M, L) из 5 крытых помещений комплекса VII [39, с. 49-55]. В квартале II (рис. 26) наличие вторых этажей предполагается в помещениях R-S и V, примыкающих к III поперечной улице; в помещениях E и F, входящих в состав небольшого комплекса H-G-F-E; в помещениях 20 и 22 комплекса 19-20-21-22-35; в помещениях 25, 44 и 49 комплекса 32-23-24-25-44-49 [39, с. 56-65]. В квартале III (рис. 25) вторые этажи, по-видимому, имели два из пяти помещений усадьбы 1; два из пяти крытых помещений усадьбы II; два из семи помещений усадьбы V; одно из двух крытых помещений усадьбы VI [39, с. 65-89]. Однако следует заметить, что в большинстве случаев нижние этажи не были полноценными. Скорее, там располагались помещения с очень низкими потолками, как бы подклети, служившие кладовками, в которых хранился различный инвентарь и запасы продуктов.

Особенностью Северо-восточного района было наличие довольно большой площади, которой заканчивалась главная улица города. В рассматриваемое время здесь в дополнение к Восточной базилике и крестообразному храму при ней строят еще четыре небольших храма: один пристраивается к южной стене базилики, второй – между ее апсидой и крестообразным мавзолеем, третий – к югу от базилики и последний – на противоположной стороне площади [13, с. 163].

Помимо обычных, ничем не выделяющихся жилых усадеб, в районе открыто несколько интересных комплексов. В квартале I – это комплекс IV, в состав которого входили три больших помещения, в том числе совмещавшее в себе функции ремесленной мастерской и лавки (помещение 4а) (рис. 24) [39, с. 51]. На главную улицу оно открывалось широким входом, ограниченным двумя короткими, уходящими вглубь помещения стенами, образующими две боковые каморки. Напротив входа у стены имелись большая сводчатая печь и обложенная камнем хозяйственная яма, здесь же были найдены остатки двух пифосов, каменная ступа и корыто [12, с. 24; 39, с. 52, 55-56]. Каких-либо признаков связи помещения с остальными частями усадьбы выявлено не было, хотя, возможно, здание было двухэтажным, и этажи сообщались посредством деревянных лестниц. Инвентарь двух других помещений комплекса включал обычные для поздних усадеб Херсона вещи: пифосы, каменную ступку, жернов, фрагменты поливной посуды [39, с. 51].

Еще один необычный комплекс был открыт в северо-западной части квартала II. В его состав входили небольшой приходской храм и три примыкающие к нему помещения (помещения А, В и С), представляющие собой почти сплошную усыпальницу (рис. 26). Судя по наличию большого количества черепицы, все помещения были перекрыты кровлей, а помещение А имело арку из тесаных камней «с узорами» [12, с. 64]. К усыпальнице вела небольшая крытая галерея (D-Q) (также с погребениями), стены которой, судя по находке «кусочков штукатурки разной краски (красной, зеленой, желтой)», были расписаны фресками [39, с. 56, 58]. По монетам, большая часть которых относится к X в., А.Л. Якобсон датирует строительство часовни временем, непосредственно предшествующим пожару конца X в. Возможно, уже в то время часовня была окружена рядом погребений, а усыпальницы А, В и С появляются уже в ходе восстановления комплекса.

К числу наиболее интересных в районе относится квартал III с общественной баней на внутриквартальной площади, двумя обжигательными печами и часовней (рис. 25). В восточном углу квартала располагалось изолированное помещение XV с непосредственным выходом на III поперечную улицу. Помещение никак не было связано с соседним комплексом часовни и примыкающей к нему усадьбой V, к стенам которой впритык оно было пристроено. В северо-западной части выявлена яма с монетами V и X вв., а среди находок, помимо обломков черепицы, преобладали фрагменты красноглиняной поливной посуды. Хотя каких-либо других сведений о помещении в дневнике нет [39, с. 74], можно предположить, что это было помещение для сдачи внаем, например, под лавку. Подобная практика была широко распространена на территории Византии [75, р. 22]. Торговый характер, по мнению К.Э. Гриневича, имели и 6 помещений квартала, выходящих на одну из самых оживленных артерий города – V поперечную улицу, которая вела к комплексу кафедрального

собора [12, с. 77]. Центральную часть «комплекса с часовней», по определению А.Л. Якобсона [39, с. 74], занимает высеченное в скале позднеантичное или ранневизантийское сооружение, подробному анализу которого посвящено множество работ. В интересующий нас период на его месте построили небольшой одноапсидный храм, который служил приходской церковью для жителей III квартала. Храм вместе с двумя помещениями, расположенными к югу и северо-западу от него [39, с. 74], возможно, составлял монастырь-меморий (рис. 7) [58, с. 207-209], который с юго-западной стороны был ограничен проулком, ведущим с главной улицы к бане.

Интересный фрагмент застройки был открыт в 1956 году в северо-восточном углу квартала, расположенного к югу от главной улицы между III и IV поперечными улицами. Она включала две усадьбы, все помещения которых были двухэтажными, о чем свидетельствуют хорошо сохранившиеся каменные лестницы, а широкие дверные проемы (1,40, 1,55 и 1,75 м) нескольких помещений, выходявшие на главную и III поперечную улицы, говорят об их торговом назначении [85, л. 3-5].

Судя по идентичности находок из слоя пожара, открытого в Северо-восточном районе города, с находками из слоя пожара Северного и Северного прибрежного районов, кварталы, расположенные вдоль главной улицы Херсонеса, погибли вместе с остальной частью города в XIII в. Однако не исключено, что продолжал функционировать храм в квартале I. В пользу такого предположения говорят устройство возле его юго-западной стены гробницы, которая перегородила юго-западный вход, заложенный в связи с этим, и находка в гробнице золотоордынской монеты [12, с. 30; 39, с. 48].

Северный район

Значительно больший объем информации мы имеем о Северном районе, расположенном к западу от комплекса кафедрального собора и граничащем с юго-восточной стороны с центральной площадью. Некоторые участки района были открыты еще К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Однако большая его часть раскопана в 80-90-е гг. XX в. экспедицией Херсонесского заповедника под руководством С.Г. Рыжова, продолжающего исследование района и в настоящее время. К сожалению, южная часть кварталов, расположенных на южной стороне 2 продольной улицы, оказалась под монастырскими постройками XIX в. и недоступна для изучения.

Район расположен на территории с понижающимся к западу рельефом. Причем по VIII поперечной улице проходит как бы водораздел между его западной и восточной частями: если к востоку от нее понижение едва заметно, то к западу рельеф падает довольно резко. Это послужило причиной террасной застройки участка, что видно по уровню смежных дворов усадеб в квартале X-A: двор усадьбы 1 на 0,9-1,0 м выше подошвы двора усадьбы 2 [144, л. 2].

Как и в других районах города, здесь в основном сохранилась градостро-

ительная сетка кварталов, заложенная еще в IV в. до н.э., хотя следует отметить, что направление II продольной улицы слегка изменилось. Поздневизантийские дома, ограничивающие улицу с севера и юга, частично стоят на скале, а частично – на остатках стен более раннего времени, по-видимому, IV-III вв. до н.э. Причем фундаменты ранних домов на южном конце улицы выступают наружу, а через 7 м уходят под средневековые стены [83, л. 18]. Восточная стена помещения 1, расположенного в квартале VIII на пересечении VI поперечной и II продольной улиц, стоит на остатках эллинистических стен, от которых сохранились бутовый фундамент на глиняном растворе и один ряд рустованных блоков, уложенных плашмя. Северная стена не совпадает с направлением античных стен и стоит под углом к ним, поэтому здесь, на протяжении 9,3 м по II продольной улице, виден фундамент эллинистического дома [97, л. 8]. Но в основном средневековые дома не выходили за границы кварталов, установившихся здесь на раннем этапе строительства [110, л. 43-44]. Исключение составляет только квартал X-A, образовавшийся в результате слияния двух античных кварталов путем застройки поперечной улицы (рис. 27). На ее месте появляется усадьба 3, которая в силу своего расположения приобрела весьма необычную планировку: все ее помещения, включая двор, находятся на одной осевой линии, идущей от II продольной улицы вглубь квартала [24, с. 304]. Что же касается остальных кварталов, то в них, как правило, было по 4-6 жилых усадеб, составлявших единый блок [24, с. 290].

Материала, позволяющего определить время застройки района, сохранилось чрезвычайно мало. Исключение составляет, пожалуй, только квартал VIII, примыкающий с восточной стороны к комплексу кафедрального собора, а с южной – к центральной площади города (рис. 28). В квартале были открыты три печи для обжига черепицы, построенные, по-видимому, после пожара конца X в. и перекрытые внутриквартальным двором и помещением 1 поздневизантийской усадьбы. Печи должны были удовлетворить огромную потребность в кровельной черепице, возникшую в ходе восстановительных работ, которые развернулись в центре города и вызвали необходимость возведения печей в непосредственной близости от стройки²³. Печи входили в состав комплекса, от которого сохранились подвал, засыпанный при строительстве позднейшей усадьбы, водосток и колодец [97, л. 10]. Судя по материалу из засыпи одной из печей, мастерская прекратила работу в конце XII – начале XIII вв. [24, с. 294]. Следовательно, квартал начал застраиваться не ранее этого времени.

²³ О том, что значительная часть района некоторое время после катастрофы конца X в. служила своего рода строительной площадкой, на которой, кроме изготовления кровельной черепицы, отесывали камень и, возможно, производили еще какие-то подготовительные строительные работы, свидетельствует слой отеса толщиной около 2 см, обнаруженный под вымосткой двора усадьбы 1 в квартале X-A [144, л. 10-11].

На остальной территории квартала строительные остатки предшествующего периода были практически полностью разобраны, и большая его часть стояла на слое и остатках разрозненных стен IV-III вв. до н.э. Однако некоторые, хотя и незначительные, следы наличия здесь более ранней жилой застройки все же выявлены. Так, под фундаментом стены, разделявшей помещения 9 и 9а, выявлена яма с большим количеством костей домашних животных и фрагментов белоглиняной керамики IX-X вв. с подглазурной росписью красной и черной красками. Фрагменты ранневизантийского слоя и слоя X и XI вв. были открыты и на некоторых других участках [97, л. 5-6].

Остальные кварталы стояли на аморфной нивелировочной засыпи, состоящей из земли, мелких фрагментов посуды, костей, раковин и мелких камней при почти полном отсутствии в ней крупных фрагментов керамики, что затрудняет определение даты застройки территории. Самый поздний среди выявленных редких крупных фрагментов принадлежал поливной белоглиняной миске с росписью брызгами XI-XII вв., а самая поздняя монета из засыпи относится к чекану конца XI – начала XII вв. [81, с. 183, рис. 17,1-2].

Расположение района рядом с кафедральным собором и центральной площадью города определило наличие в нем значительного количества усадеб, заслуживающих особого внимания. Одна из таких усадеб располагалась в западной части квартала X (рис. 29). В ее состав входили два двора, в том числе с колодцем и печью для выпечки хлеба, небольшой храм, 8 помещений и грушевидная цистерна. Большинство костяков, открытых в могилах, устроенных под полом храма, принадлежало людям пожилого возраста. Кроме того, среди них выявлены костяки со следами различных увечий и врожденных деформаций (сильные искривления позвоночника, недоразвитые суставы конечностей, неправильно сросшиеся кости скелета, горбы и т.д.). Все это позволяет видеть в открытой усадьбе богадельню, предназначенную для калек, увечных и одиноких пожилых людей. Обитатели богадельни сами выпекали хлеб – найдено 9 жерновов; во дворе, занимавшем центральную часть комплекса, открыты колодец и печь для выпечки хлеба, а в одном из помещений – грушевидная цистерна для хранения зерна глубиной до 5 м. Часть хлеба, возможно, продавалась в лавке, выходящей на II продольную улицу [24, с. 296]. Подобные учреждения, хорошо известные по письменным источникам и, несомненно, имевшиеся в каждом византийском городе, до сих пор нигде археологически выявлены не были [56, с. 71; 1, р. 647]. Тем больший интерес представляет комплекс, открытый в квартале X. При этом важно отметить, что располагался он недалеко от кафедрального собора Херсонеса – Уваровской базилики²⁴.

²⁴ Близость кафедрального собора послужила Т.Ю. Яшаевой одним из аргументов в пользу предположения о наличии в соседнем квартале VIII общины благоверных жен, «одним из послушаний которых, вероятно, было приготовление просфор для близлежащих храмов и го-

Еще одна необычная усадьба была открыта в соседнем квартале X-A [100, с. 168-180] (рис. 27). Это самая большая (примерно 500 м²) из средневековых усадеб, исследованных к настоящему времени в Херсонесе. 8 помещений комплекса, отличающиеся от помещений, составляющих соседние усадьбы, большими размерами и сообщающиеся друг с другом широкими дверными проемами, размещены вокруг двора, площадь которого достигает 144 м², что в два-три раза больше площади обычных херсонесских дворов. Во дворе, вымощенном плоскими известняковыми плитами разных размеров и форм, имелась крытая галерея шириной 1,7 м с печью для приготовления пищи. В его западном углу найдены остатки туалета и «мусоропровод», представлявший собой «трубу», сделанную из каменного блока высотой 1,1 м и соединенную с каналом, идущим из туалета к уличному магистральному водостоку.

В двух помещениях усадьбы имелись подвалы, причем площадь одного из них достигает 36 м². Над ним, судя по находкам, располагалась торговая лавка, а соседнее помещение и помещения вдоль восточной стороны двора служили кладовками. Наличие лавки в усадьбе подтверждается находками: в подвале стояли 3 пифоса, около 25 амфор и большое количество разнообразной посуды. Кроме того, был найден безмен, чашечки для весов и два бронзовых набора разновесов.

Размеры усадьбы, обширный двор, наличие большого количества складских помещений, по мнению автора раскопок, дают основание полагать, что усадьба выполняла не только торговые функции, но и являлась своего рода постоянным двором для приезжавших в Херсонес торговцев²⁵. Для их размещения имелись склады, жилые комнаты, располагавшиеся на втором этаже, навес

родских монастырей» [58, с. 209-210]. Основанием для такого предположения послужили находки в помещениях 6 и 7а каменной ступы, двух жерновов и небольшого обломка керамического штампа. Однако, ступы и жернова присутствуют практически в каждой усадьбе города [158, табл.], а упомянутый штамп относится, скорее всего, к ранневизантийскому времени (устная консультация В.Н. Залесской). Естественно, что перечисленные находки не могут быть использованы для обоснования предположения о проживании в усадьбе общины «полумонашеского типа», т.к. ее инвентарь ничем не отличается от инвентаря других усадеб города.

²⁵ Недавно предложенная Т.Ю. Яшаевой интерпретация описываемого комплекса как странноприимного дома не выдерживает критики: во-первых, четко выраженный запрет на строительство постоянных дворов на городских улицах и площадях содержится только в трактате Юлиана Аскалонита VI в., правила которого были действительно в Палестине в течение VI в., а в период с IX по XV вв. были абсолютным анахронизмом [21, р. 98]. В упомянутой же исследовательницей Книге Эпарха X в. подобного запрета нет [159, с. 295-296, 387-389]. Приведенная в качестве второго аргумента находка «в одном из погребений расположенной рядом часовни перламутрового крестика-тельника – паломнической евлогии со Святой Земли», на наш взгляд, во-первых, сама по себе не может служить аргументом в пользу такого предположения, а, во-вторых, никоим образом не может перевесить комплекс найденных в усадьбе вещей, характеризующий дом как один из наиболее богатых из до сих пор открытых в городе, что никак не согласуется со статусом дома для паломников.

для животных и другие условия, необходимые в подобных заведениях [24, с. 300]. Хозяин описываемой усадьбы, несомненно, принадлежал к числу довольно состоятельных людей, а сама усадьба принадлежит к числу наиболее богатых из открытых до сих пор. Об этом свидетельствует довольно необычный и разнообразный набор найденных в усадьбе вещей: большое количество довольно редких в это время стеклянных сосудов, бронзовая ступа, украшенная гравированным орнаментом, бронзовый светильник и трипод многосоставного светильника с арабской надписью, 4 больших парадных блюда группы Зевксиппа и многое другое [24, с. 299-300]. Найденные в усадьбе бронзовые застёжки и накладки в виде сердечек и 14-лепестковой розетки украшали либо шкатулку, либо крышку книжного переплета, хотя второе менее вероятно, т.к. книга в средне- и поздневизантийское время все еще оставалась элементом «высокой» культуры и стоила очень дорого²⁶.

С западной стороны «постоялого двора» располагалась усадьба (усадьба 2), примечательная аркой, которая оформляла въезд во двор. Арка была как бы «утоплена» вглубь усадьбы, что давало возможность разместить перед ней небольшое крытое помещение, возможно, предназначавшееся для стоянки небольшой повозки. Перед входом в усадьбу была небольшая площадь, на которой повозка могла сделать разворот, прежде чем въехать в небольшой квадратный в плане двор, выложенный плоскими плитами. В усадьбе имелся хлев для скота (помещение 4), перед которым стояли каменное корыто-поилка и кормушка [24, с. 304]. Что же касается выявленных в усадьбе вещей, то они ничем не отличались от инвентаря большинства херсонесских комплексов, чего нельзя сказать о наборе находок из соседней усадьбы 3, расположенной в центральной части квартала. В его состав входили крест-энколпион, выносной крест, две иконки и уникальный бронзовый диптих, в который вкладывали тонкие пергаментные вставки, служившие помянником [24, с. 304, 309-310; 162, с. 165].

Помимо уже описанной лавки, входившей в состав «постоялого двора», в районе было еще несколько помещений, которые предположительно можно интерпретировать как торговые. Так, в квартале IX торговые функции, по-видимому, выполняло помещение с широким дверным проемом, выходящим на II продольную улицу. На полу помещения найдены фрагменты 11 пифосов и 30

²⁶ К примеру, в X в. цена книги в среднем была 21-26 золотых номисм, тогда как корова, боевой конь и мул стоили 3, 12 и 15 золотых номисм соответственно [161, р. 591]. Из надписи 1057 г. известно, что патрикий Поф уплатил переписчику колоссальную сумму в 150 номисм, за которую можно было купить пшеницы на полтора года для семьи из 5-6 человек [57, с. 93]. Поэтому обладателями книг, главным образом библейских, агиографических и богослужебных, были преимущественно церкви и монастыри. Частные библиотеки встречались гораздо реже: известны библиотеки Евстатия Бойласа (78 книг, 1059 год), Михаила Атталиата (54 книги, 1079 год), Феодора Скараноса (14 книг, 1247 год) [161, р. 591].

бронзовых монет восточного происхождения [163, с. 350]. Торговым целям, возможно, служили 4 помещения квартала IX-Б, расположенные вдоль IX поперечной улицы (три – с выходом на IX поперечную улицу и одно – на II продольную). В самом большом из них – помещении 8 (26 м²) – при раскопках были найдены 4 пифоса и амфоры [40, л. 18]. Не исключено также, что лавкой служило помещение, открытое в северной части этого же квартала в 1889 г. Помещение имело выход непосредственно на улицу и, судя по большому количеству найденных в нем различных металлических изделий (железный церковный ставник, 5 обломков якорей, 3 сошника, 147 больших медных рыболовных крючков, множество поломанных железных предметов и 12 серебряных монетных слитков) [164, с. 14], в нем продавалась различная металлическая утварь. Возможно, лавка располагалась при металлообрабатывающей мастерской.

Еще одна лавка, по-видимому, размещалась в изолированном от соседних усадеб помещении 5 в X квартале (рис. 29), отличающимся значительными размерами и имевшим единственный выход – на VII поперечную улицу [81, с. 183]. Как уже отмечалось, помещения подобного рода, известные по раскопкам в других городах византийского мира, были предназначены для сдачи внаем, что широко практиковалось в византийских городах [75, р. 22; 165, с. 637].

Усадьбы, открытые в Северном районе города, погибли от пожара, следы которого прослеживаются по всей его территории. При этом раскопками установлено, что пожар начался с восточного конца, у Уваровской базилики, а затем распространялся все дальше и дальше на запад. На это указывает тот факт, что в усадьбах восточной части района почти все вещи остались внутри помещений, тогда как из усадеб, расположенных западнее, жители успели вынести хотя бы наиболее ценное [24, с. 310]. До квартала X-Б пожар уже не дошел: следов горения там не обнаружено [166, с. 237].

Не всем жителям района удалось спастись: в некоторых помещениях найдены скелеты людей, погибших во время пожара. Тех, которых удалось достать из-под завалов, хоронили внутри (перекрытия самых поздних могил внутри храмов, в которых были обнаружены обгоревшие скелеты людей, лежат на 25-40 см выше пола, не опираясь на заплечики могил) или под стенами близлежащих храмов, устраивая могилы в слое разрушения [24, с. 310]. Массовое захоронение погибших было обнаружено в храме, расположенном в квартале X-А в центре усадьбы 6. Внутри него на полу сплошным слоем лежали костяки. На некоторых были следы горения. После погребения дверь храма просто заложили [144, л. 22, 24].

Таким образом, относительно небольшой Северный район, точнее, его раскопанная часть, являет собой довольно яркую картину, несколько отличающую его от других районов города. Несколько лавок, постоянный двор, уют, баня, близость к центральной площади и комплексу кафедрального собора – все это позволяет говорить о нем, как о районе довольно зажиточном и престижном,

центре оживленной коммерции и общественной деятельности. В жизни Херсона обитателям района принадлежала, надо думать, далеко не последняя роль.

Северный прибрежный район

Оказавшись после катастрофы конца X в. на окраине города, Северный прибрежный район долгое время служил источником готового строительного материала: камень из кладки погибших в пожаре домов активно разбирался и использовался при строительстве новых кварталов. Результатом выборки камня явились заполненные мусором IX-X вв. глубокие и широкие ямы, иногда доходившие до эллинистического слоя и скалы [102, с. 277]. Помимо добычи камня, территория района использовалась для свалки мусора, который свозили из восстанавливаемых районов и сваливали здесь на большом пространстве. Слой засыпи, содержащий в основном кухонные отбросы (ракушки, кости), мелкие фрагменты керамики, мелкие камни, землю и строительный мусор (куски цемента, извести, штукатурки и т.п.), иногда достигает толщины 2 м. Перед строительством поверхность свалки была выровнена, а на образовавшейся нивелировочной засыпи появились новые кварталы.

Застраивался район не одновременно, а постепенно рос в направлении с востока на запад. Восточная его часть, приблизительно до X поперечной улицы, была, по-видимому, отстроена вскоре после разгрома конца X в., о чем свидетельствуют не только значительно более тонкая нивелировочная засыпь под ним, но и выявленные признаки наличия там застройки XI-XII вв. Так, в XIII в. в квартале XVIII появляется проулок, до этого полностью застроенный жилыми усадьбами. На это косвенно указывают ямы, обнаруженные ниже «пола» проулка и заполненные материалом IX-X и XI-XII вв. Одна из ям глубиной 1,2 м с двукратным заполнением (внизу залегал материал IX-X вв., а выше – XI-XII вв., представленный фрагментами амфор с дуговидными ручками, плоскодонных амфор и обломками кирпичей от гончарной печи, расположенной в квартале XVII) начиналась не непосредственно от подошвы проулка, а несколько ниже и перекрывалась слоем плотной утрамбованной земли [93, с. 225-226]. В одном из поздних помещений выявлена яма, уходящая под стену и, следовательно, также предшествующая постройке усадьбы. Среди заполнявшего яму материала найдены обломки красноглиняной поливной посуды с рисунком врезной линией [93, с. 226]. Еще одна яма с аналогичным материалом открыта в южном углу того же помещения под очагом [93, с. 227].

Косвенным доказательством наличия на участке каких-то построек, существовавших в период между разрушением конца X в. и XIII в., является также совпадение планов поздних домов с остатками зданий IX-X вв., которые были видны еще во время застройки участка в XI-XII вв. и использованы в качестве фундамента сначала сооружений XI-XII вв., а потом и более поздних стен.

Застраивались кварталы на рассматриваемом участке Северного прибрежного района не одновременно и без единого плана. Яркий пример по-

степенной застройки пустующих территорий являет квартал, расположенный на месте эллинистических кварталов XIII-XVIII (рис. 30). По мнению А.И. Романчук, сначала были построены помещения вдоль улиц, оконтурившие квартал. Причем в качестве фундаментов поздних помещений были использованы стены эллинистических зданий, т.к. предшествующие средневековые слои (V-X вв.) были здесь в значительной степени нарушены, а в помещениях вдоль улиц практически полностью сняты [31, с. 91-100; 25, с. 123]. Затем начали застраивать внутриквартальное пространство. При этом северо-восточная часть квартала первоначально была отделена от юго-восточной улицей, соединявшей внутриквартальную площадь с продольной улицей и позднее замененной переулком [59, с. 151].

Совсем другая картина наблюдается в кварталах, расположенных западнее X поперечной улицы и построенных несколько позже вышерассмотренных. Дату их строительства определяют немногочисленные, но регулярно встречающиеся в мусорной засыпи под ними фрагменты поливной белоглиняной посуды с росписью брызгами и с зелено-красной бесконтурной росписью [167, с. 98], датирующиеся XI-XII вв., а также монеты, относящиеся к чекану Мануила I (1143-1180) [27, с. 224; 168, с. 273, №№ 144-145], Алексея Комнина (1180-1183) [65, с. 130, № 75], и многочисленные монеты с монограммой имени Романа последней четверти XI – первой половины XIII вв. Все эти материалы позволяют предположительно датировать массовое строительство в этой части района в пределах второй половины XII – начала XIII вв.²⁷ Однако заселялась эта часть района не сразу, а постепенно и стихийно, без какого-либо предварительного плана. Причем наряду с постепенным поступательным движением строительства от центральных районов к окраинам, на пока еще заброшенных территориях возникали какие-то единичные постройки. Остатки одной из них были выявлены с южной стороны базилики 1935 года. Дата ее функционирования определяется тем, что под ней находилась яма с насыпью и вещами X в., а над ней – дом XIII в. [102, с. 277]. Остатки еще одного здания, стоящего на слое X в. и перекрытого поздней постройкой, открыты в XXV квартале [33, л. 17]. Здесь же, на пока пустующей территории возводились черепицеобжигательные печи, которые должны были удовлетворять вызванную интенсивным строительством огромную потребность в кровельной черепице. По-видимому, их старались сооружать в непосредственной близости к стройке, постепенно отодвигая к западу по мере наступления новых кварталов. Остатки нескольких таких мастерских выявлены в Северном прибрежном районе непосредственно под подошвой слоя XIII в.

²⁷ Здесь следует отметить, что мусорный характер засыпи не позволяет использовать перечисленные находки с полной уверенностью: они могли попасть в слой в результате каких-то поздних перекопов.

И все же из-за довольно значительного перерыва в застройке и толстого слоя засыпи, под которым были погребены строительные остатки предшествующих периодов, планировку на большей части рассматриваемого участка пришлось производить заново, и преемственность в разбивке кварталов здесь практически отсутствует. Поселявшиеся на пустующей территории жители, хотя в целом и придерживались линии главных улиц²⁸, но без особой скрупулезности, а при необходимости вообще игнорировали ее, и строились так, как им было удобней. В результате направление улиц смещалось и не совпадало с предыдущим, не соблюдались прямые линии домов вдоль улиц [27, с. 208], над более ранними жилыми домами местами прошли улицы и переулки, и, наоборот, некоторые улицы были застроены целиком или частично жилыми домами. Особенно поразительны случаи прокладки улиц над базиликами. Так, в квартале XXV вновь проложенная улица прошла над северным нефом базилики 1932 года с мозаичным полом, при этом ее уровень оказался выше мозаики на 0,8 м [105, л. 37]. Аналогичная картина наблюдается и в квартале базилики 1935 года (квартал XIX), на руинах которой возникают кладбище и небольшой храм-часовня, над нартексом проходит улица XIII в., а с южной стороны строятся два дома с обширным двором между ними (рис. 31). Позже дом в западной части участка перестраивается и оказывается под острым углом к базилике, меняя при этом направление улицы, которое приближается к направлению эллинистической. X поперечная улица, перегороденная длинной стеной, превращается в тупик, а застроенная домами продольная улица совсем исчезает из планировки города: над нею появляется обширный двор, ограниченный двумя домами и длинной стеной, которая одновременно служит оградой кладбища и часовни [102, с. 277-278].

Сами улицы утратили здесь вид прямых магистралей, какой они имеют в других районах города, и ширина одной и той же улицы может быть разной на разных участках. Например, ширина продольной улицы между кварталами XXVIII и XXXVII колеблется, вследствие небрежной постройки поздних домов и храма-усыпальницы, от 3,5 до 4,0 м [88, л. 14], ширина другой продольной улицы района варьирует от 3,3 до 3,8 м [70, с. 83]. IX поперечная улица шириной 3,2 м у пересечения со II продольной сужается до 2,9 м, а ширина II продольной улицы с 2,65 м у перекрестка увеличивается до 3,05 м [25, с. 132, 135]. Северо-западный конец X поперечной улицы, ширина которой сначала была 3,5 м, в поздневизантийский период частично застраивается зданием, уменьшившим ее ширину до 2,9 м. Кроме того, она была перегородена поперечной стеной и вследствие этого превратилась в тупик [31, с. 99]. В квартале XXV на продольной улице, ширина которой

²⁸ К примеру, сохранила свое направление и не сместилась существенно в какую-либо сторону продольная улица в XXVIII квартале. То же можно сказать и о XIII поперечной улице [88, л. 14].

составляла 4,25 м, был построен дом, выступающий на 0,9 м, сокращая ее ширину до 3,75 м [30, л. 3]. Однако все эти нарушения носили, в основном, локальный характер и не искажали общих прямоугольных очертаний кварталов.

Обитатели этой части Северного берега вообще мало заботились об облике своих жилищ, а просто приспособлялись к предложенным условиям, часто даже не выравнивая поверхность перед новым строительством, а иногда просто обстраивая помещениями холмы, образовавшиеся в результате свалки мусора. Яркий и очень живой пример неряшливости застройки является XX квартал, значительная часть которого служила мусорной свалкой не только после разрушений конца X в., когда сюда свозили мусор из других районов города, но и в более позднее время, когда на соседних участках уже начали появляться усадьбы. Рядом со свалкой какое-то время функционировала печь для обжига черепицы, позже застроенная усадьбой. Во время жизни дома печь уже была заброшена и представляла собой холм обожженной глины и мусора, верхняя часть которого была вровень со входом в одно из помещений (рис. 32). Разность высот между порогом, уровнем 10 поперечной улицы и уровнем поверхности двора (помещение 4) составляла более 1,5 м, и ко входу в помещение 9 вел подъем по глинистому холму разрушенной печи. С юго-востока двор ограничивала стена, сохранившаяся от какого-то более раннего сооружения и включенная в план описываемого дома. При его возведении она не была восстановлена, и, таким образом, двор имел открытый выход на небольшой пустырь, занятый разрушенной печью [169, л. 6; 96, с. 165-166]. В конце концов, весь квартал начал застраиваться. Причем один из его домов врезался прямо в мусорную насыпь [170, л. 2, 7, 9; 96, с. 165].

Иногда жители района прямо на улицах устраивали ямы, куда сбрасывали бытовые отходы. Одна из них была открыта на продольной улице между кварталами XXV и XXXI, напротив входа в одно из помещений квартала XXV. Это была овальная яма размером 1,4х0,6х0,3 м, заполненная углем, золой и большим количеством костей животных [27, с. 244].

Что касается усадеб района, то качеством постройки, площадью, инвентарем и прочим они мало отличались от усадеб других районов города. Лишь некоторые из них выделяются какими-то особенностями, позволяющими предполагать наличие в них какого-то производства, лавки или таверны. К примеру, не исключено, что в квартале XX в помещении 5 с выходом непосредственно на улицу размещалась лавка. Рядом с ней имелся подвал, в который из лавки можно было спуститься по деревянной лестнице и в котором, по-видимому, хранились товары (в подвале найдены 5 пифосов, в том числе с остатками мелкой рыбы, фрагменты амфор и два больших плоскодонных трехручных сосуда) [171, л. 8].

Необычная усадьба, состоящая из трех помещений и двора, была открыта в XXVIII квартале. От остальных усадеб района она отличается техникой

постройки: фундамент ее стен, сооруженный на материковой скале, впущен глубоко в слой IX-X вв., камни отличаются большими размерами, а кладка – тщательностью. Кроме того, в ее состав входило помещение необычно больших размеров (6,0x4,5 м) с тремя дверными проемами, один из которых, шириной 3,0 м, следует, скорее, назвать воротами. В проеме ворот внизу уцелели служившие косяками массивные каменные блоки, монументальные размеры которых указывают на то, что полотнища дверей были большими и тяжелыми. Стены помещения выполнены из довольно крупных камней на грязи с глиняной обмазкой на внутренней стороне. Красноватой глиной был покрыт и пол помещения. Обнаруженные в нем вещи (40 глиняных грузил бочонковидной формы и свыше 100 железных гвоздей от кровельного перекрытия), ничего не добавляют к пониманию его функционального назначения, за исключением, пожалуй, железного кольца со штырем для крепления к стене, к которому, возможно, привязывали лошадь. Эта находка в совокупности с перечисленными особенностями самого помещения позволяет предположить, что оно имело какое-то особое назначение – для хранения повозок и содержания лошадей (?) и, возможно, входило в состав комплекса постоянного двора [172, с. 355].

Несомненный интерес представляет выявленное в квартале XXV (раскопки 1932 года) помещение VI, служившее подвальной кладовой, где размещались пифосы, амфоры и кувшины с домашними запасами. Здесь же было найдено около 50 поливных чаш, блюд и простых горшков, часть которых свалилась туда с верхнего этажа. Количество выявленной посуды явно превышает потребности даже очень большой семьи, и на этом основании А.Л. Якобсон предполагал наличие в усадьбе, большая часть которой разрушена морем, гончарной мастерской, продукция которой хранилась в кладовке. Однако набор посуды, в котором явно преобладают привозные сосуды, не позволяет согласиться с мнением А.Л. Якобсона. Не исключено, что здесь располагалась посудная лавка или корчма.

Кварталы Северного берега также погибли во время пожара в XIII в., что подтверждается идентичностью материала из слоя пожара Северного прибрежного района и остальной части города. Как и в других районах, здесь также были обнаружены захоронения погибших от огня людей [31, с. 102].

Западный район

О застройке западной части Херсонесского городища мы можем судить лишь предположительно, т.к. эпизодические раскопки проводились здесь, в основном, в районе ранневизантийских храмов. Однако, даже в ходе таких исследований были получены данные о наличии, по крайней мере, на исследованных участках застройки или следов строительной деятельности в период до конца X в. Таким образом, до катастрофы X в. город занимал всю площадь в пределах оборонительных стен, включая участок Западной базилики.

В средне- и поздневизантийский период облик района, по-видимому, значительно изменился. Приходит в полное запустение участок Западной бази-

лики, на котором не было выявлено никаких следов поздней застройки. Открывший базилику К.К. Косцюшко-Валюжинич отмечал, что перед раскопками «почва здесь имела вид пустыря и не имела ни малейших следов каких-либо построек» [173, с. 56], а проводившиеся на участке археологические исследования показали наличие в верхнем слое только керамики и монет IX-X вв. и полное отсутствие «поздневизантийских монет, начиная от Романа I, и черепков глиняной поливной посуды, которые в восточной части городища встречаются ... в громадном количестве» [173, с. 56, 67-68; 174, с. 90; 55, л. 153, 155-156; 175, с. 123].

Что касается остальной территории района, то здесь не только восстанавливаются ранневизантийские храмы, пострадавшие во время катастрофы конца X – начала XI вв., но и строятся новые. В первой половине XI в. в квартале 60 возводится трехапсидный храм, с северо-восточной и северо-западной стороны которого формируется небольшое кладбище [176, с. 38-39]. В 5 м к западу от него не ранее второй половины X в. появляется часовня № 18. В квартале 55 в первой половине XI в. строится пятиапсидный крестово-купольный храм, с северо-восточной стороны которого также было устроено кладбище [176, с. 39, 40]. Еще один небольшой однефный храм (храм № 16 с фреской Богородицы), возведение которого датируют XII-XIII вв., располагается в квартале 45 [176, с. 40]. Небольшая однефная церковь была сооружена в алтарной части трехнефной базилики 17, открытой в 1827 году К. Крузе. В квартале 37 к северо-востоку от главной улицы расположен трехапсидный храм 4, относящийся к переходному типу от базилики к крестово-купольным сооружениям и, по предварительным данным, датирующийся X-XIV вв. [176, с. 40]. Следы незначительных ремонтных работ были выявлены и в т.н. четырехапсидном храме [54, с. 161]. С наружной стороны к северной апсиде храма была пристроена сложенная из бута на грязи стена, возведенная на слое насыпной земли толщиной 0,5 м. Еще одна стена, сложенная в той же технике на подстилке мозаики, отгораживала юго-восточную часть здания [68, с. 96].

На участке, прилегающем к перестроенной Базилике на холме, появляется большое кладбище. Причем, насколько можно судить по различиям как в устройстве могил, так и в способе захоронения, а также по материалу из погребений, этот кладбищенский комплекс, хотя и оформился одновременно не ранее X – первой половины XI вв. [177, л. 18], но существовал и активно использовался на протяжении XI-XIII вв. [178, с. 18, 24]. Комплекс включал трехнефную базилику, построенную на руинах большой ранневизантийской базилики [179, с. 36], небольшую часовню, сильно вытянутое прямоугольное здание, еще три помещения, одно из которых имело стенную роспись, и обширный кладбищенский двор, вымощенный мелким камнем (рис. 33). Кроме того, комплекс включал дом, состоявший из 8 помещений. Судя по толщине стен, дом мог быть двухэтажным. Скорее всего, в нем жил священник или человек, в обязанности которого входило наблюдение за кладбищем, уход за могилами

и захоронение умерших [179, с. 25]. Весь комплекс был отделен от окружающей городской территории оградой высотой до двух метров. Основание ограды, сложенной из бутового камня на грязи и, по-видимому, оштукатуренной, покоится на насыпном грунте, который образовался в этой части города к моменту ее сооружения [179, с. 24]. С улицы, примыкающей к ограде с юга, во двор вел въезд шириной около 2 м, по сторонам которого позже были пристроены два небольших (4,0x4,0 м) вспомогательных помещения (восточное и западное), предназначенные для сторожа и хозяйственного инвентаря [179, с. 25]. Все остальное пространство внутри ограды было занято могилами (всего раскопано около 150), некоторые из которых выделяются довольно богатым погребальным инвентарем [180, л. 59].

Описанный кладбищенский комплекс был не единственным в этом районе города. К югу от него, через продольную улицу, идущую к западному участку оборонительной стены, была открыта еще одна часовня (часовня 2), которая вместе с двором при нем также служила погребальным комплексом с многочисленными могилами [181, л. 3]. А к югу от часовни 2 прослежены контуры, по крайней мере, еще трех часовен [181, л. 6].

Все сооружения этих кладбищенских комплексов погибли в результате сильного пожара в XIII в. В слое разрушения, среди завала камней найдены фрагменты поливной посуды и разбитая на мелкие кусочки черепица, в том числе с метками в виде лошади и птицы, датирующаяся XIII в. [182, табл. XXIII-XXIX; 181, л. 2, рис. 4; 183, л. 23-24, 26].

Возможно, какие-то отдельные сооружения средне- и поздневизантийского времени располагались и несколько западнее описанного кладбища. В ходе раскопок 1983 года на участке между Западной базиликой и Базиликой на холме был выявлен вал XIX в., в насыпи которого обнаружено большое количество обломков позднесредневековых амфор и красноглиняных сосудов, покрытых зеленой поливой. По предположению автора раскопок С.А. Беляева, фрагменты происходят из верхнего слоя, снятого при сооружении вала на участке к югу от Западной базилики [183, л. 20]. Под самим валом было открыто погибшее от пожара прямоугольное в плане сооружение размерами 10,08x6,42 м в восточной части и 10,08x5,85 м – в западной, сложенное из бутового камня на грязи. Внутри дом был заполнен камнями от рухнувших стен с завалом черепицы под ними. Среди найденных фрагментов несколько – с клеймами, в т.ч. с птицей и надписью ΝΙΚΟ, датирующимися XIII в. [183, л. 21-22].

Еще два здания, фундаменты которых располагались выше уровня вымостки X в., были открыты в 1984 году к югу от Базилики на холме. В первом, состоявшем из двух помещений, на уровне пола найдены упавшая крыша с множеством клейм на черепице, 12 жерновов, много столовой и тарной посуды [184, с. 213]. Во втором здании, также состоявшем из двух помещений и двора, выявлены 9 жерновов, вкопанные в землю амфоры, а во дворе печь,

вероятно, предназначенная для выпечки хлеба. Черепица и амфоры датируют здание XII-XIII вв. [184, с. 214].

Фрагмент поздней застройки открыт также перед пятиапсидным храмом, к северо-востоку от раскопанной части т.н. «древнегреческой улицы» и в некотором отдалении от нее (раскопки 1906 и 1930 гг.). Здесь были обнаружены небольшой одноапсидный храм с тремя окнами в апсиде [68, с. 107] и к югу от него несколько небольших помещений, составлявших одно здание (рис. 34). В отчете о раскопках отмечены находки к югу от храма «фрагментов красноглиняной поливной посуды, стеклянных сосудов и браслетов, фрагментов черепиц со штампами, в т.ч. в виде всадника» [69, с. 16-17]. К счастью, материал из раскопок 1930 года сохранился в фондах Херсонесского заповедника, и в ходе его просмотра выявлены типичные для верхних слоев Херсонеса вещи: фрагменты поливной керамики группы Зевксиппа, Эгейской и Никейской групп, фрагменты монокромной поливной посуды, украшенной звездами, выполненными толстой врезной линией, белоглиняной поливной посуды с подглазурной росписью марганцем, фрагменты кумана, амфор с дуговидными ручками и амфор с бугристой внутренней поверхностью, а также черепиц с тонким низким рельефом. Однако в связи с тем, что верхний слой на окружавшем храм участке был снят в начале XX в. при строительстве расположенной вблизи батареи [68, с. 102], трудно сказать, существовала ли здесь, на восточной окраине холма, сплошная жилая застройка, в состав которой входил обычный для поздневизантийского Херсона внутриквартальный храм, или здесь была построена отдельно стоящая небольшая церковь с прилегающим к ней небольшим помещением.

То, что на сегодняшний день известно о поздней застройке Западного района, т.е. наличие большого кладбища, нескольких храмов и довольно обширных свободных от каких-либо сооружений пространств, вызывает соблазн предположить, что в случае военной опасности эта часть города могла служить убежищем для жителей окрестных поселений, а в мирное время была занята торговыми площадями и использовалась для выращивания каких-то сельскохозяйственных культур [11, р. 508]. Это тем более вероятно, что плотная застройка остальной территории Херсона не оставляла места для устройства обязательных для каждого византийского города рынков, огородов и лагерей для беженцев. К примеру, очень похожий по наполнению район, т.н. Нижний город, с торговыми площадями, рынками и несколькими церквями в это же время имелся в Трапезунде [185, с. 34].

Херсон XIII века предстает перед нами обычным провинциальным городом с довольно бурной жизнью в портовой части, некоторым оживлением в районе кафедрального собора, на главной улице и центральной площади, а также у торговой галереи рядом с «Базиликой в базилике». Жил город в пределах старых оборонительных стен, хотя плотная застройка занимала только

восточную половину городища, оставляя западную часть под обширные кладбища. Никаких следов дополнительной линии обороны, окружавшей в византийских городах «замок» (*kastron*), где располагался административный центр, не выявлено, а о здании или комплексе зданий, в котором такой центр мог бы размещаться, можно говорить только на уровне предположений. Из-за разной степени изученности различных участков городища определенно говорить об их социальной дифференциации трудно. Скорее всего, резкого контраста в уровне жизни горожан не было, если не считать нескольких выделяющихся своим инвентарем кварталов, с западной стороны прилегающих к комплексу кафедрального собора (Уваровской базилике). Регулярная планировка, сохранившаяся еще с эллинистических времен, широкие улицы, пригодные для колесного транспорта, и довольно благоустроенная система канализации контрастировали с беспорядочной внутриквартальной застройкой, в гуще которой держали скот, занимались дымными и шумными ремеслами, торговали в небольших выходящих на улицу лавках, строили небольшие приходские храмы, в которых вопреки санитарным нормам производили захоронения. В городе не удалось выявить сколько-нибудь обширных открытых пространств, предназначенных для большого скопления людей. Необходимость в них отпала в связи с коренным изменением жизненного уклада византийцев, сосредоточившихся на частной домашней жизни, что отразилось на структуре усадеб, которые всеми своими помещениями открывались на внутренний двор, ставший средоточием жизни горожан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bouras Ch. City and Village: Urban Design and Architecture // JÖB. 31/2. XVI. Internationaler Byzantinistenkongress. Acten. 1/2. Wien, 1981.
2. Jordanov I. Preslav // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
3. Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСБ. 1996. Вып. VII.
4. Антонова И.А. К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе // АДСВ. 1976. Вып. 13.
5. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического государственного музея и Уральского государственного университета им. А.М. Горького в 1963 году // НА НЗХТ. Д. 1138.
6. Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. СПб., 1901. Вып. 1.
7. Кекавмен. Советы и рассказы. СПб., 2003.
8. Антонова И.А. Западный фланг обороны Херсонеса // СХМ. 1963. Вып. III.
9. Жаворонков П.И. Малоазийские города периода Никейской империи // АДСВ. Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990.
10. Ousterhout R.G. Secular Architecture // The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era. A.D. 843-1261. New York, 1996.

11. Bouras Ch. Aspects of the Byzantine City, Eighth-Fifteenth Centuries // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
12. Гриневиц К.Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера. Севастополь, 1930.
13. Романчук А.И. Херсонес XII-XIV вв.: историческая топография. Красноярск, 1986.
14. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // ИАК. СПб., 1905. Вып. 16.
15. Mango C. Daily Life in Byzantium // XVI Internationaler Byzantinistenkongress. Akten, I/1 (Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik XXXI/1). Vienna, 1981.
16. Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
17. Гайдукевич В.Ф. Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия // МИА. 1953. № 34.
18. Сазанов А.В. Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. М., 2000. Вып. IV.
19. Броневский М. Описание Татарии // ЗООИД. 1867. Вып. 6.
20. Сорочан С.Б. Об архитектурном комплексе фемного претория в византийском Херсоне // АДСВ. Екатеринбург, 2004. Вып. 35.
21. Bouras Ch. Urban Planning in Middle and Late Byzantine Cities // *Deltion te christianikis archeologiki eterias. Periodos Δ. Tomos K. Athens*, 1999.
22. Rheidt K. Byzantinische Wohnhäuser des 11. bis 14. Jahrhunderts in Pergamon // DOP. Washington, 1990. 44.
23. Sigalos L. Middle and Late Byzantine Houses in Greece (tenth to fifteenth centuries) // *Secular Buildings and the Archaeology of Everyday Life in the Byzantine Empire* (ed. K. Dark). Oxford, 2004.
24. Рыжов С.Г. Средневековые жилые кварталы X-XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.
25. Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII (раскопки 1940 года) // МИА. 1953. № 34.
26. Белов Г.Д. Раскопки в Херсонесе в 1956 году // СГЭ. 1957. Вып. XII.
27. Белов Г.Д. Раскопки в Северной части Херсонеса в 1931-1933 гг. // МИА. 1941. № 4.
28. Седикова Л.В. Исследования квартала поздневизантийского времени в южном районе Херсонеса // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Науч. докл. междунар. конф. Екатеринбург, 2004.
29. Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989.
30. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1956 году // НА НЗХТ. Д. 728.
31. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. 1953. № 34.
32. Белов Г.Д. К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса // СА. 1941. VII.
33. Белов Г.Д. Раскопки в Херсонесе в 1965 году // НА НЗХТ. Д. 858.
34. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. СПб., 1906. Вып. 20.
35. Косцюшко-Валюжинич К.К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1890 год. СПб., 1893.
36. Scranton R.L. Medieval Architecture in the Central Area of Corinth. Corinth. Vol. 16. Princeton-N.J., 1957.
37. Dagron G. Le christianisme dans la ville Byzantine // DOP. 1977. Vol. 31.
38. Kazanaki-Lappa M. Medieval Athens // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
39. Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII-XIV вв.) // МИА. 1950. № 17.
40. Рыжов С.Г., Андреева О.А. Отчет о раскопках в квартале IX в Северном районе Херсонеса в 2001 году // НА НЗХТ. Д. 3526-3527.
41. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках квартала X-Б в Северном районе Херсонеса в 1996 году // НА НЗХТ. Д. 3299-3300.

42. Домбровский О.И. Отчет об археологических исследованиях в Херсонесе в 1978 году // НА НЗХТ. Д. 2182.
43. ОАК за 1891 год. СПб., 1893.
44. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году // ХСб. 1959. Вып. V.
45. Бертье-Делагард А.Л. Раскопки Херсонеса // МАР. СПб., 1893. № 12.
46. Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
47. Рыжов С.Г. Доследование «Северной базилики» в Херсонесе // АО 1981 года. М., 1983.
48. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках «базилики 1889 года» в 1972-1974 гг. // НА НЗХТ. Д. 1640.
49. Сорочан С.Б. Об агоре византийского Херсона, ее церквах и палатиях // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3.
50. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1898.
51. Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988.
52. Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X – начала XII вв. М., 1987.
53. Романчук А.И. Западный загородный храм Херсонеса // ВВ. 1990. Т. 51.
54. Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1.
55. Суров Е.Г. Отчет о раскопках в СЗ части Херсонесского городища в 1963 году // Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического государственного музея и Уральского гос. университета им. А.М. Горького в 1963 году. НА НЗХТ. Д. 1138.
56. Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М., 1974.
57. Каждан А.П. Никита Хониат и его время. СПб., 2005.
58. Яшаева Т.Ю. Городские монастыри византийского Херсона: к постановке проблемы // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.
59. Романчук А.И. Очерки по истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
60. Паршина Е.А. Доследование дома 1964 года // НА НЗХТ. Д. 1870/3.
61. Домбровский О.И. Отчет о раскопках 1955 года античного театра и Храма с ковчегом // НА НЗХТ. Д. 712.
62. Сидоренко В.А., Паршина Е.А. Раскопки помещения «А», пристройки к дому 1964 года // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1972-1973 годах. НА НЗХТ. Д. 1647.
63. Сидоренко В.А. Раскопки средневекового дома у оборонительной стены (дом 1972 года) // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1972-1973 годах. НА НЗХТ. Д. 1647.
64. Белов Г.Д. Северный прибрежный район Херсонеса // МИА. 1953. № 34.
65. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-36 гг. Симферополь, 1938.
66. Белов Г.Д. Раскопки Херсонеса в 1934 году. Симферополь, 1936.
67. Колесникова Л.Г. Отчет о раскопках Юго-восточного участка главного раскопа в Портовой части Херсонеса // Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического гос. музея и Уральского гос. университета им. А.М. Горького в 1963 году. НА НЗХТ. Д. 1138.
68. Лепер Р.Х. Из раскопок в Херсонесе в 1906-9 годах // ИАК. СПб., 1911. Вып. 42.
69. Белов Г.Д. Раскопки в Херсонесе в 1930 г. // ХСб. 1948. Вып. IV.
70. Белов Г.Д. Раскопки в северном районе Херсонеса в 1968 году // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 1974.
71. Романчук А.И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.
72. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 году // НА НЗХТ. Д. 1842.

73. Антонова И.А. Северо-западный участок главного раскопа // Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции Херсонесского историко-археологического гос. музея и Уральского гос. университета им. А.М. Горького в 1963 году. НА НЗХТ. Д. 1138.
74. Романчук А.И. Городская поздневизантийская усадьба как отражение статуса ее владельца // АДСВ. Свердловск, 1988.
75. Bouras Ch. Houses in Byzantium // *Deltion te christianikis archeologiki eterias. Periodos D. Tomos IA. Athens, 1983.*
76. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Новые исследования в Северо-Восточном районе Херсонеса (средневековые памятники) // АДСВ. Екатеринбург, 2004. Вып. 35.
77. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1984 году // НА НЗХТ. Д. 2497.
78. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Северном районе Херсонеса в 1975 году // НА НЗХТ. Д. 1760.
79. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1985 году // НА НЗХТ. Д. 2624.
80. Белов Г.Д. Отчет о раскопках на Северном берегу (кварталы XXIX, XXV и XX) в 1978 году // НА НЗХТ. Д. 2021.
81. Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
82. Mango C. Addendum to the Report on Everyday Life // XVI Internationaler Byzantinistenkongress, Akten, II/1. Vienna, 1982.
83. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 1983 г. // НА НЗХТ. Д. 2402-2403.
84. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1987 году // НА НЗХТ. Д. 2780.
85. Антонова И.А. Отчет о раскопках средневекового дома на Главной улице Херсонеса в 1956 г. // НА НЗХТ. Д. 3457.
86. Оустерхаут Р. Византийские строители. Киев; М., 2005.
87. Bouras Ch. Master Craftsmen, Craftsmen, and Building Activities in Byzantium // *The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century* (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
88. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1969 году // НА НЗХТ. Д. 1283.
89. Романчук А.И. Херсон XIV в. – город или полудеревенское поселение? (К вопросу о датировке верхнего слоя разрушения Херсонесского городища) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
90. Домбровский О.И. Отчет о раскопках античного театра и Храма с ковчегом в 1970 г. // НАНЗХТ. Д. 1411.
91. Золотарев М.И. Раскопки средневекового жилого дома в Херсонесе // АО 1970 года. М., 1971.
92. Романчук А.И. Раскопки во втором квартале Херсонеса // АО 1983 года. М., 1985.
93. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII // МИА. 1953. № 34.
94. Якобсон А.Л. Отчет о раскопках Херсонеса в 1940 году // НА НЗХТ. Д. 474.
95. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках X «А» квартала в Северном районе Херсонеса в 1987 году // НА НЗХТ. Д. 2771-2772.
96. Калашник Ю.П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982-1988 гг.) // Итоги археологических экспедиций. Л., 1989.
97. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках VIII квартала в Северном районе Херсонеса // НА НЗХТ. Д. 2477-2478.
98. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1977 году // НА НЗХТ. Д. 1909.
99. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1973 году // НА НЗХТ. Д. 1685.
100. Рыжов С.Г. Средневековая усадьба XIII в. в Северном районе Херсонеса (постоялый двор) // Древности–1997-1998. Харьков, 1999.

101. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках квартала Х-Б в Северном районе Херсонеса в 1999 году // НА НЗХТ. Д. 3429-3430.
102. Белов Г.Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949-1953 гг. // СА. 1955. XXIV.
103. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1972 году // НА НЗХТ. Д. 1419.
104. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1959 году // НА НЗХТ. Д. 750.
105. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1948 году // НА НЗХТ. Д. 623.
106. Золотарев М.И. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 1988 году // НА НЗХТ. Д. 2845.
107. Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.
108. Отчет г. заведывающего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1897 год // ОАК за 1897 год. СПб., 1900.
109. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет г. заведывающего раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893 г. СПб., 1895.
110. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 1982 году // НА НЗХТ. Д. 2346-2347.
111. Dagron G. The Urban Economy, Seventh–Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
112. Византийская книга епарха / Вступ. ст., пер., ком. М.Я. Сюзюмова. М., 1962.
113. Каждан А.П. Деревня и город в Византии. IX-X вв. Очерки по истории византийского феодализма. М., 1960.
114. Matschke K.-P. The Late Byzantine Urban Economy, Thirteenth–Fifteenth Centuries // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
115. Maniatis G.C. The Perishable Produce Market in Byzantium // Byzantinoslavica. Prague, 2003. LXI.
116. Горянов Б.Т. Византийский город XIII-XV вв. // ВВ. 1958. Т. XIII.
117. Анна Комнина. Алексиада. СПб., 1996.
118. Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. М.; Л., 1950.
119. Якобсон А.Л. О численности населения средневекового Херсонеса // ВВ. 1961. Т. XIX.
120. Сазанов А.В. К интерпретации комплекса водосборной цистерны жилого дома в VII квартале Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2008. Вып. 3.
121. Kazhdan A.P., Epstein A.W. Change in Byzantine Culture in the Eleventh and Twelfth Centuries. Berkeley; Los Angeles; London, 1985.
122. Наследова Р.А. Города, ремесло и торговля в поздней Византии (XIII-XIV вв.) // История Византии / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1967. Т. 3.
123. Антонова И.А. Оборонительные сооружения херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. 1971. Вып. 7.
124. Отчет г. заведывающего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1895 год // ОАК за 1895 год. СПб., 1897.
125. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет г. заведывающего раскопками в Херсонесе за 1894 год // ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
126. Борисова В.В. Раскопки римской цитадели в Херсонесе // АО 1971 года. М., 1972.
127. Сорочан С.Б., Крупа Т.Н., Зубарь В.М., Сазанов А.В., Иванов А.В. Об археологических исследованиях и консервационно-реставрационных работах на территории «цитадели» Херсонеса Таврического в 2004 году // Археологічні дослідження в Україні 2003-2004 рр. Запоріжжя, 2005.
128. Кадеев В.И. Раскопки в «центре участка» // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 9.
129. Романчук А.И. Материалы к истории Херсона XIV-XV вв. // АДСВ. Византия и ее провинции. Свердловск, 1982.

130. Алексеенко Н.А. Нумизматический комплекс X-XIV вв. из раскопок Портового квартала Херсонеса // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987.
131. Романчук А.И. Итоги раскопок в Портовом квартале II Херсонесского городища // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
132. Романчук А.И. Изучение портового квартала Херсонеса // АО 1979 года. М., 1980.
133. Романчук А.И. Изучение портового квартала Херсонеса // АО 1977 года. М., 1978.
134. Романчук А.И. Раскопки портового квартала 2 Херсонесского городища // АО 1980 года. М., 1981.
135. Отчет г. заведывающего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 год. СПб., 1898.
136. Домбровский О.И. О задачах и методике раскопок на участке античного театра в 1972-73 гг. // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1972-1973 годах. НА НЗХТ. Д. 1647.
137. Домбровский О.И. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1954 году на участке «храма с ковчегом» // НА НЗХТ. Д. 702.
138. Домбровский О.И. Отчет о раскопках 1955 года античного театра и храма с ковчегом // НА НЗХТ. Д. 712.
139. Домбровский О.И., Паршина Е.А. О раннесредневековой застройке территории античного театра // СХМ. Симферополь, 1960. Вып. I.
140. Айналлов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. I.
141. Золотарев М.И. Раскопки в восточном и южном секторах // Отчет о раскопках античного театра и Храма с ковчегом в 1970 г. НА НЗХТ. Д. 1411/1.
142. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. СПб., 1907. Вып. 21.
143. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
144. Рыжов С.Г. Отчет о раскопках усадьбы 1 в X «А» квартале Северного района Херсонеса в 1989 году // НА НЗХТ. Д. 2883.
145. Домбровский О.И. Раскопки внутри храма 1958 года // Отчет о раскопках античного театра и Храма с ковчегом в 1970 г. НА НЗХТ. Д. 1411/1.
146. Махнева О.А. Раскопки контрольного целлика 1958 года и внутри малого храма // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1971 году. НА НЗХТ. Д. 1505.
147. Домбровский О.И. Отчет о раскопках античного театра в 1957 г. // НА НЗХТ. Д. 3241.
148. Золотарев М.И., Баранов И.А. Доследование остатков проскенния и сцене // Отчет о раскопках античного театра и Храма с ковчегом в 1970 г. НА НЗХТ. Д. 1411/1.
149. Домбровский О.И., Орлов К.К., Кутайсов В.А. Отчет Херсонесского отряда Крымской комплексной экспедиции за 1976 год // НА НЗХТ. Д. 3741/1.
150. Золотарев М.И. Раскопки в южном секторе // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1971 году. НА НЗХТ. Д. 1505.
151. Сидоренко В.А. Раскопки в южном секторе между храмом 1958 года и оборонительной стеной // НА НЗХТ. Д. 1820/5.
152. Махнева О.А. Отчет о раскопках 1972 года в южном секторе участка античного театра (раскоп IV) // Отчет о раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1972-1973 гг. НА НЗХТ. Д. 1647.
153. Домбровский О.И., Николаенко Г.М. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке античного театра в 1988 году // НА НЗХТ. Д. 2876.
154. Золотарев М.И. Раскопки у восточной стены храма 1958 года // НА НЗХТ. Д. 1820.
155. Золотарев М.И. Раскопки у «храма с ковчегом» в Херсонесе // АО 1971 года. М., 1972.
156. Баранов И.А. Отчет о раскопках в северо-восточном секторе участка античного театра и храма «с ковчегом» (Северо-восточный раскоп) // Личный архив И.А. Баранова.
157. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Кладовая дома XIII века в Северо-восточном районе Херсонеса // ХСб. 1998. Вып. IX.

158. Голофаст Л.А. Ремесла и промыслы Херсона в XIII в. (по находкам из слоя пожара) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.
159. Византийская Книга Эпарха / Пер. и ком. М.Я. Сюзюмова. Рязань, 2006.
160. ОАК за 1892. СПб., 1894.
161. Oikonomides N. Writing Materials, Documents, and Books // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century (A.E. Laiou, Editor-in-Chief). Washington, 2002.
162. Пуцко В.Г., Рыжов С.Г. О двух находках произведений византийской пластики в Херсонесе // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.
163. Рыжов С.Г. Раскопки девятого квартала Херсонеса // АО 1983 года. М., 1985.
164. ОАК за 1889 год. СПб., 1892.
165. Чекалова А.А. Быт и нравы византийского общества // Культура Византии. М., 1984.
166. Рыжов С.Г. О раскопках X-б квартала Северного района Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
167. Залеская В.Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X-XII вв. // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV-XVI вв. Л., 1988.
168. Белова-Кудь Л.Н. Монеты из раскопок Херсонеса 1931-1932 гг. // МИА. 1941. № 4.
169. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1988 году // НА НЗХТ. Д. 2867.
170. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1981 году // НА НЗХТ. Д. 2329.
171. Калашник Ю.П. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1985 году // НА НЗХТ. Д. 2715.
172. Белов Г.Д. Херсонесская экспедиция Государственного Эрмитажа // АО 1971 года. М., 1972.
173. Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 году // ИАК. СПб., 1902. Вып. 2.
174. Суворов Е.Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961.
175. Суворов Е.Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического // АДСВ. Свердловск, 1965. Вып. 3.
176. Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю. Сакральная архитектура византийского Херсона (по результатам раскопок и аэроснимков) // ХСб. 2006. Вып. XV.
177. Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ИА АН СССР в 1981 году («Базилика на холме») // НА НЗХТ. Д. 2338.
178. Беляев С.А. Отчет о раскопках «Базилики на холме» в 1977 году // НА НЗХТ. Д. 1910.
179. Беляев С.А. «Базилика на холме» в Херсонесе и «церковь на горе» в Корсунь, построенная князем Владимиром // Byzantinorussica. М., 1994. № 1.
180. Беляев С.А. Отчет о раскопках «Базилики на холме» в 1974 году // НА НЗХТ. Д. 1725.
181. Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции в 1980 году // НА НЗХТ. Д. 2171.
182. Беляев С.А. Отчет Херсонесской экспедиции о раскопках «Базилики на холме» в 1973 году // НА НЗХТ. Д. 1688.
183. Беляев С.А. Отчет о работе Херсонесской экспедиции ИА АН СССР в 1983 году // НАНЗХТ. Д. 2438.
184. Беляев С.А. Работы Херсонесской экспедиции // АО 1984 года. М., 1986.
185. Успенский Ф.И. Очерки по истории Трапезунтской империи. СПб., 2003.

Голофаст Л. О.

Містобудівний вигляд Херсона в XIII столітті

Резюме

Херсонес, систематичне вивчення якого ведеться з кінця XIX ст., представляє величезний інтерес для історика, що займається проблемами візантійського міста. У більшості кварталів, які загибли внаслідок пожежі XIII ст., збереглося майже все те, що було у побуті безпосередньо перед катастрофою. Це надає можливість реконструювати життя провінційного візантійського міста XIII ст.

Вивчення житлової забудови показало, що Херсон цього часу був звичайним провінційним містом з досить бурхливим життям в портовій частині, деяким пожвавленням у районі кафедрального собору, на головній вулиці і центральній площі, а також біля торгівельної галереї поряд з «Базилікою у базиліці». Місто існувало в межах старих оборонних мурів, хоча щільна забудова займала лише східну половину городища, залишаючи західну частину під великі кладовища. Жодних слідів додаткової лінії оборони, що оточувала у візантійських містах «замок» (*kastron*), де розташовувався адміністративний центр, не виявлено, а про будівлю або комплекс будівель, в якому такий центр міг би розміщуватися, можна говорити лише на рівні припущень. У числі можливих претендентів на роль «замку» можна назвати будівлю, частково відкриту в ході будівництва XIX ст. в центрі пам'ятки. На користь такої інтерпретації говорять його розташування на піднесеній ділянці, напроти міських воріт і виняткова потужність стін (2-5 м). Можливо, до цього ж комплексу відноситься розташована поруч незвичайно велика для Херсонеса будівля Г, що також відрізнялася товстими складеними на вапні стінами, цілою мережею водостоків і кам'яних труб для збору дощової води, мощеною кам'яними плитами підлогою, а також значною вільною, обнесеною з трьох сторін стіною площею і каплицею, що складали з нею одне ціле. Стосовно кафедрального собору, то ним слугувала т.з. Уваровська базиліка.

З причини неоднакового ступеню вивчення різних ділянок городища впевнено казати про їх соціальну диференціацію важко. Швидше за все, різкого контрасту в рівні життя городян не було, якщо не вважати декількох кварталів, що виділяються своїм інвентарем, прилеглих із західного боку до комплексу кафедрального собору (Уваровської базиліки). Регулярне планування, що збереглося ще з епохи еллінізму, широкі вулиці, придатні для колісного транспорту, і достатньо облаштована система каналізації контрастували з невпорядкованою внутрішньоквартальною забудовою, де тримали худобу, займалися димними і галасливими ремеслами, торгували в невеликих лавках, що виходять на вулицю, будували невеликі приходські храми, в яких, всупереч санітарним нормам, здійснювали поховання. У місті не вдалося виявити скільки-небудь великих відкритих просторів, призначених для скупчення багатьох людей. Необхідність в них відпала у зв'язку з корінною зміною життєвого устрою візантійців, що зосередилися на приватному домашньому житті. Це відбилося й на структурі садиб, що відкривалися всіма своїми приміщеннями на внутрішній двір, який став осереддя життя городян. Суспільне життя концентрувалося на невеликих внутрішньоквартальних площах, на яких часто розташовувалися спільний колодязь і невеликий приходський храм.

Голофаст Л. А.

Градостроительный облик Херсона в XIII веке

Резюме

Херсонес, систематическое изучение которого ведется с конца XIX в., представляет огромный интерес для историка, занимающегося проблемами византийского города. В большинстве кварталов, погибших в результате пожара XIII в., сохранилось практически всё, что было в употреблении непосредственно перед катастрофой, что дает возможность реконструировать жизнь провинциального византийского города XIII в.

Изучение жилой застройки показало, что Херсон в это время был обычным провинциальным городом с довольно бурной жизнью в портовой части, некоторым оживлением в районе кафедрального собора, на главной улице и центральной площади, а также у торговой галереи рядом с «Базиликой в базилике». Город существовал в пределах старых оборонительных стен, хотя плотная застройка занимала только восточную половину городища, оставляя западную часть под обширные кладбища. Никаких следов дополнительной линии обороны, окружавшей в византийских городах «замок» (*kastron*), где располагался административный центр, не выявлено, а о здании или комплексе зданий, в котором такой центр мог бы размещаться, можно говорить только на уровне предположений. В числе возможных претендентов на роль «замка» можно назвать здание, частично открытое в ходе строительства XIX в. в центре памятника. В пользу такой интерпретации говорят его расположение на возвышенном участке, напротив городских ворот и исключительная мощность стен (2-5 м). Возможно, к этому же комплексу относится расположенное рядом необычайно большое для Херсонеса здание Г, также отличавшееся толстыми сложенными на извести стенами, целой сетью водостоков и каменных труб для сбора дождевой воды, мощенным каменными плитами полом, а также значительной свободной, обнесенной с трех сторон стеной площадью и часовней, составлявшими с ним одно целое. Что касается кафедрального собора, то им служила т.н. Уваровская базилика.

Из-за разной степени изученности различных участков городища определенно говорить об их социальной дифференциации трудно. Скорее всего, резкого контраста в уровне жизни горожан не было, если не считать нескольких выделяющихся своим инвентарем кварталов, с западной стороны прилегающих к комплексу кафедрального собора (Уваровской базилике). Регулярная планировка, сохранившаяся еще с эллинистических времен, широкие улицы, пригодные для колесного транспорта, и довольно благоустроенная система канализации контрастировали с беспорядочной внутриквартальной застройкой, где содержался скот, занимались дымными и шумными ремеслами, торговали в небольших выходящих на улицу лавках, строили небольшие приходские храмы, в которых, вопреки санитарным нормам, совершали захоронения. В городе не удалось выявить сколь-нибудь обширных открытых пространств, предназначенных для большого скопления людей. Необходимость в них отпала в связи с коренным изменением жизненного уклада византийцев, сосредоточившихся на частной домашней жизни. Это отразилось и на структуре усадеб, всеми своими помещениями открывавшихся на внутренний двор, ставший средоточием жизни горожан. Общественная жизнь концентрировалась на небольших внутриквартальных площадях, на которых часто располагались общий колодец и небольшой приходской храм.

Golofast L. A.

Urban Image of Chersonesos in the 13th Century

Summary

Chersonesos, which has been studied systematically since the end of the 19th century, is of great interest for a historian who is engaged in the problems of a Byzantine city. In the majority of blocks that were destroyed as the result of the fire in the 13th century practically everything which had been in use just before the catastrophe remained; it enables to reconstruct the life of a provincial Byzantine city dating back to the 13th century.

Studies of residential build-up demonstrated that Cherson was a common provincial city with rather a lively life in the Port district and near the cathedral, in the Main Street and Central Square, as well as near Trade Gallery near «Basilica in Basilica». The city existed within the old defence walls, though dense build-up occupied only the eastern part of the site leaving the western part for vast cemeteries. No traces of additional line of defence, which in Byzantine cities surrounded «castle» (*kastron*) where an administrative centre was situated, was revealed; it can be only assumed that there was a building or a complex of buildings where such a centre could be situated. The building that was revealed in the course of building in the centre of monument in the 19th century can be named among possible pretenders for the role of a «castle». Its location on the raised plot just opposite the city gates and exceptional power of the walls (2-5 meters) speak for such an interpretation. Probably, an extremely large for Chersonesos building Г can be related to the complex; it is remarkable for its thick walls laid on lime, a net of water-drain pipes and stone pipes for collecting rain water, floor paved with stone plates, and a considerably free square surrounded from three sides by the wall and a chapel which formed the whole complex. The so-called Uvarov basilica served as a cathedral.

Due to different levels of studies of various plots of the site, it is difficult to speak about their social differentiation with certainty. Most likely there was no radical contrast in the level of life of city dwellers; though there were some blocks adjacent to the complex of the cathedral (Uvarov basilica) from the western side which are set off with their inventory. Regular planning that remained since Hellenistic times, broad streets suitable for wheeled transport, and rather well equipped sewage system contrasted with disordered build-up within blocks where they kept cattle, went in smoky and noisy kinds of handicraft, traded in shops, built parish churches where against all sanitary regulations performed burials. No vast open spaces intended for rather a large crowd of people were revealed in the city. There was no need for that any longer because the way of life of Byzantines changed radically; now they were concentrated on their home life. It found its reflection on the structure of estates as well where all their premises opened into the inner yard which became the centre of city dwellers' life. Social life was concentrated on inner-block squares where there was a public well and a small parish church.

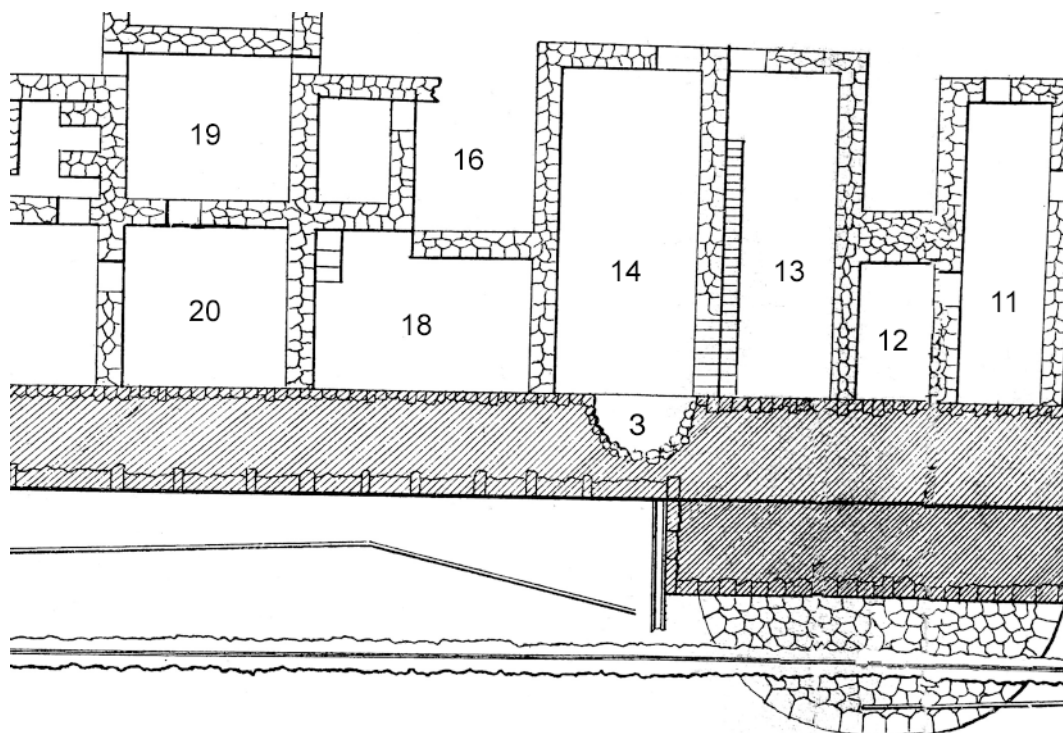

Рис. 1. План застройки участка в районе куртины 16 с пробитой в ней полукруглой нишей (3) (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

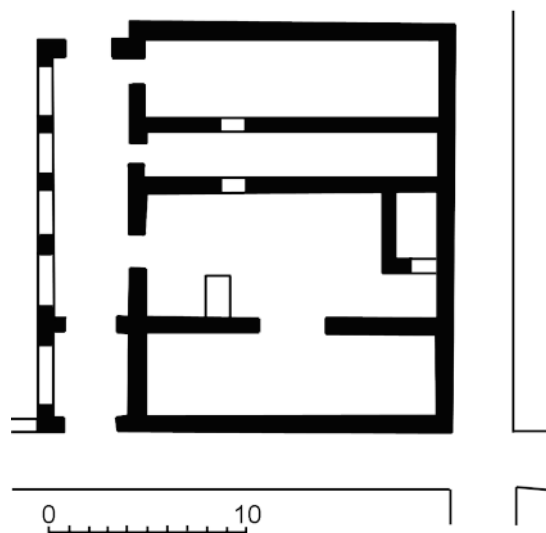

Рис. 2. «Дом епископа» в квартале V (по Р.Х. Леперу).

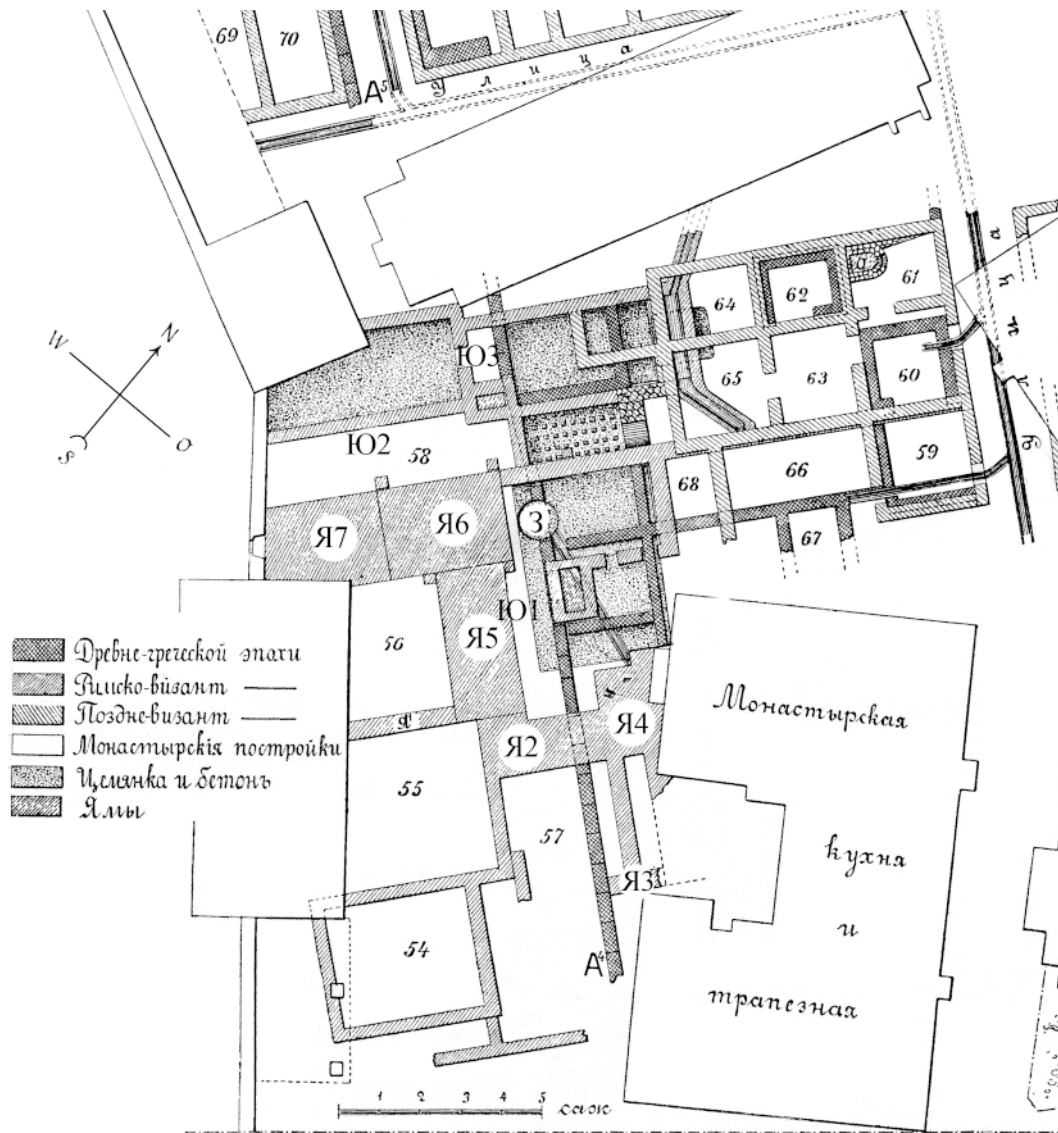

Рис. 3. План застройки территории между старой монастырской трапезной и сараями (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

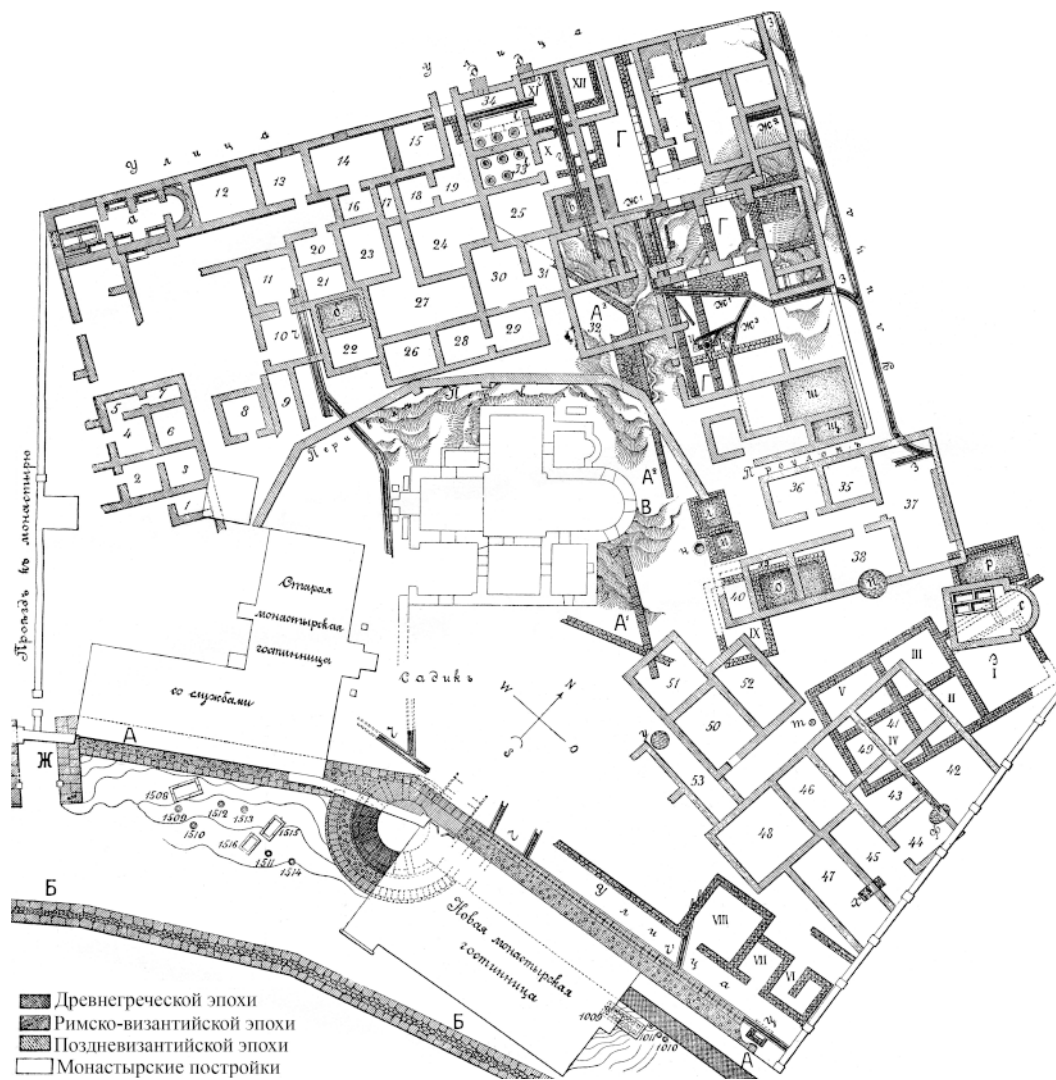

Рис. 4. План застройки участка в районе «Храма с ковчегом» (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

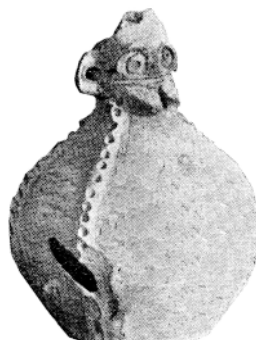

Рис. 5. Сосуд из раскопок здания «Г»
(по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

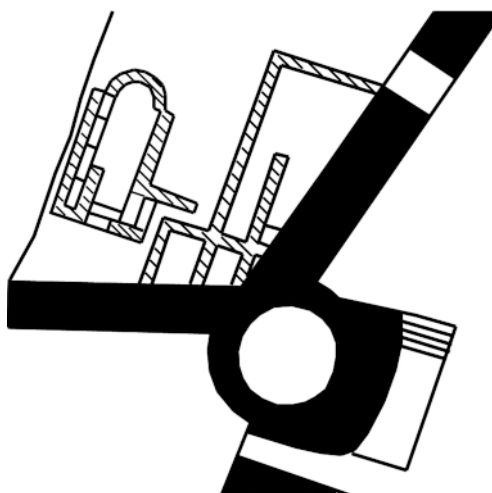

Рис. 6. План Юго-восточного
монастыря в Портовом районе
(по Т.Ю. Яшаевой).

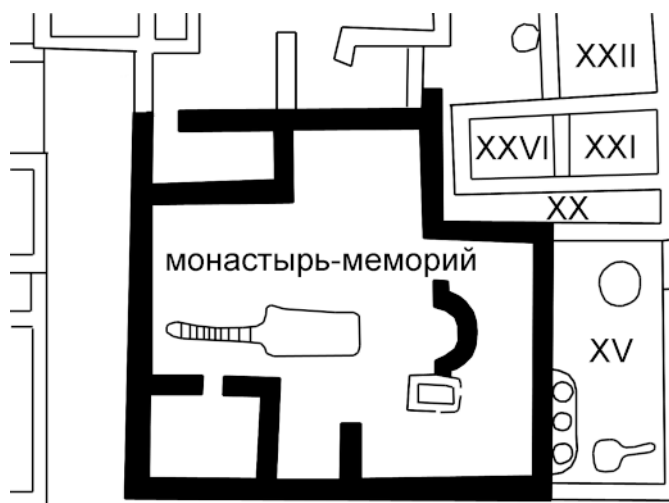

Рис. 7. План монастыря-
мемория в квартале III (по
Т.Ю. Яшаевой).

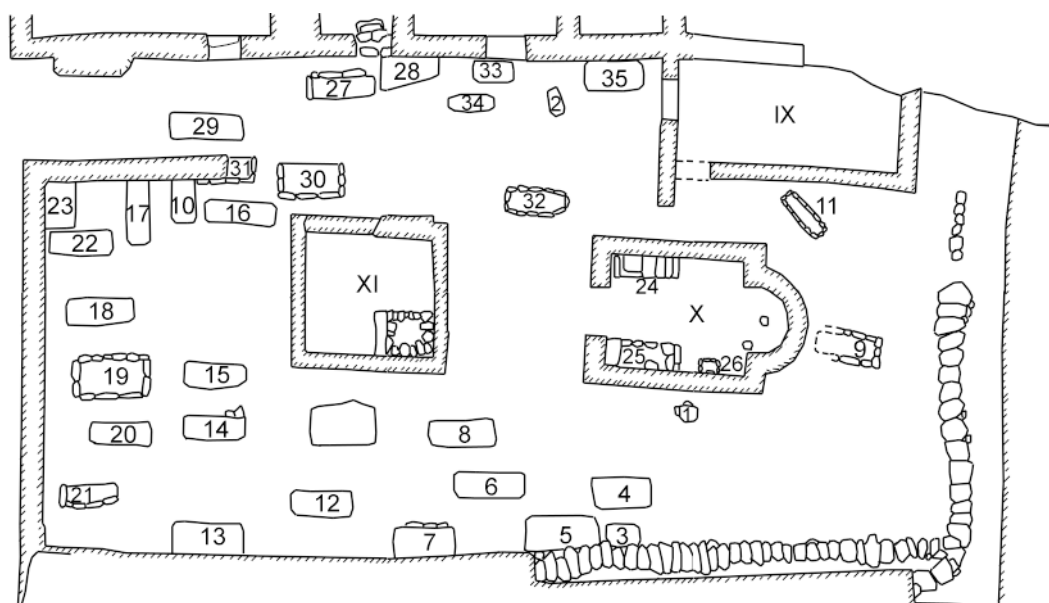

Рис. 8. План кладбищенского комплекса на месте базилики 1932 года (по Г.Д. Белову).

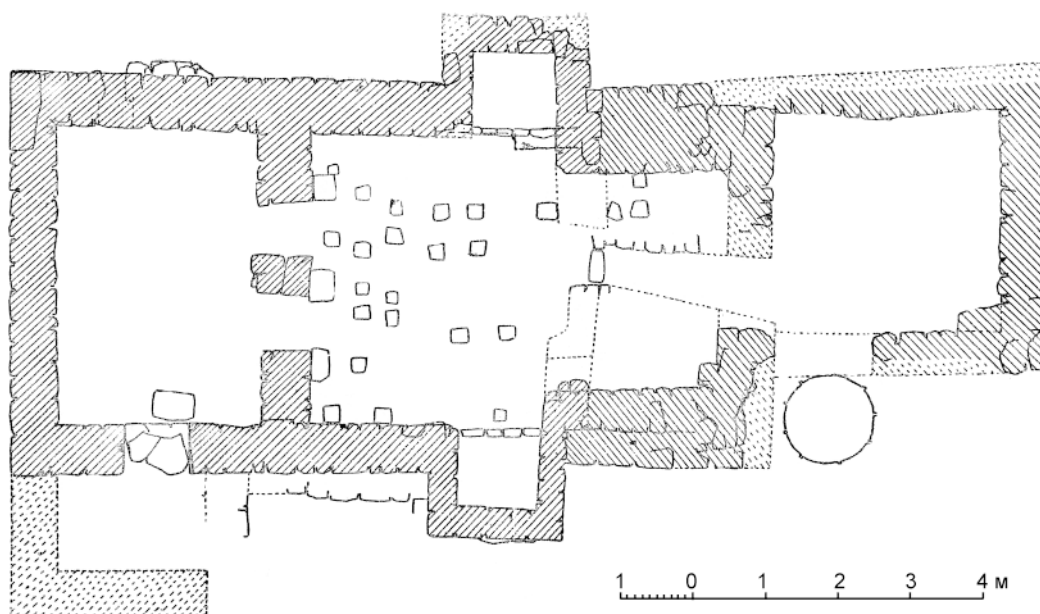

Рис. 9. План бани в квартале III Северо-восточного района (по А.Л. Якобсону).

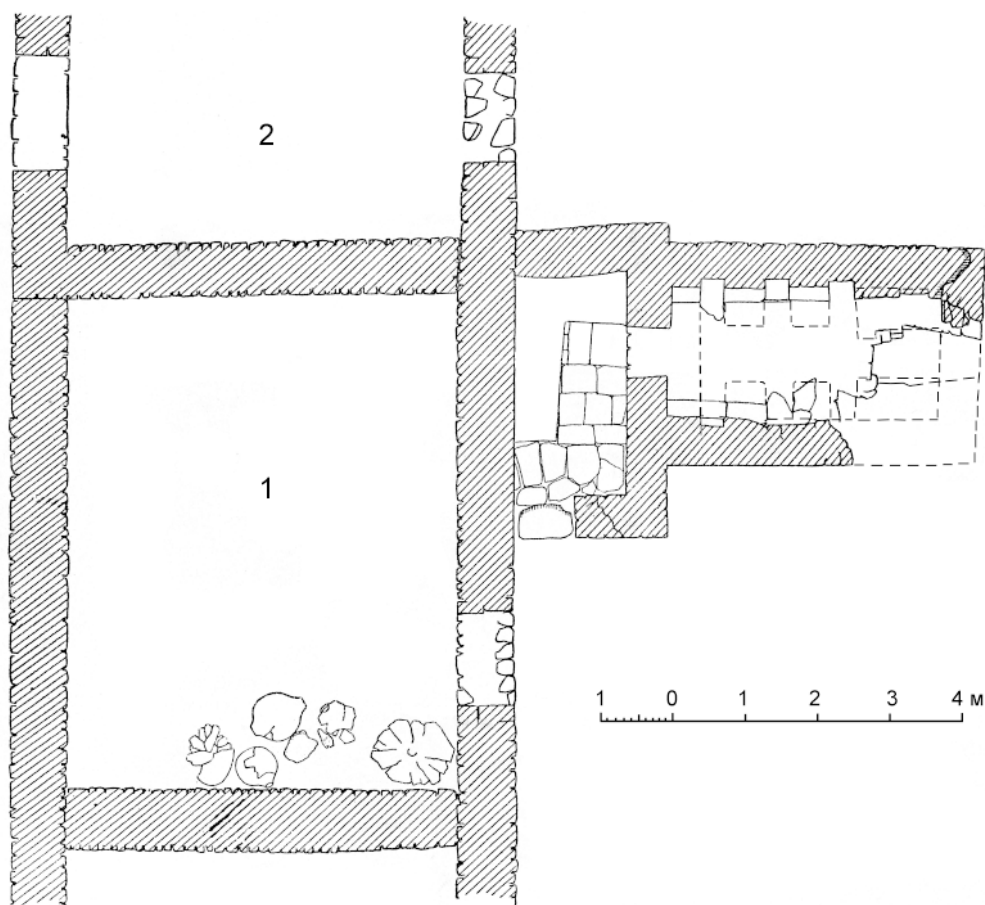

Рис. 10. План усадьбы с баней в квартале XV Северного прибрежного района (по Г.Д. Белову).

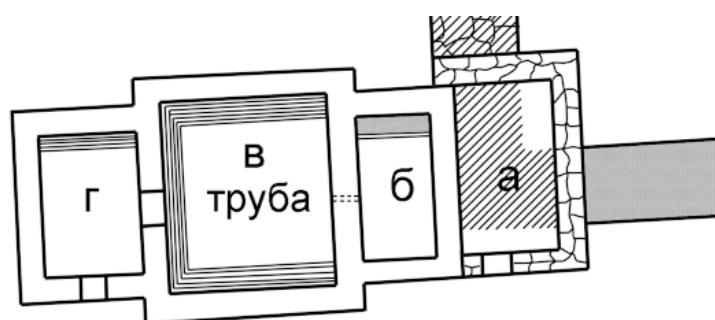

Рис. 11. План бани у башни XVIII Юго-восточного участка оборонительных стен (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

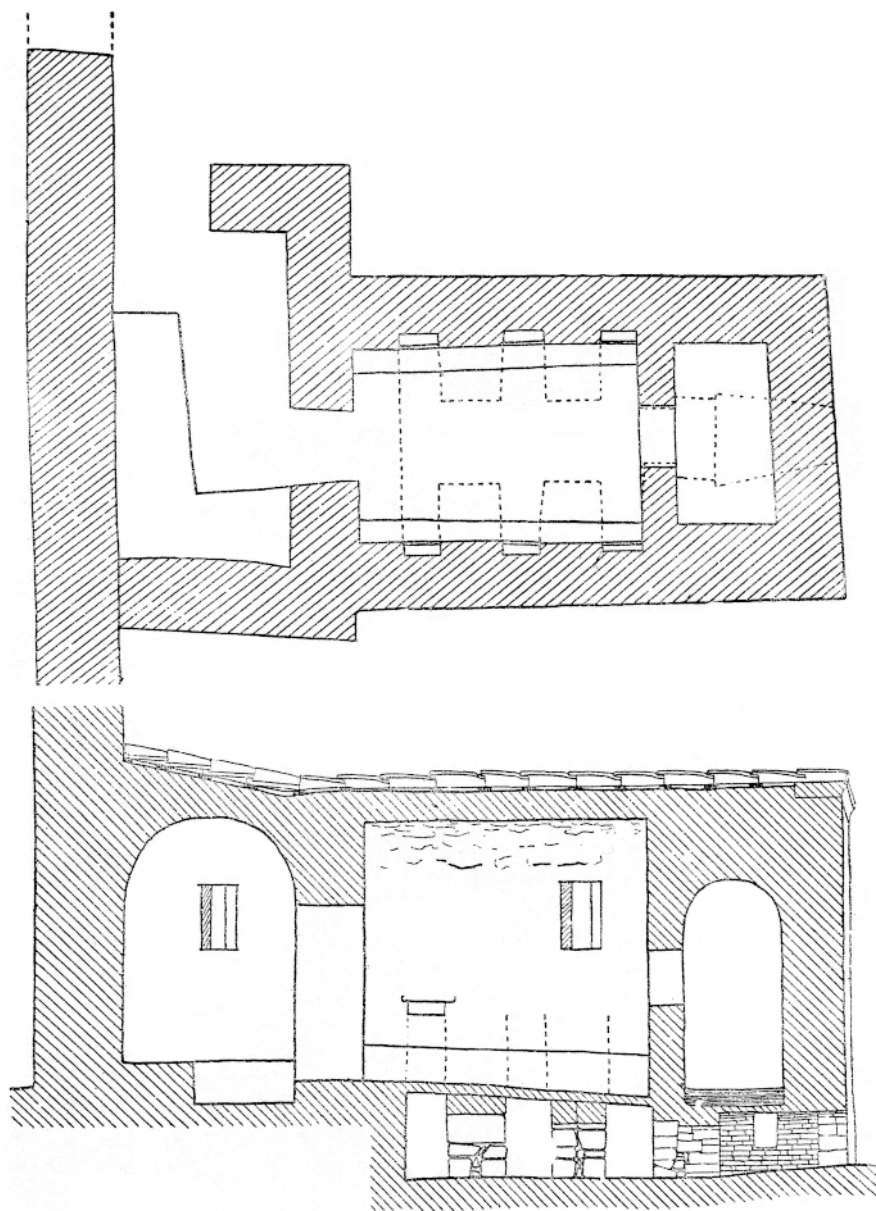

Рис. 12. Реконструкция (план и разрез) бани в квартале XV Северного прибрежного района (по А.Л. Якобсону).

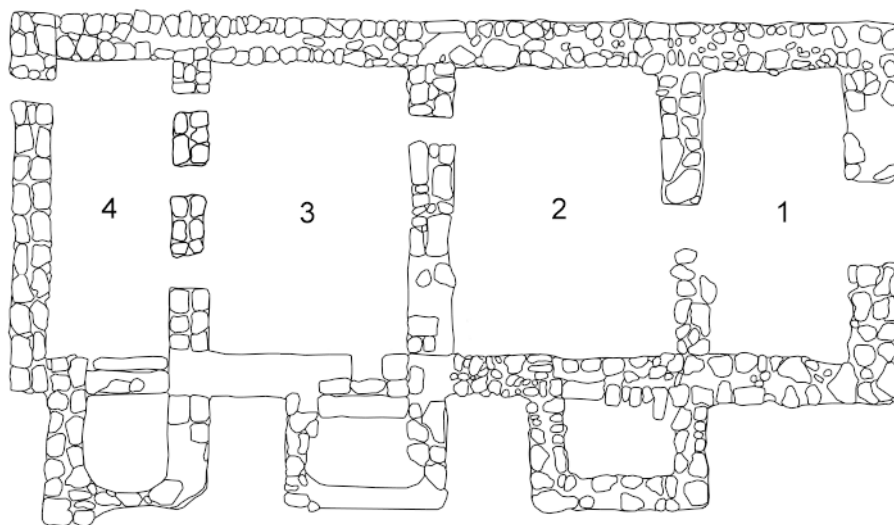

Рис. 13. План бани в квартале IX Северного района (по С.Г. Рыжову).

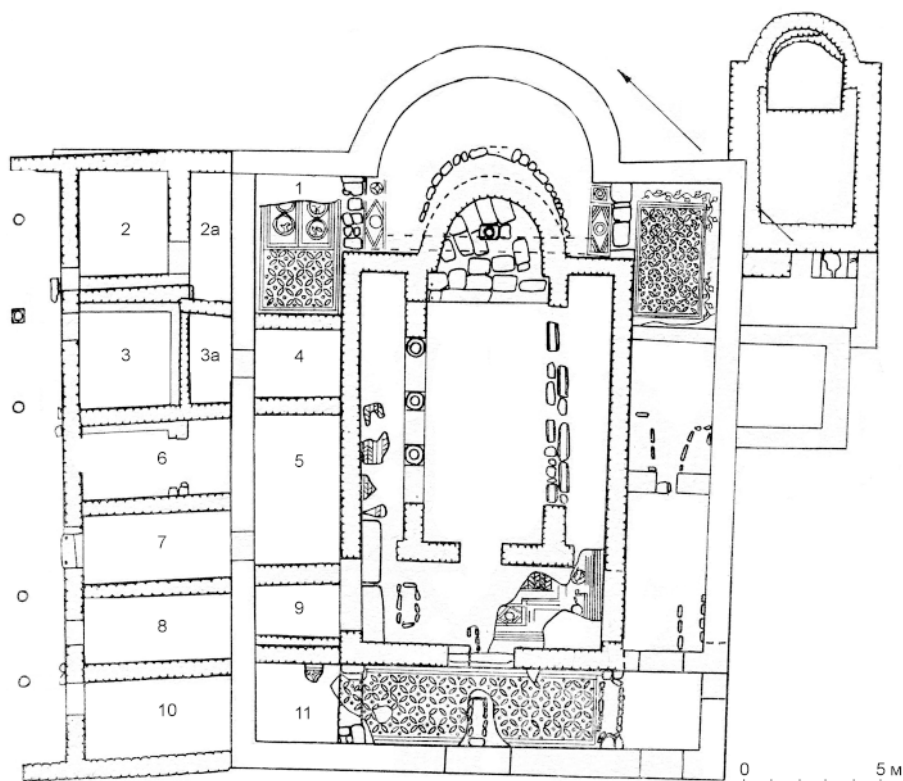

Рис. 14. Базилика № 15 с пристроенными к ней торговыми рядами (по С.Г. Рыжову).

Рис. 15. План участка, прилегающего к Карантинной бухте (по И.А. Антоновой).

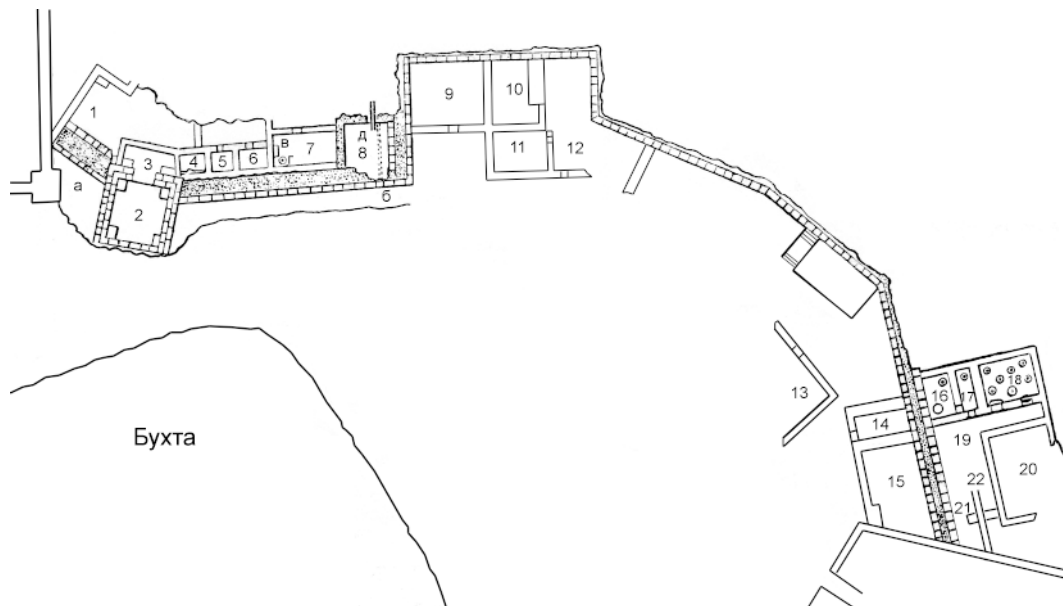

Рис. 16. План застройки в районе куртин 26 и 27 (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

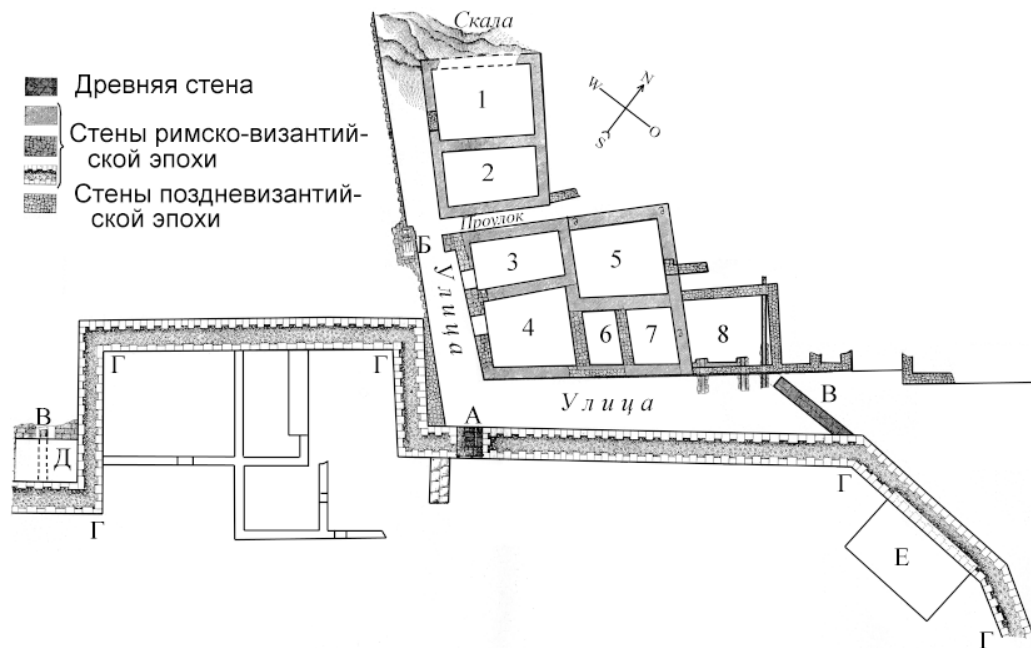

Рис. 18. План застройки участка к северо-западу от куртин 26-27 (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

Рис. 19. План застройки участка, прилегающего к куртине 26 (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

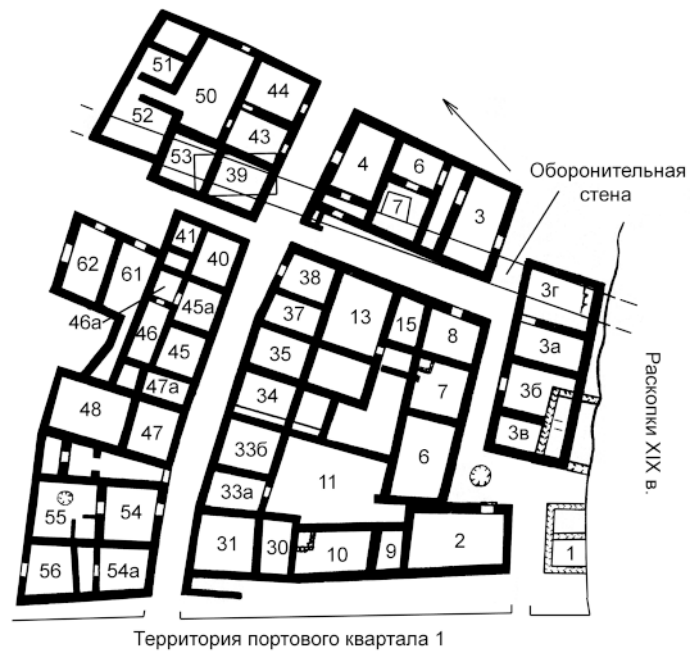

Рис. 20. План портового квартала 2 (по А.И. Романчук).

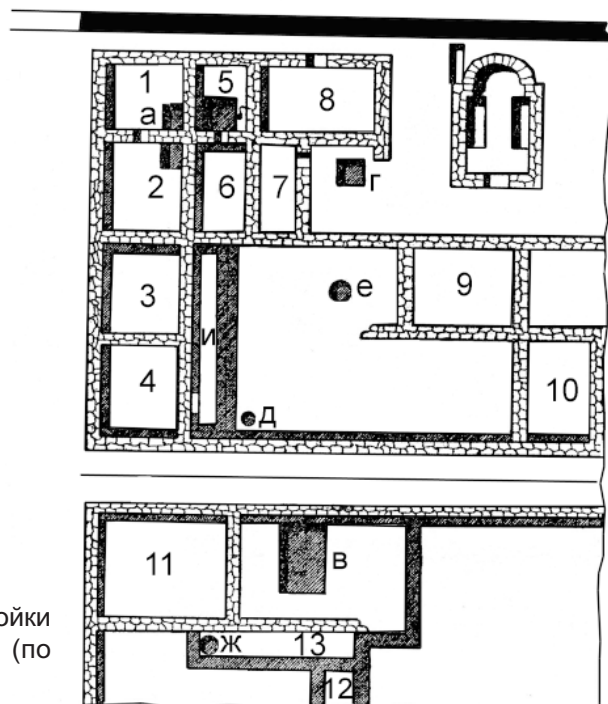

Рис. 21. План участка жилой застройки на центральной площади города (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

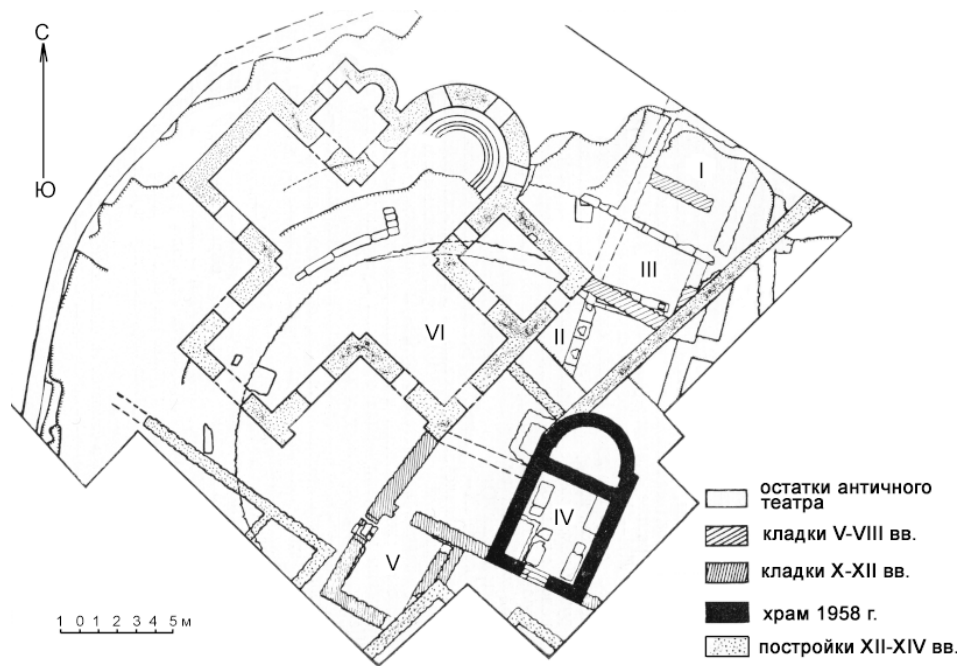

Рис. 22. План раскопок на участке античного театра (раскопки 1958 года; по О.И. Домбровскому).

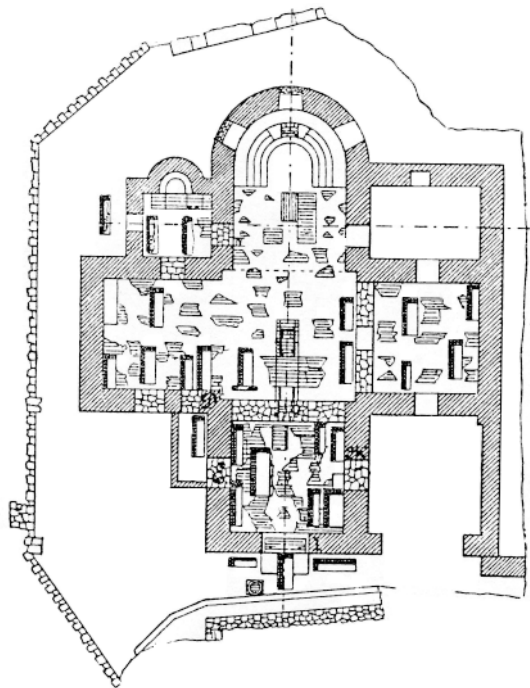

Рис. 23. План Храма с ковчегом (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу).

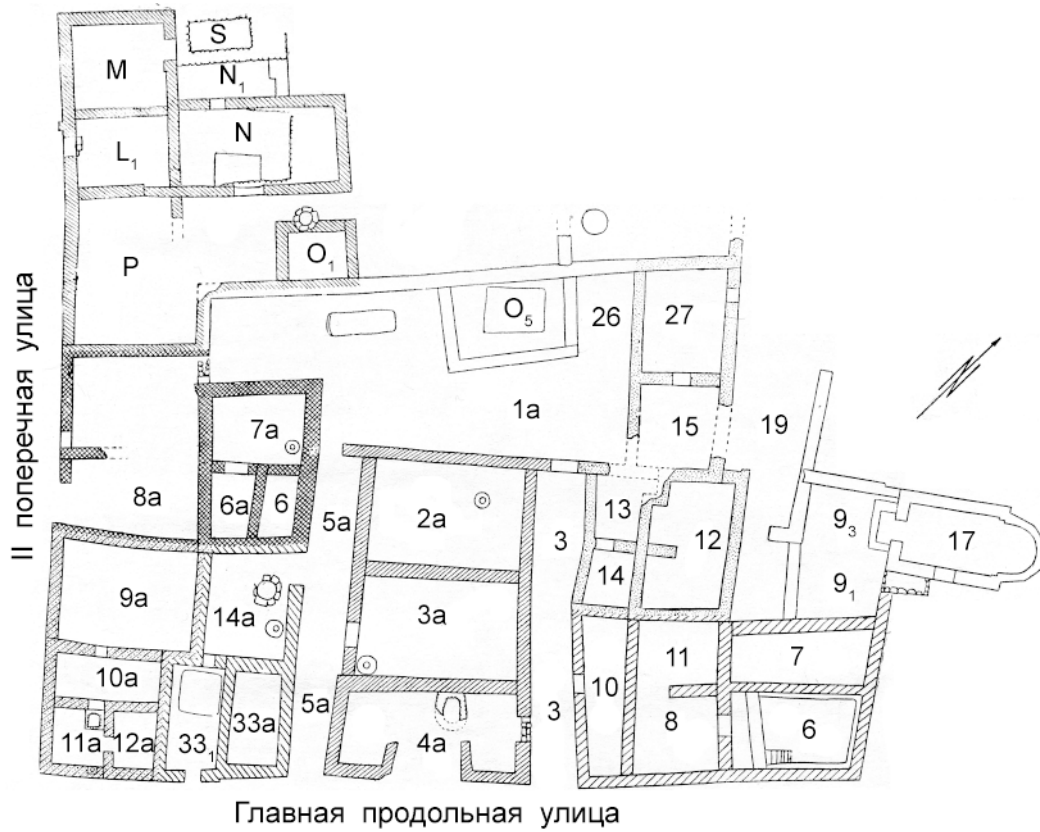

Рис. 24. План квартала I Северо-восточного района Херсонеса (по А.Л. Якобсону).

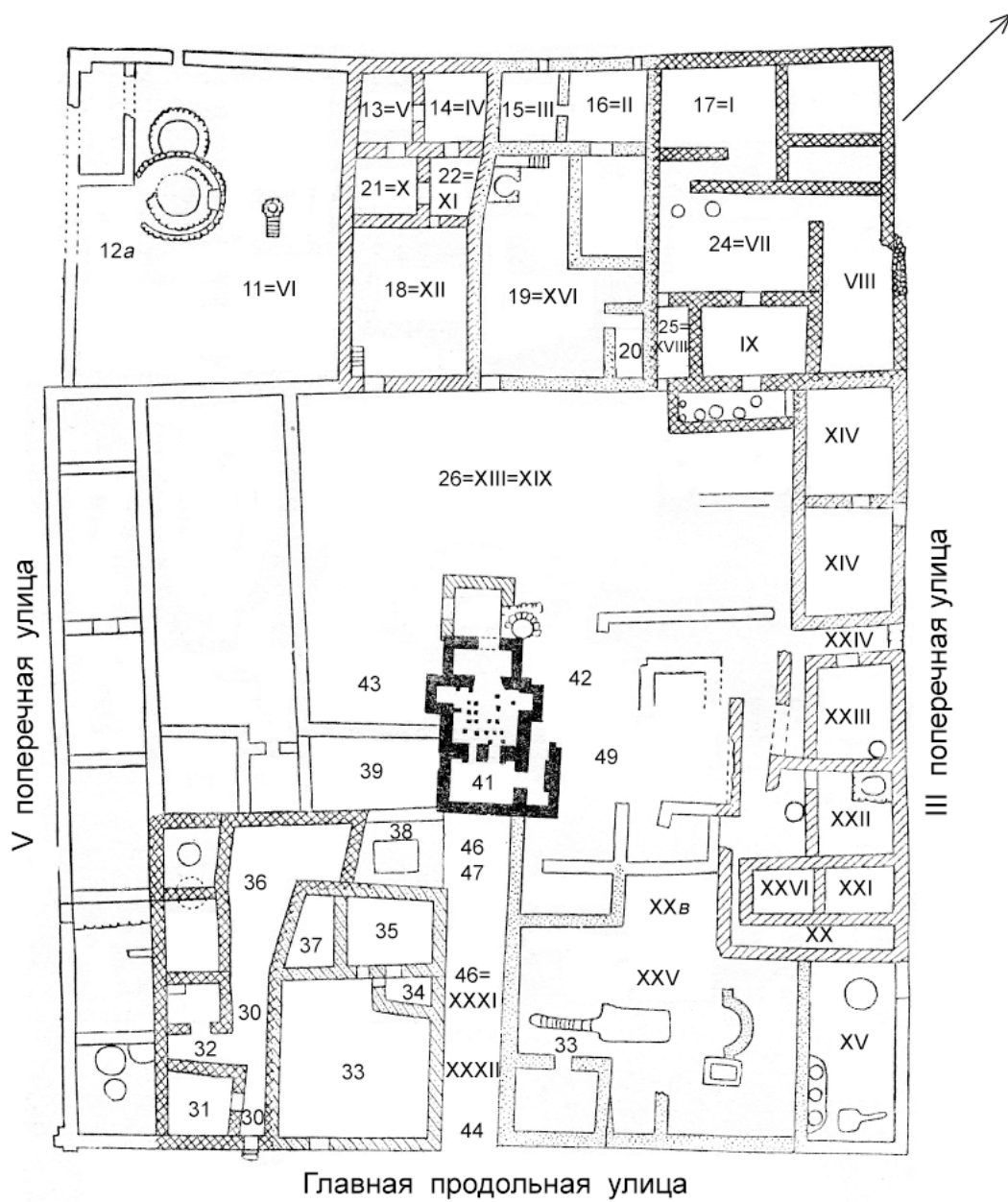

Рис. 25. План квартала III Северо-восточного района Херсонеса (по А.Л. Якобсону).

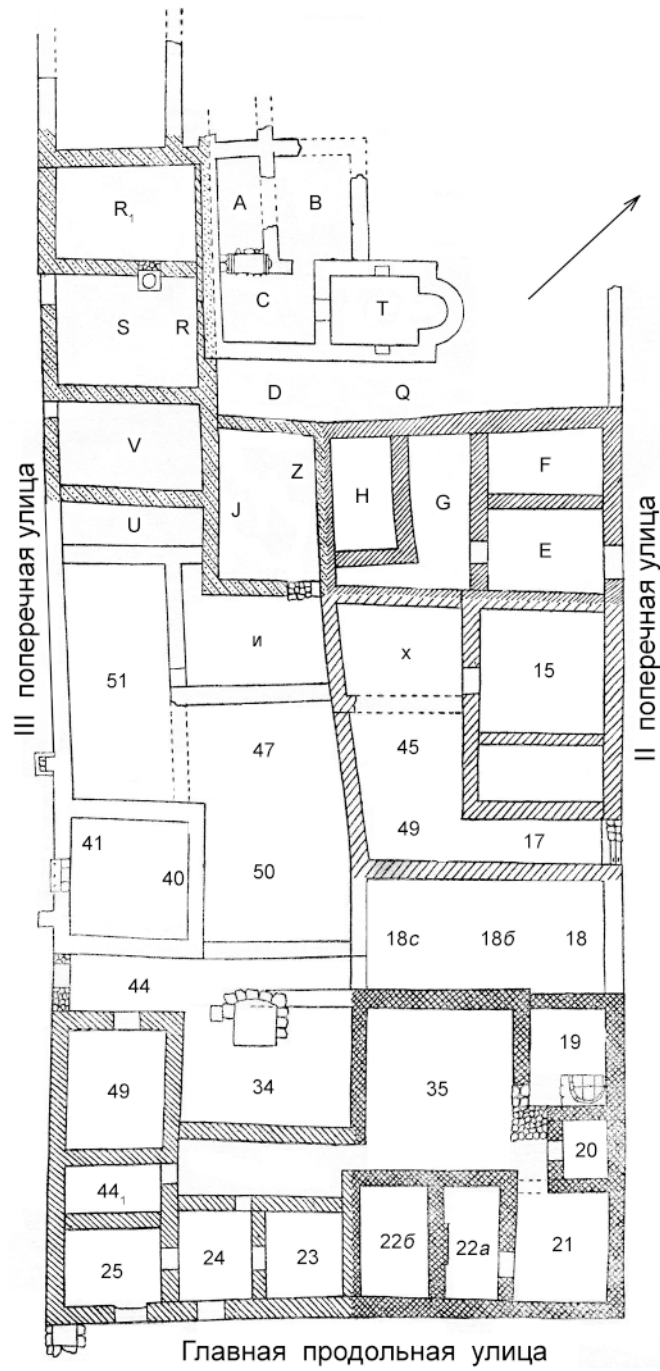

Рис. 26. План квартала II Северо-восточного района Херсонеса (по А.Л. Якобсону).

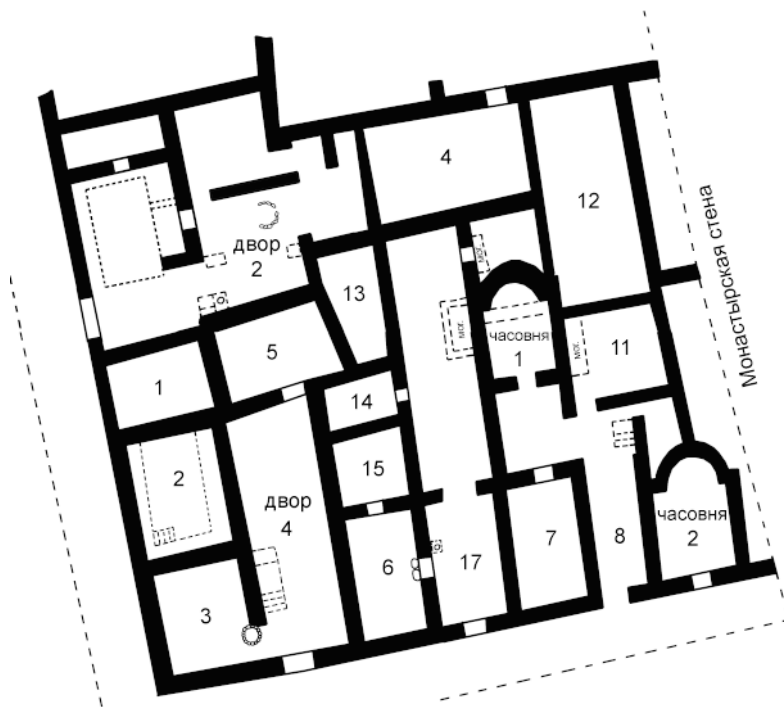

Рис. 27. План квартала X-A Северного района города (по С.Г. Рыжову).

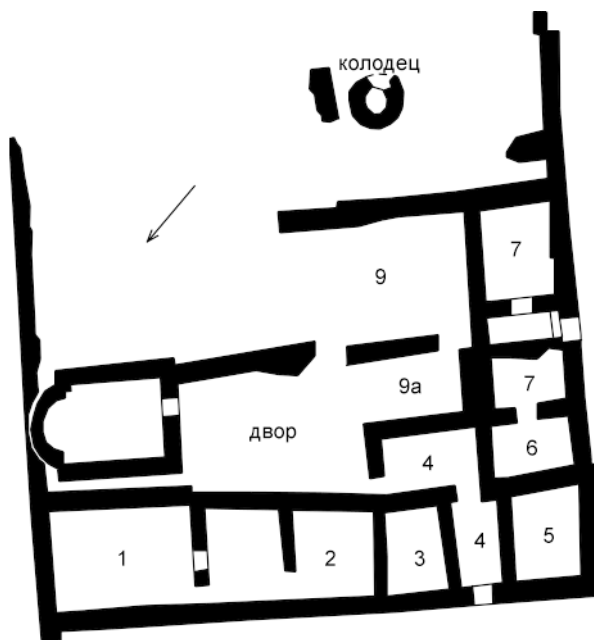

Рис. 28. План квартала VIII Северного района города (по С.Г. Рыжову).

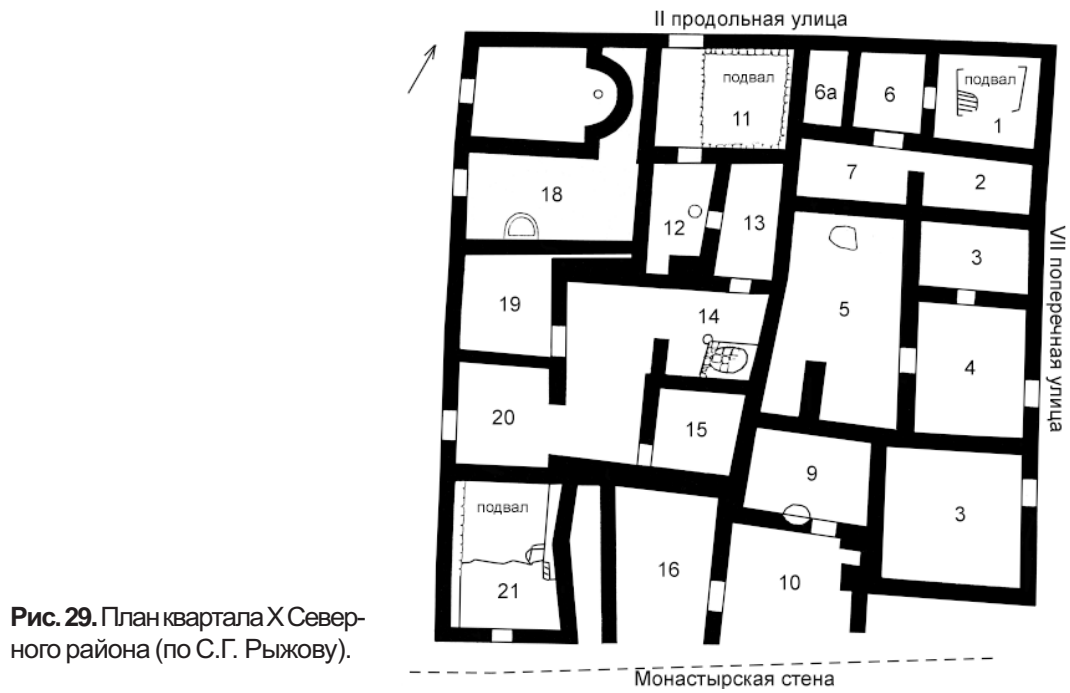

Рис. 29. План квартала X Северного района (по С.Г. Рыжову).

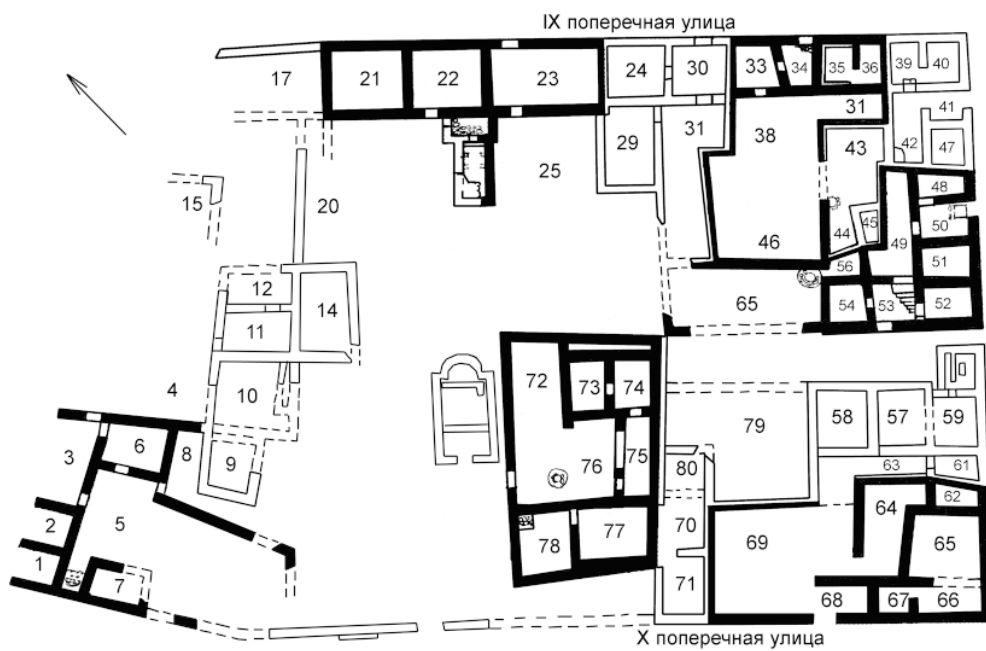

Рис. 30. План квартала XIII-XVIII Северного прибрежного района (по А.И. Романчук).

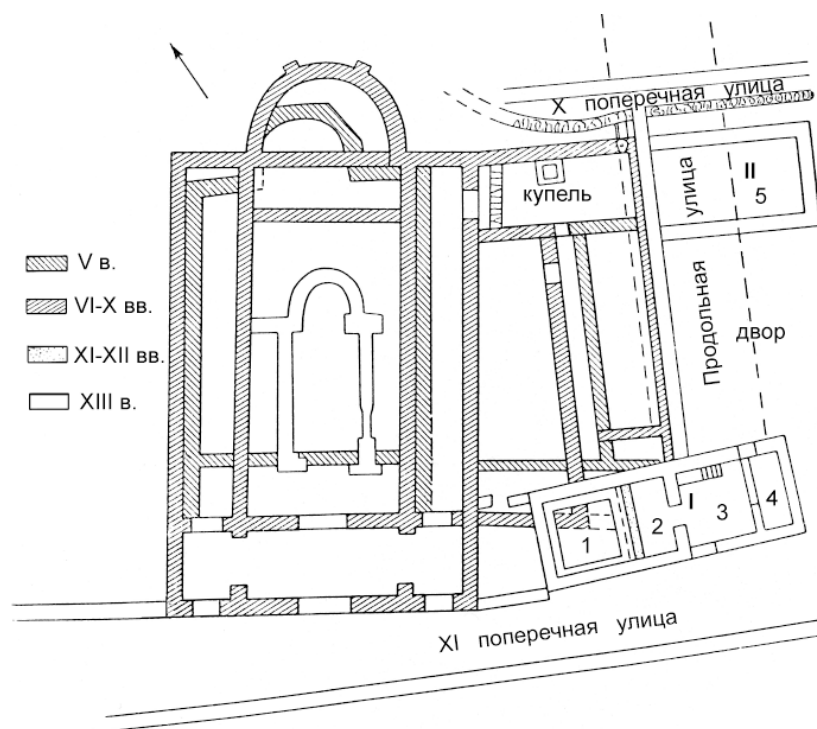

Рис. 31. План средневековой застройки в XIX квартале (по Г.Д. Белову).

Рис. 32. План дома в XX квартале (по Ю.П. Калашнику).

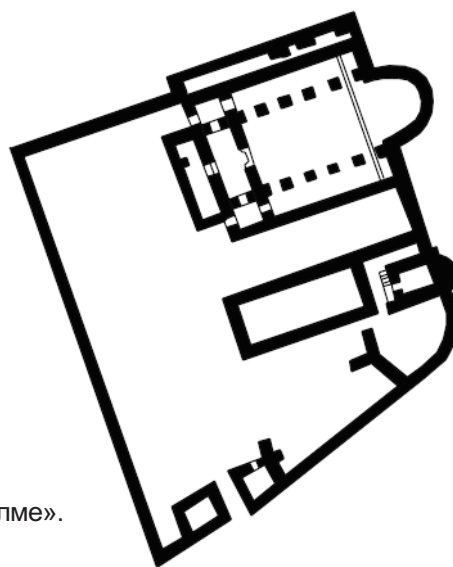

Рис. 33. План застройки участка «Базилики на холме». X-XIII вв. (по С.А. Беляеву).

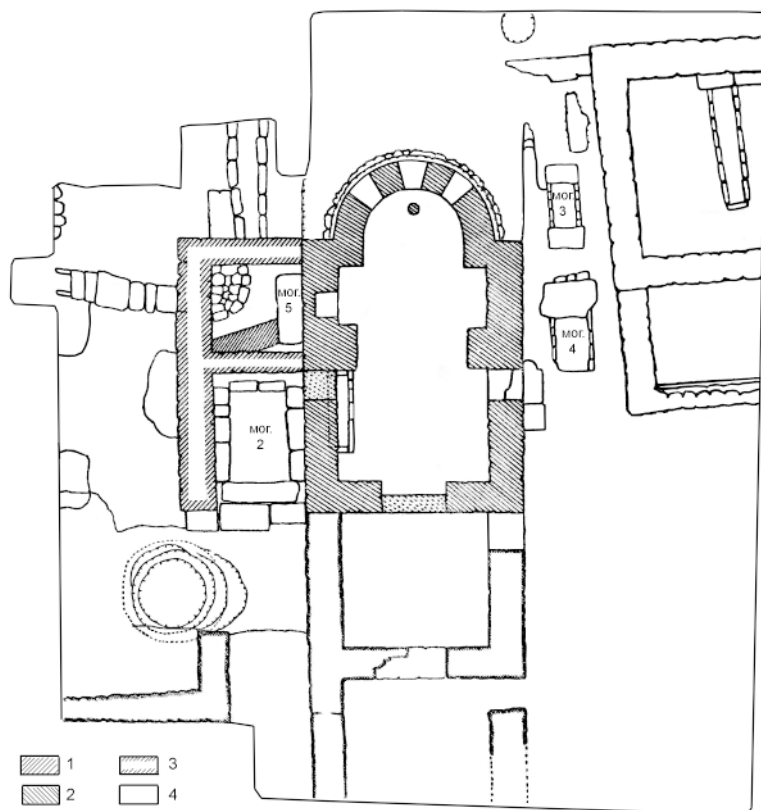

Рис. 34. План часовни и прилегающих помещений, раскопанных в 1930 году (по Г.Д. Белову).